

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 9, № 3
2022

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 9, № 3
2022

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 9, № 3
2022

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 9, № 3
2022

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплексных теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджеи Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Балташ Нурмухамбетович Карипов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примова РАН, Москва, Россия
- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

- **Алексей Михайлович Мاستепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	«Бean», Россия, 603003, г. Нижний Новгород, ул. Баррикад, д. 1, корп. 5
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.09.2022
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations, global and regional studies
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Andrei G. Kostyanov**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrei V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher's address:	Moscow, 127576, Abramzevskaja str. 8A
Printing house:	“Bean”, Nizhny Novgorod, Barricade str., 1, bld. 5
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.09.2022
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Газовая пандемия Восточного Средиземноморья 258*Игорь С. Зонн, Сергей С. Жильцов***Гуманитарная политика России за рубежом:
концептуальная перезагрузка 279***Марк А. Неймарк***Военное и военно-техническое сотрудничество Китая
со странами Центральной Азии в XXI веке 289***Игорь Р. Томберг***Европейский вектор внешней политики Италии 301***Светлана М. Гаврилова***Образовательная политика Турции
в Центральной Азии 319***Акмалджон С. Эргашев, Олег Е. Гришин*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

**Опыт и перспективы взаимодействия России
и современной мир-системы 327***Петр И. Паиковский*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Украинская кампания и развитие новых оперативных тенденций 338*Алексей А. Кривопалов*

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

**Особенности системной истории
международных отношений и мировой политики 354***Ирина В. Колосова*

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

The Gas Pandemic in the Eastern Mediterranean Region	258
---	------------

Igor S. Zonn, Sergey S. Zhiltsov

Russia's humanitarian policy abroad: a conceptual reload	279
---	------------

Mark A. Neimark

China's Military and Military-Technical Cooperation with Central Asian Countries in the XXI Century	289
--	------------

Igor R. Tomberg

The European Vector of Italy's Foreign Policy	301
--	------------

Svetlana M. Gavrilova

Turkish educational policy in Central Asia	319
---	------------

Akmaljon S. Ergashev, Oleg E. Grishin

ECONOMY

Experience and Prospects of Interaction between Russia and the Modern World System	327
---	------------

Petr I. Pashkovsky

POLITICS

The Ukrainian Campaign and the Development of New Operational Trends	338
---	------------

Alexey A. Krivopalov

HISTORY AND RELIGION

The Specific Features of the System History of the International Relations and World Politics	354
--	------------

Irina V. Kolosova

Газовая пандемия Восточного Средиземноморья

Игорь С. Зонн¹, Сергей С. Жильцов²

¹ *Московский Университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия,*

zonnis@list.ru

² *Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Россия,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,*

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается роль углеводородных ресурсов, которые находятся в Средиземном море. Открытие в последние десятилетие в этом регионе месторождений нефти и газа, значительно повысило роль Средиземноморья в обеспечении энергетической безопасности Европы. В последние годы, в связи с начавшейся перестройкой мировой энергетической карты, Средиземноморский регион оказался в центре внимания многих европейских государств. Одновременно с этим, было разработано большое количество проектов, связанных с разработкой перспективных месторождений, а также прокладки новых нефте- и газопроводов. Реализация многих проектов трубопроводов может значительно изменить расстановку сил на европейском газовом рынке, который оказался в фокусе внимания многих стран. Кроме того, рынок газа в Европе находится под сильным давлением поставок сжиженного природного газа, объемы поставок которого постепенно увеличиваются. В итоге, в перспективе разработка углеводородных ресурсов может значительно повысить роль Средиземноморья и оказать влияние на развитие европейского рынка нефти и газа.

Ключевые слова: Средиземное море, углеводородные ресурсы, ЕС, газовый рынок, сжиженный природный газ

Для цитирования: Зонн И.С., Жильцов С.С. Газовая пандемия Восточного Средиземноморья. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(3):258–278. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-258-278>

Статья поступила 15.05.2022

Принята в печать 10.06.2022

Опубликована 30.09.2022

The Gas Pandemic in the Eastern Mediterranean Region

Igor S. Zonn¹, Sergey S. Zhiltsov²

¹ The Moscow Vite S.Yu. University, Moscow, Russia,

zonnis@list.ru

² National Research Nuclear University MEPhI

(Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia,

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: The article deals with the role of hydrocarbon resources in the Mediterranean Sea. The discovery of oil and gas deposits in this region in recent decades has significantly increased its role in the energy security of Europe. Due to the transformation of the world energy map, the Mediterranean region has been the focus of attention of many European states. At the same time, a large number of projects on promising fields, as well as the laying of new oil and gas pipelines have been developed. The implementation of many pipeline projects can dramatically change the European gas market, which is of great interest to many countries. In addition, the European gas market is under extreme pressure because of the supply of liquefied natural gas, and its volume is gradually increasing. This means that in the long term the development of hydrocarbon resources can significantly enhance the role of the Mediterranean and affect the development of the European oil and gas market.

Keywords: Mediterranean Sea, hydrocarbon resources, EU, gas market, liquefied natural gas

For citation: Zonn I.S., Zhiltsov S.S. The Gas Pandemic in the Eastern Mediterranean Region. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):258–278. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-258-278>

Received 15.05.2022

Revised 10.06.2022

Published 30.09.2022

ВВЕДЕНИЕ

Средиземное море в XVI–XVII вв. иногда называли «океаном прошлого», ибо оно было фрагментом-реликтом, существовавшего в эпоху мезозоя, древнейшего океана Тетис, покрывшего всю поверхность Древнего мира, но сегодня этот «океан» становится «океаном будущего». Средиземное межматериковое море омывает на севере берега Европы, на востоке — Азии, на юге —

Африки, занимая глубокую впадину между континентами. Его площадь 2,5 млн км², протяженность с востока на запад более 3700 км, а с юга на север — 1600 км, максимальная глубина 5122 м. Часто его делят на два бассейна Западный и Восточный.

Восточное Средиземноморье или Восточный бассейн — это регион, простирающийся от восточного побережья моря,

где расположены страны Леванта (Ливан, Кипр, Сирия, Израиль, Иордания), Греция, Египет и Турция до островов Сицилия и Мальта. Сегодня эта его часть пребывает в процессе перемен. Если в прошлом структурные перемены происходили из-за действий сил природы (в легендах и истории моря центральное место занимали вулканы и вулканическая деятельность), то сегодня они обусловлены активной деятельностью человека. Это регион — важный узел мировой политики, где пересекаются, взаимодействуют, конфликтуют разнообразные культуры, традиции, интересы.

Видный британский историк, знаток истории Э. Брэдфорд Средиземноморья писал: «Нигде в мире больше нет такого места, где зародилось бы так много культур и цивилизаций, которые двигались по его изумрудным водам, обогащая друг друга. Богатство Средиземноморья обуславливается тем фактом, что море окружено тремя континентами, что привило к постоянному общению между расами, их населяющими. Были века, когда оно оставалось дремлющим, как поле под паром, но их всегда сменяли периоды большой активности» [1]. В настоящее время такой период наступил в связи с открытием крупных газовых месторождений в Восточном Средиземноморье.

Еще в начале 1990-х годов российские ученые-геологи прогнозировали на основе гидрографических и геофизических работ наличие в регионе углеводородных ресурсов. В то время на это не обратили внимания и отнеслись скептически, но почти через четверть века эти предложения оправдались. Прогноз строился на том, что Восточное Средиземноморье является краевой частью огромного Сахаро-Средиземноморского нефтегазового бассейна, который уже был известен крупными сухопутными месторождениями Северной Африки, а также месторождениями в дельте Нила на юге

и на побережье Турции и Сирии на севере и северо-востоке. Часть этого огромного бассейна занимает Левантский осадочный бассейн. На севере он ограничен складчатыми структурами Кипра, на юге отложениями конуса выноса дельты Нила, на западе — возвышенностью Эратосфенос, на востоке побережьем Средиземного моря. Площадь Левантского бассейна около 83 тыс. км², средняя толщина осадочного чехла около 10 км.

Известный британский авторитет в области энергетики Д. Ергин в 2011 г. писал «На очереди и другие страны, включая Израиль, где открытие крупного газового месторождения (речь идет скорее всего о газовом месторождении Левиафан с запасами газа 450-620 млрд м³) может превратить восточную часть Средиземного моря в новый район газодобычи» [2].

С 2010 г. Восточное Средиземноморье становится новой газовой провинцией и горячей точкой в международной энергетической дискуссии. Начавшаяся военная спецоперация России по демилитаризации и денационализации Украины в феврале 2022 г., выявила слабые стороны мирового энергетического рынка, особенно на Европейском континенте, зависящем от поставок российского природного газа. Принятие ЕС санкции против России, выразившихся в отказе от российского газа заставило европейские страны заняться поиском новых источников в качестве альтернативы замены этому углеводороду. Европа обратила внимание на страны Ближнего Востока и Северной Африки, чтобы обеспечить поставки природного газа и минимизировать свои потери [3].

Стратегическая значимость современного Средиземноморья состоит в том, что этот регион «остается удобным плацдармом, с которого можно оказывать влияние на такие важные для мировой экономики и по-

литики районы, как Ближний Восток, Северная Африка, Черноморско-Азовский бассейн», географическое, и связанное с этим геополитическое положение стран Средиземноморья делает их важной компонентой всей системы безопасности европейского континента [4]. Через Средиземное море пролегают магистральные торговые пути, связывающие Запад с Востоком и нефтегазовым Персидским заливом, что делает средиземноморье одним из главных энергетических коридоров.

Средиземноморский регион в геологическом отношении изучен слабо. Оценки углеводородного потенциала варьируют до 50 млрд баррелей нефти и до 500 трлн футов³ (14,15 трлн м³) природного газа. В годовом статистическом бюллетене ОПЕК за 2017 г. разведанные и доказанные запасы Восточного Средиземноморья составляют 10,477 трлн м³.

Геологическая служба США в рамках программы оценки размещения приоритетных бассейнов нефтегазовых ресурсов в мире в 2010 г. оценила запасы неоткрытых газовых ресурсов в бассейне Дельты Нила в 6,3 трлн м³ и в Левантийском бассейне 3,5 трлн м³ [3]. Согласно данным «Бритиш Петролеум» (BP) на 2015 г. доказанные запасы составляли около 186,9 трлн м³. Это не могло не вызвать интерес к активному разведочному бурению в этих бассейнах.

ГАЗОВЫЙ КЛОНАЙК ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Начиная с 2000 г. интенсивное геолого-разведочное бурение в этом регионе позволило открыть на шельфе Израиля, Египта и Кипра ряд крупных природных газовых месторождений, оказавших значительное влияние на международные отношения и имеющее широкомасштабные геополитические последствия.

Египет в 2018 г. официально вышел на самообеспечение по газу и прекратил импорт сжиженного природного газа (СПГ), что позволило сэкономить около 1,5 млрд долл. в год. Это стало возможным в результате роста внутренней добычи газа. С 2019 г. Египет начал экспортировать природный газ, в 2021 г. он поставил 8,9 млн м³ СПГ. Этому способствовало открытие крупнейшего газового месторождения Зохран, а также реализация ряда проектов в дельте Нила и на шельфе Средиземного моря к северу от Александрии. «Зохран», крупнейшее шельфовое газовое месторождение на Средиземном море в пределах блока Шорук (Shorouk) в 190 км от берега открыто EN-I в 2015 г. Площадь месторождения 231 км², глубина акватории 1200-1700 м, газовой залежи — 3,4–4 км. Геологические запасы оцениваются в 850 млрд м³. В 2016 г. они были скорректированы и составили 453 млрд м³. Добыча началась в 2018 г. Оператор проекта EN-I (50 % участия) ПАО НК «Роснефть» (30 %), BP (10 %), «Mubdala Petroleum» (10 %). Египет рассчитывает в будущем стать региональным центром торговли СПГ, что может перекроить энергетический рынок Европы. В июне 2022 г. Ливан, Египет, Сирия подписали соглашение об импорте египетского природного газа по Арабскому газопроводу. Планируемая поставка 650 млн м³/год на электростанцию в Дейр Аммо на севере Ливана. Тогда же Египет, Израиль и ЕС подписали меморандум о взаимопонимании в сфере экспорта газа. Поисково-разведочные работы и сейсмические исследования были начаты в районе Суэцкого залива, шельфа Средиземноморья в 1997–1998 гг. и получили положительные результаты. Дельта Нила уже в течение продолжительного времени (с 1970 г.) рассматривается как газовый бассейн крупного значения. Однако, открытые здесь месторождения начинают истощаться.

За последние пятнадцать лет Израиль сделал мощный рывок в геологоразведке своей исключительной экономической зоне (ИЭЗ) континентального шельфа Восточного Средиземноморья. В 1999 г. компания Tethys Sea обнаружила на Средиземноморском шельфе, в ИЭЗ в 40 км от города Ашкелон первое значительное газовое месторождение «Ноа».

«Мэри-Б» — газовое месторождение. Открыто в 16 км от берега в районе г. Ашдод в 1999–2000 годах. Глубина моря 375 м, газоносного пласта 1400 м. Запасы составляют 33–45 млрд м³. Оператор «Tethys Sea».

«Далит» (Dalit) — газовое месторождение в Израиле в акватории Средиземного моря. Расположено в 54 км от берега; глубина моря в этом месте составляет 1285 м. Глубина газоносного пласта 3700 м. Открыто в марте 2009 г. Начальные запасы газа составляют 20 млрд м³. Оператором месторождения является американская нефтяная компания Noble Energy (36 %). Другими партнерами являются компании: Isramco Negev 2 (28,75 %), Delek Drilling (15,625 %), Avner Oil Exploration (15,625 %), Dor Gas Exploration (4 %).

«Тамар» — газовое месторождение в Израиле, Левантийского нефтегазоносного бассейна на шельфе восточной части Средиземного моря вблизи морской границы Израиля с Ливаном, но в ИЭЗ Израиля. Открыто в 2009 г. Расположено в 92 км от берега в районе г. Хайфа; глубина моря 1642 м. Продуктивный газоносный пласт на глубине 5500 м. Площадь месторождения составляет 250 км². Начальные запасы газа составляют 300 млрд м³ (доказанные 223 млрд м³). Оператор месторождения компания Noble Energy (36 %). Партнерами являются компании: Isramco Negev 2 (28,75 %), Delek Drilling (15,625 %), Avner Oil Exploration (15,625 %), Dor Gas Exploration (4 %). Промышленная добыча газа началась 30 мар-

та 2013 г. Углеводородное сырье пошло по газопроводу, соединяющему добывающие платформы с терминалом в городе Ашдод на юге страны. Потребителями газа являются частная электростанция в Израиле, станции частной компании Edeltech (Израиль); подписаны 18-летние контракты на поставки. Консорциум, который включает в себя U.S. Noble Energy, подписал контракт на экспорт газа в Египет с частной египетской фирмой. В начале 2018 г. Египет и соседняя Иордания заключили Договор на поставку 44 млрд м³ газа в течение 10 лет. В 2019 г. увеличили его до 85 млрд м³ в течение 15 лет. Строительство соединительного газопровода Ашдод–Ашкелон позволит начать полномасштабные поставки газа, добываемого на месторождениях «Левиафан» и «Тамар».

«Левиафан» — газовое месторождение. Расположено в 130 км от берега вблизи морской границы Израиля с Ливаном и в 47 км к юго-западу от газового месторождения «Тамар» на глубине 5170 м (глубина моря 1634 м). Открыто в 2010 г. Noble Energy, США. Запасы 540–620 млрд м³ газа. Промышленная добыча началась на стыке 2019–2020 годов.

«Танин» — газовое месторождение, расположенное в 120 км от побережья Израиля. Это седьмое месторождение, открытое в стране, расположенное рядом с гораздо более крупным газовым месторождением Левиафан. Газ обнаружен 5 февраля 2012 г. Noble Energy на глубине 5500 м. По предварительным оценкам, потенциал природного газа на месторождении «Танин» составляет 1,2–1,3 трлн футов³ (около 30 млрд м³). «Танин» расположено в пределах лицензии Alon A, партнерами которой являются три компании: Noble Energy (47 %), Delek Drilling (26,5 %) и Avner Oil Exploration (26,5 %). Это третье по величине месторождение природного газа в Израиле.

«Кариш» (Karish) — газовое месторождение в Израиле в акватории Средиземного моря. Открыто в мае 2013 г. Начальные запасы газа составляют 45–57 млрд м³. Оператором месторождения является американская нефтяная компания Noble Energy (47,06 %). Другими партнерами являются компании: Delek Drilling и Avner Oil Exploration (по 26,47 %).

Еще одно крупное газовое месторождение «Пеладжик» находится в акватории Средиземного моря, в 170 км от берега. Открыто в 2012 г. Запасы оцениваются в 189 млрд м³. Более глубокие горизонты бурения могут содержать еще 380 млрд м³ природного газа. Оператором месторождения является американская нефтяная компания Ryder Scott.

Именно эти месторождения положили начало открытию крупных газовых месторождений, что позволило добиться 40 % выработки электроэнергии страны и обеспечить коммерческую добычу газа. По информации различных геологоразведочных служб перспективные ресурсы газа на израильском шельфе составляют более 680 млрд м³ [6].

Рассматривается вопрос о строительстве на открытых месторождениях плавучих систем по сжижению газа (floating LNG systems), с которых сжиженный газ можно будет транспортировать на мировые рынки. Опыт строительства и эксплуатации таких систем имеется у крупнейших нефтяных компаний, таких как «Shell» и «Сопос». Так в 2012 г. международный обозреватель В. Попович информировал о реализации этой идеи на «Левиафане». Кроме того, подводный трубопровод соединит месторождение с Кипром, где будет построена аналогичная стационарная экспортная установка, а также с месторождением Афродита и турецкой газотранспортной системой в портах Джейхан, Мерсин или Анталие,

откуда газ будет поставляться в Западную Турцию и Европу [7].

Ливан, находясь в сложном геополитическом окружении Сирии и Израиля, и нестабильном внутреннем положении, обусловленном финансово-экономическом коллапсом, политическим кризисом, последствиями пандемии COVID-19 пока не начинает геолого-разведочное бурение. Проведенные 2D и 3D сейсмические исследования на 70 % ИЭЗ показывают перспективу высоких запасов природного газа. Еще в 2012 г. руководство британской компании Geo Spetrum, проводящий разведочное исследование у берегов Ливана заявило, что у юго-западного побережья страны, рядом с границами с Кипром и Израилем, находится не менее 707 млрд м³ газа. Тем самым ливанские месторождения могут оказаться значительно большими чем месторождения природного газа в территориальных водах Кипра [6]. В 2018 г. было подписано соглашение с консорциумом энергетических гигантов Франции, Италии, России, Total, Eni и «Новатэк» на разработку двух блоков на континентальном шельфе.

Греция, отягощенная множеством внутренних проблем, пока не имеет возможности развивать свои углеводороды. Кроме того, Греции необходимо выработать свою позицию в связи с подписанием меморандума Турцией с Ливией. Несмотря на это, Греция стремится получить четкое представление о потенциале своих запасов газа к концу 2023 г. Афины планируют завершить к марту 2023 года первый раунд сейсморазведки для выявления любых газовых месторождений, которые они могли бы использовать в одном наземном и пяти морских районах в Западной Греции и у острова Крит. Hellenic Petroleum владеет лицензиями на разведку пяти из шести перспективных блоков, в том числе двух блоков к западу и юго-западу от Крита со-

вместно с французской TotalEnergies и американской Exxon Mobil.

Кипрская ИЭЗ разделена на 12 блоков и потенциально богата газом. Бурение на собственном шельфе Кипра началось в 2011 г. в 100 км от его южного побережья компанией «Noble Energy», США, несмотря на угрозы Турции и сразу же было открыто месторождение природного газа «Афродита». Согласно оценкам? запасы газа оцениваются от 120 до 170 млрд м³. Глубина моря 1700 м, а газоносного пласта еще 6000 м. Площадь 120 км². По подсчетам американской компании Exxon Mobil запасы газа составляют 227 млрд м³. Если этот прогноз подтвер-

дится, то месторождение может стать третьим по величине в мире.

Было анонсировано начало экспорта газа в 2019 г. Однако страна не имеет газовой инфраструктуры, а потому в лучшем случае может использовать газ для собственных нужд. В случае экспорта потребуется строительство СПГ терминалов или газопроводов. Менее затратным рассматривается соединение «Афродиты» с египетскими СПГ.

Кипрские власти выдали лицензии на разработку месторождений углеводородов в зонах, которые, по их мнению, находятся под ее юрисдикцией иностранным компаниям — фр. Total, итал. ENI, брит-гол.

Таблица 1. Шельфовые месторождения природного газа в Восточном Средиземноморье

Страна	Месторождение	Год открытия	Оценка запасов млрд м ³	Начало добычи	Оператор(ы)
Кипр	Афродита	2011	140-170	2017	Noble Energy
	Калипсо	2018	170-225		(США)
	Главк-1	2019	130		Delek group (Израиль)
Израиль	Ноа	1999	0,04	2012	Noble Energy (США)
	Мари-Б	2000	2,8	2004	
	Далит	2009	0,5	2013	
	Тамар	2009	240-280	2013	
	Левиафан	2010	540-620	2016	
	Дельфин	2011	0,08	Не в производстве	Energean Israel (Израиль)
	Шимшон	2012	0,3	-«-»	
	Танин	2012		-«-»	
	Кариш	2013	1,8	-«-»	
Египет	Зохр	2015	850	Неизвестно	ENI (Италия)
Палестинские территории	Газа Марин	2000	1	Неизвестно	

Источники: International Energy Agency, Wood Mackenzie

Royal Dutch. Shell, Катар. Qatar Petroleum, Корейск. Kogas, амер. Exxon Mobil. Эксперт аналитического управления при Конгрессе США Майкл Ратнер (Michael Ratner) обращал внимание на отсутствие у Кипра соответствующей инфраструктуры для экспорта газа, и в первую очередь терминалов для СПГ [5]. В 2016 г. Кипр и Египет подписали рамочное соглашение о строительстве газопровода для поставок газа с «Афродиты» в Египте.

Несмотря на открытие крупных газовых месторождений, запасы его составляют менее 1,5 % мировых запасов [5]. Как отмечал Е. Karagiannis, запасы природного газа в Восточном Средиземноморье рассматриваются западными правительствами и компаниями в качестве стратегического приоритета по трем причинам:

- 1) Большая часть газа предназначена на экспорт, поскольку потребности Израиля и Кипра низкие и ожидается, что они останутся на том же уровне;
- 2) Газ может покрыть значительную часть энергетических потребностей Европы, и таким образом сократить зависимость Европы от России и Алжира;
- 3) Израиль и особенно Кипр испытывают недостатки в финансировании и технологии для независимой добычи этих запасов газа, а потому необходимы предложения западных энергетических компаний и значительные инвестиционные возможности [8].

ВОЗМОЖНАЯ ГАЗОТРАНСПОРТНАЯ АРХИТЕКТУРА ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Природный газ — это не новый элемент в энергетической архитектуре Восточного Средиземноморья. Как известно, трубопроводы наиболее дешевый и лучший способ подключения к существующей газовой архитектуре Европы. В настоящее время

рассматриваются несколько вариантов доставки природного газа и СПГ в Европу. Это 1. Газопровод Израиль-Кипр-Греция. 2. Газопровод Израиль — Турция. 3. Газопровод Израиль-Кипр с подключением заводов СПГ в Египте. 4. Строительство завода СПГ в Вассиликосе, Греция. 5. Строительство завода СПГ в Израиле. 6. Присоединение восточно-средиземноморских стран к «Южному газовому коридору», поставляющему азербайджанский газ в Европу через Турцию.

Израиль фактически не имеет газотранспортной инфраструктуры. Он лишь связан трансграничным подводным газопроводом Эль-Ариш-Ашкелон только с Египтом, длиной 90 км, диаметр 660 мм соединяет арабский газопровод с Израилем. Его пропускная способность 7 млрд м³ с увеличением до 9 млрд м³. Введен в эксплуатацию в 2008 г., но затем прекратил работу из-за нехватки газа в Египте и в 2019 г. был переведен в реверсное направление, т. е. газ по нему поступал из Израиля в Египет. С 2020 г. экспортируется газ с «Левиафана». В 2010 г. газопровод обеспечивал около половины потребностей Израиля.

Израильтянам придется решать какими маршрутами отправлять газ на экспорт. Как отмечает Г. Прохоров «это не столько проблема логистики, сколько политический ребус, в котором присутствуют интересы многих стран, даже тех, которые находятся вдали от Ближнего Востока». Строительство East Med связано с геополитическими и прямыми военными рисками из-за конфронтации Кипра и Греции с Турцией в данном регионе, а потому СПГ в плане обхода рисков намного удобнее.

Консорциум «Тамар» подписал первую газоэкспортную сделку Израиля в 2014 г. с Иорданской Арабской Калийной корпорацией и Иорданской Бромовой компанией. Сделка касалась поставок 1,8 млрд м³ газа в течении 15 лет и была

одобрена Правительством Израиля в 2015 г. Газопровод должен был быть построен в области Сдом (русский Садом) на Мертвом море, Израиль в конце 2017 г. Второй Израильско-Иорданский газопровод должен быть построен в области Бет-Шеан, Израиль на базе соглашения подписанного в сентябре 2016 г. между консорциумом «Левиафан» и Иорданской Национальной Электрической компанией. Согласно сделке ожидается поставка 45 млрд м³ газа с месторождения Левиафан в Иорданию в течении 15 лет, начиная с 2019 г.

Египет один из важных акторов в рамках его газового экспорта. Он обладает крупнейшими заводами СПГ в городах Думьят и Идку. СПГ комплекс Думьят расположен в 60 км от Порт Саида мощностью 7,56 млрд м³/год. СПГ комплекс в Идку расположен в 50 км от Александрии мощностью 11,47 млрд м³. Таким образом общая экспортная мощность Египта составляет 19 млрд м³/год природного газа. Она также имеет два международных газопровода: Египет (Эль-Ариш) — Израиль (Ашкелон) и Арабский газопровод. Египет последовательно после 2000 г. увеличивает добычу природного газа из своих суммарных запасов, оцениваемых в 1,8 трлн м³.

Министры также договорились изучить вопрос о строительстве станции СПГ на Кипре для оптимальной эксплуатации месторождений природного газа в Восточном Средиземноморье». Как уже было сказано в 2000-х в восточной части Средиземного моря, секторах Кипра и Израиля, обнаружили месторождения с крупными запасами газа. Только израильские «Левиафан» и «Тамар» оцениваются в 700 млрд м³. Чтобы доставить часть объемов на европейский рынок, власти трех стран изначально планировали построить газопровод EastMed. В 2019 г. Греция, Кипр и Израиль подписали предварительное межправитель-

ственное соглашение по строительству газопровода известной как трубопровод Восточного Средиземноморья (East-Medgas Pipeline). Его стоимость 7–10 млрд долл. он находится в центре внимания в дебатах ЕС по осуществлению и финансовой поддержки своих планов декарбонизации. ЕС уже выделила 40 млн долл. на предварительное техническое изучение проекта в рамках проектов программы общих интересов (Protects of Common Interest (PCI) program). Он может быть присоединен к планируемому газопроводу «Посейдон», который поставляет через Адриатическое море в южную Италию.

Речь идет о наземно-морском трубопроводе непосредственно соединяющим газовые месторождения «Левиафан» (Израиль) и «Афродита» (Кипр), открытых в пределах ИЭЗ Израиля и Кипра с материковой частью Греции через Крит, общей мощностью 16 млрд м³/год. Трубопровод будет иметь протяженность 1900 км, глубину до 3 км, крупнейшим по протяженности и глубине заложения на шельфе. Проектирование трубопровода осуществляет IGI Poseidon S.A., совместным предприятием 50–50 % между греческой газовой компанией DEPA и итальянской газовой компанией Edison. Диаметр труб 60–80 см на протяжении 1300 м шельфа и 100 мм — 600 км на наземной части. Секции трубопровода следующие: 200 км по шельфу от месторождений до Кипра, 700 км по шельфу от Кипра до Крита, 400 км от Крита до материковой Греции (полуостров Пелопоннес), 600 км наземная секция, пересекающая Пелопоннес и Западную Грецию.

Трубопровод должен дифференцировать поставки газа в Европу и уменьшить зависимость от российского природного газа. Планируется поставка от 10 до 20 млрд м³ газа ежегодно из Израиля и Кипра через Крит до материковой Греции. Газопровод проек-

тируется в союзе с газопроводами Интерконнектором Турция — Греция — Италия (ITGI) и Интерконнектором Греция — Болгария для снабжения газом Италию и другие юго-восточные страны Европы.

В 2015 г. при поддержке правительств Кипра, Греции и Италии газопровод East Med был подтвержден как проект общих интересов (PCI) и был включен Европейской Комиссией во второй список (лист) PCI среди проектов Южного газового коридора. Кроме того, газопровод был также включен в последний Десятилетний план сети развития (TYNDP) наряду с Европейской сетью Транспортной системы операторов газа (KNTSOG) для создания единого Европейского рынка газа и надежной и безопасной сети передачи, способной удовлетворить текущие и будущие потребности Европы.

Проект получил Европейский грант 2 млн евро в 2015 г. через Фонд ЕС для общеевропейских инфраструктурных инвестиций (CIF) для проведения предварительных расчетов по проекту, доказывающих востребованность его осуществления в техническом и экономическом аспектах. По мнению министра иностранных дел Италии реализация газопровода East Med под большим вопросом, что связано с рядом факторов: значительной стоимостью строительства (ок. 10 млрд евро), высоких цен на израильский газ (более 1500 долл. за 1000 м³), крайне неопределенной политической ситуации в Восточном Средиземноморье, связанной с разграничением ИЭЗ, по которым должен проходить газопровод.

При этом европейские группы по защите окружающей среды обращаются к Европейской комиссии выделить East Med, и Посейдон из PCI программы и дальнейшей финансовой поддержки, т.к. они не совместимы с климатическими целями и рисками ЕС, становящимися «застрявшими

активами» из-за сокращения газовых потребностей и уже существующими излишками импортного объема. Основные игроки, включая Exxon Mobil, Shell и Total привлечены в изучение и лицензионные переговоры Восточного Средиземноморья. Однако, несмотря на совместные заявления политической поддержки Кипра, Греции, Израиля и ЕС, а также США газопровод East Med ограничен в коммерческом прогрессе к приближающейся дате начала реализации в 2025 г. Перспективы проекта также вызывают эскалацию региональных напряжений, которые вылились в коллизию между Грецией и Турцией в августе 2020 г. из-за вопросов делимитации морских границ.

Проект протяженностью 1900 км оценивали в 6,7 млрд долл., что в условиях невысоких цен на газ делало его нерентабельным. С 2021 г. стоимость топлива выросла на биржах в 6–7 раз и обсуждение проекта возобновилось. Проект встретил противодействие Турции, которая претендует на часть сектора Греции в Средиземном море. После этого Белый дом заявил, что не видит перспектив EastMed. «Я думаю, есть смысл в том, что мы отходим от проекта газопровода по морскому дну, который будет очень дорогим и займет 10 лет строительства. Всем нужны энергоресурсы сейчас. Вот почему мы меняем фокус на СПГ», — заявила заместитель госсекретаря Соединенных Штатов Виктория Нуланд в интервью греческому изданию Ekathimerini [9]. Ранее Израиль и ОАЭ, чья компания участвует в разработке одного из месторождений в Средиземном море, активизировали обсуждение варианта строительства газопровода в Турцию. Однако он должен пройти через территории или воды Ливана и Сирии, что не делает проект более перспективным, чем EastMed.

Взгляды разработчиков израильских месторождений на варианты поставок топлива за границу резко изменились после того, как в проекты зашел американский нефтегигант Chevron. Компания купила участника проектов месторождений «Тамар» и «Левиафан» Noble.

Страны Северной Африки, окружающие Средиземное море издавна являются производителями углеводородов. Основные запасы газа в Африке 87 % сосредоточены в 4 странах на севере и западе — в Алжире (18 % от совокупных по Африке), Египте (17 %), Ливии (11 %) и Нигерии (43 %).

Наиболее глубоководным на Средиземном море считается газопровод «Зеленый поток» («Greenstream»), соединяющий запад Ливии район порта Милита и остров Сицилия г. Джела, Италия. Протяженность газопровода 540 км. Строительство осуществлялось с 2003 по 2004 гг. Глубина прокладки по дну моря достигала 1127 м. Принадлежит Ливийской нефтяной компании и итальянской EN-I. До «Арабской весны» (2010–2012 гг.) по нему прокачивали 8,5 млрд м³/год газа, что составляло

12 % всего импортируемого газа Италией. В 2013 г. прокачка газа была остановлена, затем снова возобновлена, но объемы поставок снизились, и только, начиная с 2015 г. они снова возросли.

Два газопровода транспортируют природный газ из Алжира в Испанию. Один из них «Медгаз» (Medgaz). Идея строительства возникла в 1970-е годы. Однако его строительство началось в 2008 г. в Альмерии на юго-востоке Испании, на побережье Альмерийского залива Средиземного моря. Открыт в 2011 г. Трубопровод забирает газ с месторождения Хасси-Рмель в Алжире. Доходит до города — порта Бени-Саф на северо-западе Алжира. Морской участок проходит от Бени-Саф до пляжа Пердигаль на побережье Альмерии, Испания на юго-востоке на берегу Средиземного моря. Протяженность алжирского сухопутного участка 547 км, а морского — 210 км. Сухопутный трубопровод имеет диаметр 1220 мм, морской — 610 мм. Мощность 8 млрд м³/год, в 2021 г. была увеличена до 10,5 млрд м³/год.

Другой газопровод — «Магриб-Европа» (известный также как трубопровод Педро

Таблица 2. Экспортные газопроводы из Северной Африки в Европу

Газопровод	Маршрут	Мощность млрд м ³ /год	Диаметр труб (наземный/ морской участки в мм)
Зеленый поток	Ливия-Италия	11	810
Транссредиземно-морской	Алжир-Тунис, Италия-Словения	30	1200/650
Медгаз	Алжир-Испания	8	1200/610
Магриб-Европа	Алжир-Марокко-Испания-Португалия	12	1200/500

Дюран Фарелл) связывает гигантское газоконденсатное месторождение Хасси-Рмель в Алжире, через территорию Марокко — с ГТС Испании и Португалии. От испанского города Кордова через область Эстремадура он идет в Португалию. Протяженность газопровода 1620 км. Алжирский участок диаметр 1200 мм, 515 км. Марокканский участок 522 км, диаметр 1200 мм. Протяженность морского участка через Гибралтарский пролив 45 км. Первоначальная мощность составляла 8,6 млрд м³/год газа, но в 2004 г. была увеличена до 11,5 млрд м³/год. Строился в 1994–1996 годах. Стоимость 2,3 млрд долл. Протяженность андалузского участка 269 км, диаметр 1200 мм, длина участка по области Эстремадура — 270 км, португальского 269 км, диаметр 710 мм/810 мм. Подводные участки состоят из двух 560 мм линий.

Транссредиземноморский газопровод (Trans Med, известный также как газопровод Энрико Маттеи) — магистральный газопровод, транспортирующий природный газ из Алжира через Тунис по дну Средиземного моря в Сицилию и на материковую часть Италии и далее в Словению. Его протяженность 2427 км — один из самых протяженных газопроводов мира. Его строительство было предложено в 1960 годах, а реализация состоялась с 1978 по 1983 гг. (первая очередь) и с 1991 по 1994 гг. (вторая очередь). Берет начало в месторождении газа Хасси-Рмель и пройдя 550 км по территории Алжира попадает в Тунис. По его территории пролегает 370 км до прибрежного города Эль-Хаурия, оттуда 155 км по дну Тунисского пролива попадает на остров Сицилия в местечке Мадзара-дель-Валло. Пройдя по нему 340 км газопровод, пересекает Мессинский пролив 15 км и пройдя 1500 км по Италии достигает Словении. Мощность газопровода 33,5 млрд м³/год.

В 2021 г. между Алжиром и Марокко были разорваны дипотношения, договор о транзите природного газа истек и не был продлен. Алжирский газ начал поступать в Италию по газопроводу «Медгаз».

Италия импортирует около 70,8 млрд м³/год. Основной объем проходит по трубопроводам. Большая часть импортируемого газа приходится на Россию — более 40 % (ок. 29 млрд м³/год). Алжир поставляет около 21 млрд м³.

Периодические возникает вопрос о строительстве новых газопроводов и среди них проект подводного газопровода «Галси» («Galsi»). Газопровод должен поставлять алжирский газ с месторождения Хасси-Рмель в Европу, в Центральную Италию, через Сардинию (межправительственное соглашение 2001 г. Италия-Алжир). Протяженность 837 км. мощностью 8 млрд м³/год. В 2007 г. было подписано межправительственное соглашение о его строительстве, но дальше дело не двинулось.

Морской участок будет проложен на глубине 2885 км, один из самых глубоких в мире. Газопровод состоит из 3 участков: Алжир — Сардиния, Сардиния, Сардиния — Тоскана. Участок Алжир — Сардиния 285 км на глубине 2824 м, диаметр 26 дюймов. Участок Сардиния сухопутный 272 км, диаметр 48'. Сардиния — Тоскана будет проложен на глубине 878 м, 280 км, диаметр 32'. Газопровод начнется у залива Аннаба в Алжире и соединяется с подводным участком Алжир — Сардиния. На Сардинии он достигает Порто-Бетте, а затем идет с юга на север до Ольбии. В Ольбии газопровод соединяется с подводным участком Сардиния-Тоскана. Заканчивается в Пьюмбино в Италии, а затем уйдет в национальную газораспределительную сеть. Примерная стоимость 2 млрд евро.

«Посейдон» — проект подводного газопровода, соединяющего газотранспортные

системы Греции и Италии по дну Ионического моря. Предложен итальянской компанией Edison и греческой DEPA в рамках проекта интерконнектора, соединяющего Турцию, Грецию и Италию (ITGI). Мощность газопровода может составлять порядка 8–10 млрд м³, ориентировочная цена — около 350 млн долл. По данному газопроводу планируются поставки газа либо из Турецкого потока, либо из Восточно-средиземноморского трубопровода (East Med). 7 мая 2019 г. премьер-министр Италии Джузеппе Конти заявил, что Италия будет выступать против строительства газопровода «Посейдон» — последнего отрезка EastMed, который должен соединить Грецию и Италию через Адриатическое море. Однако 1 января 2020 г. стало известно, что министр экономического развития Италии Стефано Патуанелли направил своему греческому коллеге письмо в поддержку трубопровода EastMed, тем самым восстановив поддержку Италии в проекте.

Газопровод Белый поток (White Stream Gas Pipeline) — мощность 32 млрд м³/год. Он должен пересекать Черное море от Грузии до Румынии и транспортировать газ Туркменистана в ЕС. Проект получил 1,8 млн евро от ЕС через СЕФ для предварительных работ. Терминал СПГ (мощность 8,2 млрд м³/год) планируется построить на побережье Черного моря в Констанце, Румыния, куда он будет получать газ из Азербайджана.

Два основных терминала СПГ строятся в Греции — Александруполис (6,1 млрд м³/год) и в Италии на острове Сицилия в Порто Эмпидокле (8,2 млрд м³/год).

Арабский газопровод «образец конструктивного межарабского сотрудничества» (Трансмашрек газопровод Trans — Mashre Gas Pipeline) построен для экспорта Египет, Иорданию, Сирию и Ливан. Протяженность 1200 км, мощность 10 млрд м³/год

газа, стоимость строительства 1,2 млрд долл. В 2003 г. газ из Эль-Ариша, Египет дошел до Акабы, Иордания (265 км), а затем в 2006 г. до г. Рихаб (393 км) на севере Иордании, в 2008 г. до границы Сирии (30 км), а далее к г. Хомс (290 км) и в 2009 г. до Ливанского Триполи (32 км). Планировалось, что газопровод будет соединен с Иракской газовой сетью, однако ряд атак на него во время египетской революции в 2012 г. изменили планы. Газопровод так и не был задействован. В январе 2008 г. Турция и Сирия подписали договор о строительстве 63 км трубопровода между сирийским городом Алеппо и турецким — г. Кимис, расположенному у границы с Турцией, как первый участок сирийско-турецкое соединения Арабского газопровода. От Кимиса трубопровод длиной 15 км соединяет его с турецкой сетью. В 2011 г. он был построен. В том же году ЕС, Турция, Ирак, Египет, Иордания, Ливан и Сирия достигли консенсуса по расширению Арабского газопровода до Турции и Европы с соединением с Ираком. В 2010 г. — Турция и Сирия начали переговоры относительно импорта газа через Турцию, который мог бы прийти из Ирана или Азербайджана.

В ноябре 2019 г. Турция подписала Меморандум о взаимопонимании с Правительством национального согласия Ливии, признанном ООН, определяющим новые морские границы. Меморандум подвергся резкой критики другими странами региона, такими как Кипр, Египет, Греция, а также Францией, ОАЭ и ЕС и США. Реакцией на амбиции Анкары стало организация в 2020 г. в Каире Кипром, Египтом, Грецией, Израилем, Италией, Иорданией и Палестинской автономией Восточно-Средиземноморского газового форума (EMGE), США и ЕС имеют в нем статус наблюдателей. Это межправительственная организация призвана координировать на региональном

Таблица 3. Планируемые к строительству газопроводы для импорта газа в страны ЕС

Название газопровода	Мощность млрд м ³ /год	Страна	Протяжен- ность, км	Оценочная стоимость млн евро
Ист мед	20,0	Кипр	531	2,241
		Греция	1201	5,071
ГАЛСИ	8,0	Франция	62	260
		Италия	564	2,382
Ионическо-адриатический	5,0	Хорватия	230	971
Израильско-сирийский	1,0	Кипр	127	534
Македония-Болгария соединительный газопровод		Болгария	21	88
Медгаз	2,5	Испания	-	-
Сербия-Венгрия	6,0	Венгрия	79	332
Трансадриатический (ТАР)	10,0	Греция, Италия	-	-
Украина-Румыния		Румыния	25	105
Белый поток	32,0	Болгария	147	620
		Румыния	109	460
Всего	84,5		4,287	18,097

Источник: Global Energy Monitor, Europe gas Tracker. (предполагаемая стоимость для газопроводов 4,2 млн евро за 1 км) (Oil and gas Journal 2020).

уровне добычу и экспорт природного газа, а также формирование консенсуса по газопроводам в Европу в соответствии ее потребностям и не предполагает механизмов военного сотрудничества, дабы избежать военных противостояний.

ГАЗОВЫЙ ДРИБЛИНГ ЕС

ЕС рассматривают Восточную Европу, Северную Африку и Средиземноморье как новый энергетический регион, который сможет помочь избежать энергетический кризис способный в будущем стать стратегическим в достижении диверсификации энергоснабжения.

ЕС потребляет около 16,6 трлн футов³ (470 млрд м³) газа в год. До последнего

времени ЕС получал 40 % газа из России, 30 % из внутренних источников и 25 % из Норвегии (месторождение Северного моря), 5 % они получают в виде СПГ из стран Северной Африки. При этом идет постепенное сокращение добычи газа из внутренних источников и нестабильной ситуации в Северном море. Сегодня Европа получает газ по следующим газопроводам: из России — газопроводы «Союз», «Прогресс», «Уренгой-Помары-Ужгород» (построены еще в СССР), «Ямал-Европа» (1999), проектная мощность 32,9 млрд м³/год. «Северный поток-1» — газопровод между Россией и Германией через Балтийское море 1224 км мощностью 55 млрд м³/год. «Турецкий поток» — газопровод между Россией

и Турцией через Черное море, мощностью 31,5 млрд м³/год. Ответвление Турецкого потока «Балканский поток» питает газом страны Южной Европы — Болгарию, Сербию, Венгрию. «Северный поток-2» 1234 км — построен параллельно «Северному потоку-1» мощностью 55 млрд м³/год.

Поскольку Норвегия работает на полную мощность, нидерландские и британские месторождения находятся в упадке, а российский газ объявлен «нежелательным», Европа ищет газ издалека от планов строительства терминалов сжиженного природного газа в Германии, Финляндии и Франции до возможных новых маршрутов через Испанию и Средиземное море — Европа стремится избавиться от своей зависимости от российского газа, хотя эксперты говорят, что на выполнение этой задачи уйдут годы, в том числе сжиженное топливо, доставляемое морским транспортом из США, Катара и Африки. Нельзя забывать, что добывающая промышленность Алжира и Катара работают на пределе своих возможностей, а США испытывают затруднения с экспортом газа из-за целого ряда аварий на своих энергетических объектах, в первую очередь из-за катастрофы на заводе СПГ Freeport на Техасском побережье Мексиканского залива. Но такой импорт требует строительства крупных терминалов СПГ для его переработки обратно в природный газ или, как минимум, покупки плавучих регазификационных установок (ПХГ). Поскольку ввод в эксплуатацию газопровода «Северный поток-2» из России приостановлен, Германия в срочном порядке перезапустила три проекта строительства терминалов СПГ, которые ранее считались малоприоритетными. Ожидается, что один из них будет завершен зимой 2023–2024 гг., а два других — не раньше 2026 г. Финляндия и Эстония объявили

о запуске проекта по аренде СПГ-терминала. Эстония, Литва и Латвия заявили, что с 1 апреля прекратили импорт российского газа. На юге Испания и Португалия укрепляют альтернативный маршрут поставок, чтобы помочь Европе отказаться от российского газа. С этой целью порт Синиш, крупнейший в Португалии, планирует менее чем за два года удвоить мощность своего газового терминала. Испания, которая связана с Алжиром газопроводом «Медгаз» и имеет обширные терминалы СПГ, могла бы стать еще одним вариантом поставок в Европу, но для этого потребуются провести большую работу по модернизации и расширению трубопроводной системы в ЕС, особенно через Францию. В августе 2022 г. Премьер Португалии А. Кошта допустил возможность прокладки газопровода, которые соединят Пирейский полуостров с Центральной Европой в обход Франции. ЕК признала такую возможность, однако Франция не одобрила первоначальный вариант маршрута газопровода из-за экологических ограничений. Альтернативой может стать соединение Испании и Португалии с Италией, что подразумевает прокладку через Средиземное море. Другой рассматриваемый вариант — подключить Европу к газу из Восточного Средиземноморья, где за последние 20 лет были обнаружены большие запасы у берегов Израиля и Кипра.

Весной 2022 г. Россия предложила схему оплаты газа в рублях, что затрагивала 54 компании, обеспечивающие российским природным газом 27 государств ЕС. Российский «Газпром» поставлял 155 млрд м³/год. К июню стало известно о 6 отказниках. Это концерн «Pgnig», Польша; «Булгаргаз», Болгария; «Gasum», Финляндия; «Gas Terra», Нидерланды; «Orsted Said & Service», Дания и «Shell Energy Europe», Британия-Нидерланды. Свое решение

они принимали, следуя в фарватере политических решений своих правительств, запретивших покупать газ за рубли. Потеря объема поставок составила суммарно 19,1 млрд м³/год или 12 %.

Основной урон нанесен экспортному газопроводу «Северный поток-1», т.к. через него получали газ нидерландские, датские и британские трейдеры. Газопровод прокачивал ежегодно по 50-55 млрд м³ газа. Он потерял 6–10 млрд м³/год. Болгария получила 3,3 млрд м³/год по «Турецкому потоку», а Польша — 10 млрд м³/год через газопровод «Ямал-Европа», идущий через Белоруссию. К тому же, Северный поток-1 вообще остановлен, в связи с тем, что немецкая компания «Siemens» не проводит ремонтно-профилактические работы в отношении турбин и других агрегатов, необходимых для бесперебойной работы трубопровода, что не позволяет ему функционировать на разрешенном европейскими регуляторами уровне.

В этих условиях Нидерланды делают ставку на норвежский газ, а также на СПГ Великобритании. Также собирается поступить и Дания, а вот Финляндия рассчитывает на свой плавучий терминал для приема СПГ. Польша рассчитывает на свой СПГ-терминал, и также на норвежский газ — Северное море, который должен поступать по строящемуся (протяженность 230 км) между Польшей (Нихожа) и Данией (Редвиг) газопроводу Балтийская труба (Baltic Pipe) — 10 млрд м³/год (это 50 % покрытие потребления Польши), с планируемым подключением в 2023 г. к норвежской газотранспортной сети, что может привести к сокращению экспорта норвежского газа в Германию и Великобританию.

Болгария, постоянно колеблясь между российским газом и альтернативными направлениями, рассчитывает получать азербайджанский газ через Грецию. Гре-

ция имеет свой терминал по приемке СПГ и по трубе может поставлять газ Болгарии, но цена его будет выше, поставляемый ранее российский газ.

В апреле 2022 г. в Иерусалиме на встрече министров энергетики Греции, Кипра и Израиля обсуждались энергетический кризис и варианты, как наладить поставки газа из морских месторождений Кипра и Израиля в Европу. «Трехсторонний саммит рассмотрел возможность транспортировки СПГ судами из Восточного Средиземноморья на европейские рынки с использованием имеющихся в Египте мощностей по сжижению газа.

ДЕЛИМИТАЦИЯ МОРСКИХ ГРАНИЦ ЛЕВАНТИЙСКОЙ ЧАСТИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

«Волна» открытий месторождений природного газа реанимировала проблемы морских границ в регионе. Прежде всего это касается Израиля и Ливана, а затем Кипра. «Потенциальная проблема стабильности Средиземноморского региона кроется в том числе и в расположении нефте-газоносных пластов на спорных территориях» [10].

На углеводородно-политической сцене в регионе выступают Турция, Ливан, Израиль, Египет, Республика Кипр и непризнанная международным сообществом Турецкая Республика Северный Кипр (ТРСК). «От того, как и чьи зоны суверенности (территориальное море), а также юрисдикции/суверенных прав (исключительная экономическая зона — ИЭЗ, континентальный шельф — КШ) будут здесь сформированы, зависит получения государствами конкурентных преимуществ в борьбе за богатства вод и недр» [11]. Иными словами, прибрежные государства восточного Средиземноморья должны найти общий язык для совместного использования запасов газа между собой. Для этого им необходимо найти способ

обозначить свои собственные ИЭЗ. Турция противостоит трем политическим театрам: первый Кипр, Греция, Израиль, второй — Кипр, Греция, Ливан, третий — Кипр, Греция, Египет. Страны поделили большую часть шельфа вокруг Кипра, заключив договоры о делимитации морских границ — Никосия и Бейрут в 2003 г., Никосия и Кипр в 2007 г. и Кипр, и Израиль в 2010 г. Анкара эти договоры не признает. Турция в свое время не подписавшая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS), тем самым не признает ИЭЗ, предусмотренные Конвенцией. Турция выступает против начала работ Республикой Кипр — в восточном Средиземноморье по двум основным политическим вопросам: на основе своих национальных прав на континентальный шельф в регионе и защиты прав кипро-турецких властей в отношении к природным источникам острова, что требует решения кипрского вопроса. Официальные дискуссии о воссоединении северной и южной части Кипра находится в тупике с 2017 г.

В 2003 г. администрация киприотов-греков подписала соглашения с Египтом, Ливаном и Израилем об определении их ИЭЗ в восточном Средиземноморье. Турция не признает эти соглашения, потому что Анкара считает, что руководство, возглавляемое греками, не представляет интересы всех жителей острова. Турция потребовала прекратить усилия по разведке газа киприотов-греков до тех пор, пока проблема Кипра не будет решена. Когда стало ясно, что этот вопрос не может быть разрешен в обозримом будущем, тогда «Анкара попросила у кипрско-греческой администрации создать совместный комитет для определения того, как газовые месторождения могут управляться соответствующими государствами». До сих пор администрация киприотов-греков отказалась от требований Турции, заявив, что усилия

по разведке являются частью его суверенных прав. Возникающая «Конфликтная зона находится в стадии становления» [11]. Как отмечает Дж. Миккалеф «открытие крупных залежей природного газа в восточном Средиземноморье уже имело широко-масштабные геополитические последствия. Если эти открытия продолжатся и углеводородный потенциал будет подтвержден, последствия будут еще более драматичными» [12]. Вполне возможно, что поступление на рынок углеводородного сырья возобновит в странах региона межрелигиозные выступления с непредсказуемыми последствиями. По словам Риккардо Фабиони главного специалиста Евразия групп по Ближнему Востоку «Настал тот момент, когда, наконец, все разговоры относительно превращений Египта в региональный газовый хаб становится реальностью».

На противоположном берегу Средиземного моря Турция, сделавшая упор, «на собственные силы» и претендующая на роль транзитного моста между Европой, Россией и остальным миром, также на оставляет идеи стать газовым хабом, начав ее реализацию с постройки «Голубого» и «Турецкого» газовых потоков. Главный командующий ВМС Турции контр-адмирал Джихат Яйджи ратует за разграничение ИЭЗ между Израилем и Турцией за счет кипрских вод и целесообразности присоединения Израиля к турецкой газовой инфраструктуре в виде «Турецкого потока» и Трансанатолийского газопровода [13].

В ответ на подписание Меморандума Турцией и Ливией, в июне 2020 г. в Афинах, Греция и Италия подписали двухсторонний договор по делимитации своих ИЭЗ в Ионическом море, а в августе 2020 г. Греция и Египет подписали соглашение о демаркации своих морских границ. Египет еще в 2013 г. подписал подобные соглашения с Кипром, а в 2016 г. с Саудовской Аравией по демар-

кации границ в Красном море. Кипр активно поддерживается ЕС из-за стремления получить альтернативу поставкам газа из России. ЕС уже одобрила проект East Med, согласованный между Израилем, Кипром и Грецией. Никосия и Египет подписали договор о строительстве газопровода по дну Средиземного моря, соединяющий Кипр и Египет.

Международная реакция не заставила себя ждать. С протестом на действия Турции выступили руководители ЕС и ЕК, Греция и Италия и их партнеры по EMGF посчитали Меморандум юридически не правомочным, так как он ограничивает доступ Греции к континентальному шельфу ряду греческих островов Эгейского моря (еще одна нерешенная юридическая проблема между Турцией и Грецией).

Давая общую оценку ситуации, сложившейся в Восточном Средиземноморье в связи с началом масштабной добычи природного газа Гудев и др. эксперты делают вывод, что это «привело к возникновению ситуативной коалиции государств, заинтересованных в сдерживании Турции и прежде всего ее притязаний на значительную часть шельфа».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Открытие за последние 10 лет месторождений природного газа подтвердили, что Левантский бассейн в Восточном Средиземноморье содержит значительные запасы этого сырья, он перспективен и в будущем следует ожидать новых открытий. Запасы газа радикально изменили энергетический баланс региона. Согласно оценкам берлинского аналитического центра «Фонда науки и политики» израильские месторождения содержат от 800 млрд до 1 трлн м³ газа. По запасам он уступает Египту. При этом собственное ежегодное потребление колеблется от 5,5 до 6,5 млрд м³. Это позволило Израилу выйти на само-

обеспечение энергопотребления, а также рассматривать вопросы экспортного сотрудничества со странами региона и с ЕС. Для этого Израиль может либо доставлять природный газ в виде СПГ, либо по газопроводам, среди которых просматривается два варианта — Est Med и через Турцию. В виде СПГ Израиль использует существующие заводы Египта.

Открытым остается вопрос: станет ли Восточное Средиземноморье конкурентом российскому газу в Европе. На этот вопрос можно отвечать однозначно, что нет. Несмотря на впечатляющие озвученные запасы природного газа еще многое предстоит сделать по оценке технических, технологических, экономических и экологических факторов, определяющих возможность освоения этих богатств. Газ потребует самими странам Средиземноморья с его постоянно растущим населением и расширением промышленно-технологической базы.

Нужно время и деньги — не только, чтобы начать промышленную добычу, но и для того, чтобы построить инфраструктуру для поставок в Европу. Объем затрат достаточно огромен и точно не скажет никто. Кроме того, экспортные газопроводы можно строить тогда, когда они обеспечены надежно подтвержденными долгосрочными запасами газа. По оценкам специалистов никакие страны, включая Ливию, не компенсируют ЕС полный отказ от российского газа. В 2021 г. Россия экспортировала 130 млрд м³ газа в Европу, что составляет 40 % от ее потребностей. Как отмечал В. Мотяшов, «Энергообеспечение — основа устойчивого развития цивилизации. В нынешнем мире, испытывающем растущую потребность в безопасных и эффективных источниках энергии, несметные запасы природного газа и гигантская сеть газопроводов ставит Россию

в исключительное положение энергетической супердержавы» [14]. Европе просто будет найти альтернативные источники газа. С. Хендерсон из Института Ближневосточной политики в Вашингтоне доказывает, что несмотря на относительно крупные запасы природного газа Восточно-Средиземноморские игроки являются «карликами» по сравнению с Россией [15].

Тем не менее, Восточное Средиземноморье превращается в объект территориальных, ресурсных и военно-стратегических интересов. Именно в связи с этим, в новой Морской доктрине России, утвержденной президентом РФ, верховным главнокомандующим В.В. Путиным 31 июля 2022 г. районы обеспечения национальных интересов по значимости разделены на жизненно важные, важные и другие. В число «важных районов» (зон), которые «в значительной степени влияют на экономическое развитие, материальное благосостояние населения и состояние национальной безопасности России, а также не поддержание стратегической и региональной безопасности государства», включена восточная часть Средиземного моря, наряду с Азовским и Черным морями.

Развитие отношений с государствами Ближнего Востока и Северной Африки с прилегающими морями и морскими пространствами, включающими Средиземное и Красное моря; проведение целенаправленного курса на обеспечение военно-политической стабильности в Ближневосточном

регионе; укрепление партнерства с Сирийской Арабской Республикой, всемирное содействие урегулирования региональных конфликтов; пункта материально-технического обеспечения Военно-морского флота на территории Сирийской Арабской Республики, создание и развитие пунктов материально-технического обеспечения на территории других государств региона; обеспечение на постоянной основе военно-морского присутствия Российской Федерации в Средиземном море на основе развития экономического и военно-технического сотрудничества с государствами Средиземного бассейна; развитие туристического круизного судоходства из портов побережья Средиземного моря в порты Крыма и Краснодарского побережья; проведение морских научных исследований в интересах сохранения и закрепления позиций Российской Федерации в регионе.

Как отмечено в новой Морской доктрине Российской Федерации (31 июля 2022 г.) «Пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) привела к геополитической неопределенности и глобальному экономическому кризису в мире, связанному со стремлением ведущих иностранных государств изменить существующий миропорядок, усилению тенденций к свертыванию процессов глобализации, борьбе за лидерство в мире, повышению роли национальных экономик и государственного управления, в том числе в сфере морской деятельности».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брэдфорд Э. История Средиземноморского побережья. Москва: Центрполиграф; 2019. 544 с.
2. Ергин Д. В поисках энергии: ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики. Москва: Альпина Диджитал; 2017. 1110 с.
3. Energy: a shaping factor for regional stability in the Eastern Mediterranean. Inman M. Aitken G., Zimmerman S. Europe Gas Tracker Report 2021. *Global Energy Monitor*. 2017:25.
4. Малышева Д.Б. Россия и Средиземноморье: геополитика и современные интере-

- сы. *Международная жизнь*. 2015;1:111-123.
5. Ratner M. Natural gas Discoveries in the Eastern Mediterranean. *Congressional Research Service*. 2016:14.
6. Бен Барух Израильский газ, как новый вектор региональной политики. 2012. 26 сентября. www.iimes.ru/?p=15652 (дата обращения: 08.07.2022)
7. Popovici V. The Levantine Basin: A Mediterranean Hydrocarbon Saga Begins for Greece, Turkey, Cyprus and Israel. *Balkananalysis*. 2012.
8. Karagiannis E. The Emerging Gas Region of the Eastern Mediterranean. URL: http://web.isanet.org/Web/Conferences/FLACSO-ISA_%20BuenosAires_%202014/Archive/00aaff25-0cb5-485e-815d-e18736382f33.pdf (дата обращения: 23.06.2022)
9. Онайко П. США-Греции и Кипру: вам не нужен газопровод. Газ будете покупать только у нас. *Афинские новости*. 11.04.2022.
10. Косов Г.В., Нечаев В.Д., Татарков Д.Б. Российский проект Большого Средиземноморья: от имперских традиций к новому витку большого противостояния. *Вопросы этнологии*. 2021;3:125-139.
11. Гудев П., Ибрагимов И., Квашнин Ю., Самарская Л., Свистунова И., Суков Н., Тимофеев П. Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов. *Международные процесс*. 2021;19(3):104-122.
12. Микаллеф Д.В. Геополитика Средиземноморского природного газа. 2021. 22 апреля. URL: <https://katehon.com/ru/article/geopolitika-sredizemnomorskogo-prirodnogo-gaza?ysclid=ldslb8ub2t339172960> (дата обращения: 13.05.2022)
13. Николаев Б. ЕС получил новый источник природного газа. 2021. 17 мая. https://nvo.ng.ru/energy/2021-05-17/13_8149_gas.html?ysclid=ldslldznbe7453063318 (дата обращения: 19.04.2022)
14. Мотышов В. Газ и геополитика: шанс России. Москва: Книга и бизнес; 2011. 352 с.
15. Stanicek B. Turkey: Remodelling the Eastern Mediterranean. Conflicting exploration of natural gas reserves. *European Parliamentary Research Service*. 2020:8.

REFERENCES:

1. Bradford E. History of the Mediterranean coast. Moscow: Tsentrpoligraf; 2019. 544 p. (In Russ.)
2. Yergin D. In search of energy: resource wars, new technologies and the future of energy. Moscow: Alpina Digital; 2017. 1110 p. (In Russ.)
3. Energy: a shaping factor for regional stability in the Eastern Mediterranean. Inman M. Aitken G., Zimmerman S. Europe Gas Tracker Report 2021. *Global Energy Monitor*. 2017:25. (In Russ.)
4. Malysheva D.B. Russia and the Mediterranean: geopolitics and modern interests. *International life*. 2015;1:111-123. (In Russ.)
5. Ratner M. Natural gas Discoveries in the Eastern Mediterranean. *Congressional Research Service*. 2016:14.
6. Ben Baruch Israeli gas as a new vector of regional policy. 2012. September 26. www.iimes.ru/?p=15652 [Accessed: 08.07.2022] (In Russ.)
7. Popovici V. The Levantine Basin: A Mediterranean Hydrocarbon Saga Begins for Greece, Turkey, Cyprus and Israel. *Balkananalysis*. 2012.
8. Karagiannis E. The Emerging Gas Region of the Eastern Mediterranean. URL: http://web.isanet.org/Web/Conferences/FLACSO-ISA_%20BuenosAires_%202014/Archive/00aaff25-0cb5-485e-815d-e18736382f33.pdf [Accessed: 23.06.2022]
9. Onayko P. USA-Greece and Cyprus: You don't need a gas pipeline. You will only buy gas from us. *Athens news*. 11.04.2022. (In Russ.)
10. Kosov G.V., Nechaev V.D., Tatarov D.B. The Russian project of the Greater Mediterranean: from imperial traditions to a new round

- of great confrontation. *Questions of elitology*. 2021;3:125-139. (In Russ.)
11. Gudev P., Ibragimov I., Kvashnin Yu., Samarskaya L., Svistunova I., Sukov N., Timofeev P. Eastern Mediterranean in search of a new balance of interests. *International process*. 2021;19(3):104-122. (In Russ.)
12. Micallef D.V. Geopolitics of Mediterranean natural gas. 2021. April 22. URL: <https://katehon.com/ru/article/geopolitika-sredizemnomorskogo-prirodnogo-gaza?ysclid=ldslb8ub2t339172960> [Accessed: 13.05.2022] (In Russ.)
13. Nikolaev B. EU received a new source of natural gas. May 17, 2021 https://nvo.ng.ru/energy/2021-05-17/13_8149_gas.html?ysclid=ldsldznbe7453063318 [Accessed: 14.04.2022] (In Russ.)
14. Motyashov V. Gas and geopolitics: a chance for Russia. Moscow: Book and business; 2011. 352 p.
15. Stanicek B. Turkey: Remodeling the Eastern Mediterranean. Conflicting exploration of natural gas reserves. *European Parliamentary Research Service*. 2020:8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь С. Зонн, доктор географических наук, академик РАН, Московский Университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия; 115432, Россия, Москва, Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1;
zonnis@list.ru

Igor S. Zonn, Doctor of Geography, Academician of RANS, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia; bld. 12/1, Koguchovski str., Moscow, 115432, Russia;
zonnis@list.ru

Сергей С. Жильцов, доктор политических наук, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва, Россия; 115409, Россия, Москва, Каширское ш., 31;
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia; bld. 31, Kashirskoe shosse, Moscow, 115409, Russia;
People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Гуманитарная политика России за рубежом: концептуальная перезагрузка

Марк А. Неймарк

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

mark.neimark@mail.ru

Аннотация: 5 сентября 2022 г. Президент В.В. Путин утвердил Концепцию гуманитарной политики за рубежом (далее КГП-22). Она отражает, с одной стороны, макросистемные трансформации в мире, динамику все более усложненных мирополитических процессов, жесткое обострение идеологического, информационного и военно-политического противоборства, а, с другой, — создание устойчивой основы для дальнейшего наращивания экономического, политического, военного и духовного потенциалов России, усиление ее роли в мировом гуманитарном пространстве. КГП-22 — давно ожидаемая концептуальная новация, которая в актуализированном виде охватывает все компоненты экономики, социальной сферы, внешней политики и национальной безопасности страны. До сих пор гуманитарная проблематика не имела в России столь выраженную центрирующую форму. КГП-22 стала первым целостным профильным документом стратегического планирования. Он отличается структурно-проблемной унификацией основных концептуальных блоков, с конкретным выделением обобщенных положений и позиций, которые ранее в очень сокращенных вариантах были разнесены по различным основополагающим внешнеполитическим документам.

Ключевые слова: Россия, геополитика, гуманитарная политика, международное сотрудничество.

Для цитирования: Неймарк М.А. Гуманитарная политика России за рубежом: концептуальная перезагрузка. *Проблемы постсоветского пространства.* 2022;9(3): 279–288. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-279-288>

Статья поступила 06.09.2022

Принята в печать 21.09.2022

Опубликована 30.09.2022

Russia's humanitarian policy abroad: a conceptual reload

Mark A. Neimark

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

mark.neimark@mail.ru

Abstract: On September 5, 2022 President V.V. Putin approved the Concept of Humanitarian Policy Abroad (hereinafter KGP-22). It reflects, on the one hand, macrosystemic transformations in the world, the dynamics of increasingly complex world political processes, a severe aggravation of ideological, informational and military-political confrontation, and, on the other hand, the creation of a stable basis for further building up economic, political, military and spiritual potentials of Russia and strengthening its role in the global humanitarian space. KGP-22 is a long-awaited conceptual innovation, which in an updated form covers all components of the economy, social sphere, foreign policy and national security of the country. So far, humanitarian issues have not had such a pronounced centering form in Russia. KGP-22 became the first holistic profile document of strategic planning. It is characterized by the structural and problematic unification of the main conceptual blocks, with a specific highlighting of generalized provisions and positions that were previously divided in much shortened versions into various fundamental foreign policy documents.

Keywords: Russia, geopolitics, humanitarian politics, international cooperation.

For citation: Neimark M.A. Russia's humanitarian policy abroad: a conceptual reload. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):279–288. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-279-288>

Revised 21.09.2022

Received 06.09.2022

Published 30.09.2022

ВВЕДЕНИЕ

Подчеркнем, что КГП-22 развивает и дополняет базовые принципы и задачи, зафиксированные в «Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества», — документе, утвержденном МИД РФ 18.12.2010 г. Именно в нем впервые понятие «мягкой силы» было выведено в России на уровень документообразующей установки: «Используя специфические формы и методы воздействия на общественное мнение, культурная

дипломатия как никакой другой инструмент “мягкой силы” способна работать на укрепление международного авторитета страны, служить убедительным свидетельством возрождения Российской Федерации в качестве свободного и демократического государства» [1]. Но уже тогда было ясно, что очевидная универсальность внесенного концептуального модуля не отменяет другой универсальной очевидности: «мягкая сила» может быть эффективной только в руках сильного государства.

Свою повышенную актуальность сохраняет многозначный вывод этого мидовского документа о том, что «глобальная конкуренция приобретает в том числе культурно-цивилизационное значение». В изменившихся условиях особую практико-прикладную ценность сохраняет установка на использование инновационных подходов в оптимизации гуманитарной политики России за рубежом. Как будто сегодня сформулирован вывод-предостережение: «Обстоятельства политического или экономического характера не должны налагать отпечаток на развитие отношений с каким-либо государством в сфере культуры».

Оценочная оптика КГПИ-22 исходно фокусируется на последствиях трансформационных процессов, которые кардинально меняют мир. Обобщен и одновременно конкретизирован в емкой характеристике кризис существующего миропорядка и «попытки политизации гуманитарной сферы и ее использования в качестве инструмента давления на государства и отдельных лиц» [2].

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В документе раскрываются знаковые особенности разнонаправленных процессов в глобализации, которая не только способствует взаимообогащению национальных культур, но и ставит под угрозу культурную самобытность стран и народов. В связи с этим при реализации настоящей Концепции следует учитывать увеличение количества попыток принизить значимость российской культуры и российских гуманитарных проектов, распространить и навязать искаженную трактовку истинных целей России по ознакомлению мировой общественности с ее культурным наследием и достижениями в различных гуманитарных областях, дис-

кредитировать Русский мир, его традиции и идеалы, подменяя их псевдоценностями.

Национальные интересы России в гуманитарной сфере за рубежом формулируются конкретно: защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей; ознакомление мировой общественности с историческим и культурным наследием многонационального народа Российской Федерации и его достижениями; взаимообогащение культур народов России и иностранных государств, в том числе повышение доступности российского и мирового культурного достояния; развитие международного гуманитарного сотрудничества на справедливой, взаимной, открытой и недискриминационной основе.

В обобщенном виде представлены цели гуманитарной политики России за рубежом: формирование и укрепление объективного восприятия нашей страны в мире, содействие пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре, расширение контактов между людьми.

Особого внимания заслуживает концептуальная проработка и постановка практических задач гуманитарной политики России за рубежом, среди которых:

- формирование представления о России как о государстве, которое бережно сохраняет свою богатую историю и культурное наследие, традиционные духовно-нравственные ценности и в котором динамично развивается социально-культурная жизнь в условиях свободы литературного, художественного и других видов творчества, плюрализма мнений, отсутствия цензурных ограничений;
- защита, сохранение и продвижение традиций и идеалов, присущих Русскому миру;
- продвижение преимуществ федеративного устройства Российского государства, в котором признается равное

достоинство культур всех народов, проживающих на его территории;

- усиление роли, значения и конкурентоспособности русского языка в современном мире;
- популяризация отечественных достижений в области культуры, науки, образования, спорта, информационно-коммуникационных технологий;
- повышение конкурентоспособности отечественного образования и использование его потенциала для расширения российского гуманитарного влияния в мире;
- развитие международного сотрудничества в области культуры, науки, образования, спорта и туризма;
- повышение туристской привлекательности России для иностранных граждан;
- поощрение международного молодежного сотрудничества, в том числе в культурной, научной и спортивной областях;
- расширение использования инновационных технологий в информационном сопровождении реализации гуманитарной политики России за рубежом.

Акцентированное внимание в КГП-22 уделяется особенностям проблемного поля «мягкой силы» России и ее применения в принципиально изменившемся геополитическом контексте, учет которых столь важен как в повседневной внешнеполитической практике, так и в разработке новых перспективных положений международной стратегии России. Государственный переворот на Украине, интернационализация украинского кризиса, беспрецедентное санкционное давление объединенного Запада на Россию и ее контрсанкции всесторонне выявили конкретное практическое значение использования «мягкой» и «жесткой» сил в мировой политике, ставя дипломатию нашей страны перед необходимостью актуализации и обновления гуманитарной политики страны

за рубежом. Принятие КГП-22 тем более важно, что новые миросистемные реалии резко усложнили задачи дипломатической аналитики, призванной развязывать тугие проблемные узлы сущностно изменившейся геополитической парадигмы.

Первостепенное значение в КГП-22 придается стратегической триаде «культура-образование-наука», которая оценивается как геополитические ресурсы России, работающие на ее стратегическую перспективу. В изменившемся мире функциональная роль культуры, выходя далеко за рамки устоявшихся представлений, все теснее увязывается с задачами национальной безопасности страны. Ее подлинное возрождение, реинкарнация в лучших образцах, ставших не только национальной гордостью, но и достоянием всей человеческой цивилизации, насущное веление времени. Долгосрочные государственные интересы требуют постоянного совершенствования подходов к развитию русской культуры в комплексной взаимосвязи с образованием и наукой. Практико-политическое значение культуры определяется и тем, что исторически в основе недоверия к нашей стране, негативного восприятия ее окружающим миром лежит комплекс проблем, определяемых в экспертном сообществе как «конфликт архетипов», «культурный диссонанс». Поэтому в КГП-22 культура рассматривается «в качестве инструмента достижения взаимопонимания и сглаживания противоречий между государствами и народами».

Она способствует укреплению международного авторитета России и «нейтрализации антироссийских настроений политико-идеологического происхождения». Особо подчеркивается, что в Российской Федерации культура является уникальным наследием ее многонационального народа. Россия ориентирована на взаимообогаще-

ние культур населяющих ее народов и «готова делиться опытом с иностранными партнерами». При этом впервые в документе такого уровня зафиксировано, что иностранным партнерам предоставлена возможность освещать свою национальную культуру не только в России, но и на площадках российских загранучреждений. Более того, отмечена важность как работы российских информационно-культурных центров за рубежом, так и аналогичных центров иностранных государств в России.

В условиях кризисного развития отношений с объединенным Западом особую конструктивно-стратегическую значимость приобретает установка на создание условий для открытого диалога и обмена опытом между специалистами в области культуры, представителями органов государственной власти, политическими деятелями, представителями бизнеса разных стран в целях широкого обсуждения на международных площадках проблем и тенденций развития мировой и российской культурной жизни. Организация комфортного пространства для общения и сотрудничества деятелей культуры, потенциальных партнеров и инвесторов становится важной задачей в контексте взаимообогащения культур и дальнейшей интеграции России в мировое культурное пространство.

Приоритетное значение придается поддержке и продвижению русского языка в качестве языка международного общения, которые являются «ключевыми элементами гуманитарной политики России за рубежом и это способствует формированию положительного отношения к нашей стране в мире, ускорению ее научно-технологического и социально-экономического развития, привлечению высококвалифицированных специалистов, созданию условий для обеспечения

межнационального согласия. Продвижение русского языка — неотъемлемая часть просветительской миссии Российской Федерации за рубежом, важнейший инструмент политико-экономического, культурно-гуманитарного и научно-образовательного сотрудничества нашей страны с иностранными государствами».

Актуализированы акценты в области продвижения российской науки и образования за рубежом. Приоритет — повышение конкурентоспособности российского образования, научных исследований и разработок, продвижение их на мировом рынке. На первый план выходит использование достижений в научно-технической сфере и инновационные разработки. В качестве первоочередной задачи ставится необходимость добиваться признания российских научно-образовательных проектов в международном образовательном пространстве, способствовать продвижению российских образовательных услуг на мировом рынке, расширению сети русских школ за рубежом, увеличению объемов подготовки иностранных специалистов в российских образовательных организациях высшего образования, в том числе на некоммерческой основе, повышению привлекательности российского образования. Документ требует усиления роли российских образовательных организаций высшего образования в рамках сетевых образовательных проектов (Сетевого университета СНГ, Сетевого университета БРИКС, Университета ШОС и других). И конечно же — актуализировать международное взаимодействие по линии образовательных сетей ЮНЕСКО, включая ассоциированные школы ЮНЕСКО, Межправительственную программу всемирного межвузовского сотрудничества и академической мобильности (ЮНИТВИН) и Всемирную

сеть институтов профессионально-технического образования и подготовки кадров (ЮНЕВОК).

В контексте этих задач возрастает практико-политическое значение взаимодействия с выпускниками российских вузов — гражданами иностранных государств, которые составляют политическую и интеллектуальную элиту этих государств.

В отдельный проблемно-концептуальный блок впервые выделено международное сотрудничество в области физической культуры и спорта. В свете нарастающего санкционного давления объединенного Запада на Россию особую актуальность приобретает установка на полноценное участие России в соревнованиях во всех олимпийских спортивных дисциплинах, которое не должно зависеть от конъюнктурной политики отдельных государств и ангажированных подходов представителей профильных международных организаций.

Раздел о поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, в своей целостности воспроизводит практически текстуально профильную часть Концепции внешней политики России. Как подчеркивается в КГП-22, благодаря установлению прочных связей с соотечественниками по всему миру, оказанию им поддержки и содействия в сохранении родного языка и культуры Россия укрепляет на международной арене свой образ демократического государства, стремящегося к формированию многополярного мира, сохранению его культурно-цивилизационного многообразия.

Пожалуй, в КГП-22 впервые — в сравнении с ранними внешнеполитическими документами — столь комплексно и обстоятельно изложены приоритетные задачи по сохранению исторического и культурного наследия России. Формирование представления об историческом

и культурном наследии рассматривается как важный фактор передачи будущим поколениям культурно-цивилизационного кода России.

Важным концептуальным нововведением стала «дипломатия наследия», призванная способствовать охране и популяризации российского исторического и культурного наследия за рубежом. Фактически в отдельный концептуальный блок выделен комплекс задач, связанных с исторической памятью, сохранением достоверной памяти о прошлом и противодействием попыткам фальсификации истории. Документ требует проводить активную работу в целях пресечения попыток западных стран переписать историю Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, преуменьшить роль советского народа в Великой Победе.

Как явствует из нового документа, гуманитарная политика России способствует укреплению ее международного авторитета, формированию ее объективного восприятия за рубежом. Из этого следует, что отладка концептуально-методологической оптики и практическая оптимизация имидж-репутационной стратегии России — актуальнейшая потребность времени. Ровно десять лет назад в программном выступлении в МИДе на встрече с российским дипломатическим корпусом Президент В.В. Путин высказался со всей определенностью: многообразие и сложность международных проблем, вызовы и угрозы, с которыми сталкивается Россия, «требуют постоянного совершенствования нашего дипломатического инструментария в политической, экономической, гуманитарной и информационной сферах». И далее: «Наши дипломаты, конечно, понимают, насколько важна сегодня борьба за влияние на общественное настроение, на общественное мнение.

В последние годы мы много занимаемся этими вопросами, однако в условиях настоящей информационной атаки, развязанной некоторыми нашими так называемыми партнерами против нашей страны, встает задача еще более нарастить усилия на данном направлении» [3].

Кратко зафиксированная в Концепции внешней политики России установка на формирование за рубежом ее объективного восприятия в КГП-22 масштабно дополнена и конкретизирована. В систематизированном охвате обозначены следующие аспекты, влияющие на такое восприятие:

- совокупность позитивных общепонятных культурных кодов, ассоциирующихся с Россией у международного сообщества;
- поддержка в России традиционных духовно-нравственных ценностей;
- наиболее значимые достижения отечественной науки и техники;
- наиболее важные события мировой истории, участником которых являлась Россия и которые демонстрируют освободительную, просветительскую и первопроходческую миссии нашей страны;
- оказание Россией другим государствам помощи в чрезвычайных ситуациях;
- реализация проектов в сфере содействия международному развитию;
- развитие российского общества, включая наиболее успешные социально-гуманитарные проекты государства, направленные на повышение доступности образования и здравоохранения, поддержку материнства и детства, молодых семей, а также малообеспеченных и других социально незащищенных слоев населения;
- высокое качество российского образования и наличие доступных для иностранных граждан образовательных программ, включая образовательные обмены;
- выдающиеся российские спортивные достижения, наличие возможностей

для развития международного сотрудничества в области спорта, а также открытость России такому сотрудничеству.

В увязке с задачей формирования объективного восприятия России за рубежом важное значение придается ее гуманитарной помощи иностранным государствам, пострадавшим от стихийных бедствий, техногенных катастроф и террористических актов. Указывается на необходимость повышать эффективность деятельности в области чрезвычайного гуманитарного реагирования за рубежом, укреплять потенциал в области реагирования на кризисные ситуации. Россия поддерживает создание эффективных форматов взаимодействия в указанной области под эгидой ООН и других международных универсальных и региональных организаций, а также обмен передовым опытом по этим вопросам. Широкое информирование мировой общественности о деятельности России по оказанию помощи иностранным государствам в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций призвано способствовать усилению позиций нашей страны как одного из влиятельных центров современного многополярного мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, актуализированная концептуализация совокупных основ гуманитарной политики России за рубежом — важная веха в развитии отечественной дипломатии, которая со всей заданной определенностью обозначает состояние, векторы и перспективы адаптации ее внешнеполитической стратегии к новым геополитическим условиям. Несомненная практико-политическая значимость этого программного документа в том, что концептуальный синтез гуманитарных идей и подходов, востребованных в стратеги-

ческих интересах России, долго не доходил до полноценного воплощения: слишком непредсказуемо тяжелым оказался груз первоначального противоречивого становления постсоветской российской государственности. КГП-22 вместе с ранее принятыми внешнеполитическими документами стратегического планирования России окончательно и бесповоротно перечеркивает логику, принципы и правила чужой геополитической игры.

Вместе с тем в условиях мегакризиса современной геополитики, тревожных трансформационных изменений в мире уже недостаточно, по нашему мнению, ставить во главу политико-методологического угла столь важного документа систему взглядов; более адекватной, всеохватно адаптированной к жестким современным реалиям представляется выстроенная система целей, оценочных позиций, установок и приоритетов государства, которые в обобщенном виде зафиксированы в КГП-22. К этому подводит их фундаментальная взаимосвязь с внешнеполитической стратегией России, концептуализацию которой ожидает обновление, и ее национальной безопасностью.

В связи с этим явно отстранено от сузовых реалий кризисного развития международной обстановки, резкого обострения идеологического, информационного и военно-политического противоборства объединенного Запада во главе с США с Россией, сохранение в ее Концепции внешней политики скорее умозрительной задачи «формирования ценностной основы совместных действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливость, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие». Эта гуманитарно-политическая установка, боль-

ше вписывающаяся в «романтические» представления периода деидеологизации международных отношений, геополитически не рациональна и практически не реализуема в наши дни. Ее следует отнести к задачам на стратегически отдаленную перспективу. Скорректированной и более адаптированной к современному геополитическому контексту является зафиксированная в Концепции гуманитарной политики России за рубежом установка на отстаивание в рамках международных универсальных и региональных организаций значимости общечеловеческих ценностей и международного гуманитарного сотрудничества. Россия готова к взаимовыгодному сотрудничеству без предварительных условий, признает национальную и культурную идентичность, традиционные духовно-нравственные ценности величайшими достижениями человечества и видит их основой для последующего благополучного развития человеческой цивилизации.

К сожалению, понятийно-смысловой стержень и концептуальная канва Русского мира в КГП-22 не обозначены никак. Внесение самого понятия Русский мир в Концепцию внешней политики России 2008 г. также не получило полноценного теоретического обоснования и программного оформления. А из последующих редакций Концепции 2013 и 2016 гг. оно вообще исчезло. В условиях обострения международной ситуации вокруг Украины политические элиты и массовое сознание на Западе воспринимают Россию и тем более Русский мир, пугающих его носителей неопределенностью содержания наполнения и пространственных обозначений как «империю зла», как враждебную и опасную геополитическую антитезу всему Западному миру. Все это деформирует идею Русского мира

как составной части гуманитарного блока внешней политики России, который образует одну из важнейших основ ее «мягкой силы».

Возвращение самого понятия «Русский мир» во внутривластные и внешнеполитический обороты — подчеркнутый опознавательный знак возросшего влияния России в геополитическом пространстве, усиления международно-экономических позиций, активного стремления сохранить историческую память народа, укрепить духовные и культурные опоры общества. Отсутствие в документе конкретизации понятийного аппарата говорит о том, что еще предстоит его четкое программное оформление, превращение самого понятия в целостную систему

практических действий государства. Это тем более важно, что русскоязычный мир не имеет столь выраженную центрирующую форму, как, например, франкоязычный, объединенный не только культурологическим, но и политическим понятием «Франкофония», на развитие и продвижение которой расходуются огромные средства.

В своей структурированной совокупности Концепция гуманитарной политики России за рубежом наглядно отражает последовательное наращивание мощи государства, суверенную независимость его международной стратегии, укрепление геополитического статуса, с которым объединенный Запад не может не считаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Утверждена Президентом РФ 18.12.2010. Консультант Плюс. 18.12.2010. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289/ (дата обращения: 19.08.2022)
2. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». Президент России. 05.09.2022. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/G3CkAuMhZXio8AzNaweT3wTGTaEA16OU.pdf> (дата обращения: 05.09.2022)
3. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на восьмом совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации, Москва, МИД, 30 июня 2016 г. Официальный сайт МИД России. 30.06.2016. URL: http://www.mid.ru/web/guest/sovesanie-poslov-i-postoannyh-predstavitelej-rossijskoj-federacii-30-iuna-1-iula-2016-g.-/asset_publisher/sznBmO7t6LBS/content/id/2338996 (дата обращения: 05.09.2022)

REFERENCES

1. The main directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation. Approved by the President of the Russian Federation 18.12.2010. Consultant Plus. 18.12.2010. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289/ [Accessed: 05.09.2022] (In Russ.)
2. Decree of the President of the Russian Federation “On Approval of the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad”. President of Russia. 05.09.2022. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/G3CkAuMhZXio8AzNaweT3wTGTaEA16OU.pdf> [Accessed: 05.09.2022] (In Russ.)

3. Speech by the President of the Russian Federation Vladimir Putin at the 8th Meeting of Ambassadors and Permanent Representatives of the Russian Federation, Moscow, MFA, June 30, 2016. Official website of the Russian MFA. 30.06.2016. URL: http://www.mid.ru/web/guest/sovesanie-poslov-i-postoannyh-predstavitelej-rossijskoj-federacii-30-iuna-1-iula-2016-g./-/asset_publisher/sznBmO7t6LBS/content/id/2338996 [Accessed: 05.09.2022] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марк А. Неймарк, Доктор исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark, Doctor of Science (History), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; mark.neimark@mail.ru

Военное и военно-техническое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в XXI веке

Игорь Р. Томберг

доктор экономических наук,

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва

E-mail: itomberg@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в военной и военно-технической сферах, которое в последнее время динамично развивается и имеет для внешней политики Китая приоритетное значение. Выявлен рост национальной мощи Китая и его соотношение с внешнеполитическими установками. Во внешней политике Китай придерживается курса на активизацию военной дипломатии как неотъемлемым элементом государственной политики. Традиционно Китай считается ключевым экономическим и инвестиционным партнером стран Центральной Азии, однако на фоне мировых трансформационных процессов также активно пытается позиционировать себя как гарант региональной безопасности. Раскрываются причины заинтересованности Китая в интенсификации военного сотрудничества со всеми странами региона в двусторонних и многосторонних форматах. Китай стремится внести свою лепту в укрепление обороноспособности стран региона. С целью купирования региональных вызовов и угроз Китай увеличивает поставки вооружений в страны региона, проводит совместные военные учения, осуществляет обучение военных из стран региона в своих учебных заведениях. В статье особый акцент сделан на таких многосторонних механизмах сотрудничества Китая со странами Центральной Азии как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и «Четырёхсторонний механизм по сотрудничеству и координации» (ЧМСК). Прогнозируется, что в условиях формирования нового мирового порядка, а также заинтересованности самих стран региона, военное сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии будет только нарастать.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, военное сотрудничество, военно-техническое сотрудничество, региональная стабильность и безопасность, Синьцзян

Для цитирования: Томберг И.Р. Военное и военно-техническое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в XXI веке. *Проблемы постсоветского пространства.* 2022;9(3):289–300. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-289-300>

Статья: поступила 18.06.2022

Принята в печать 19.07.2022

Опубликована 30.09.2022

China's Military and Military-Technical Cooperation with Central Asian Countries in the XXI Century

Igor R. Tomberg

Doctor of Economic Sciences

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow,

E-mail: itomberg@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the cooperation between China and Central Asian countries in the military and military-technical spheres which is developing dynamically lately and is of priority importance for China's foreign policy. The growth of China's national power and its correlation with foreign policy attitudes are revealed. In foreign policy China adheres to the policy of activating military diplomacy as an integral element of state policy. Traditionally, China is considered a key economic and investment partner of the Central Asian countries but against the background of global transformation processes it is also actively trying to position itself as a guarantor of regional security. The reasons for China's interest in intensifying military cooperation with all countries of the region in bilateral and multilateral formats are revealed. China is striving to contribute to strengthening the defense capabilities of the countries of the region. In order to stop regional challenges and threats China is increasing arms supplies to the countries of the region, conducting joint military exercises and training military personnel from the countries of the region in its educational institutions. The article focuses on such multilateral mechanisms of China's cooperation with Central Asian countries as the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the "Quadrilateral Mechanism for Cooperation and Coordination" (QMCC). It is predicted that in the conditions of the formation of a new world order as well as the interest of the countries of the region themselves military cooperation between China and the countries of Central Asia will only increase.

Keywords: China, Central Asia, military cooperation, military-technical cooperation, regional stability and security, Xinjiang

For citation: Tomberg I.R. China's Military and Military-Technical Cooperation with Central Asian Countries in the XXI Century. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):289–300. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-289-300>

Received 18.06.2022

Revised 19.07.2022

Published 30.09.2022

ВВЕДЕНИЕ

Центральная Азия является одним из самых взрывоопасных регионов, в котором существует высокий конфликтный потенциал, проявляющийся в виде внутренних

проблем суверенных республик, нерешенных межгосударственных противоречий, растущего исламского радикализма. Со соседство с нестабильным Афганистаном

усиливает риски возможной дестабилизации региона. В условиях глобальных геополитических сдвигов существующие в регионе конфликты могут трансформироваться в открытое противостояние и пошатнуть безопасность и стабильность региональных государств. Ввиду этого, восточный сосед стран Центральной Азии — Китай уже более тридцати лет стремится принимать самое активное участие в поддержании региональной стабильности и безопасности, а в последнее время активно наращивает свое присутствие в военной и военно-технической сферах стран региона.

Традиционно китайское присутствие в странах Центральной Азии характеризуется высокой степенью экономической вовлеченности, что доказывает тесное двустороннее экономическое и инвестиционное сотрудничество. Однако параллельно с этим наметилась тенденция к усилению военного и военно-технического присутствия Китая. Особенно это стало заметным после того, как в 2013 г. в Астане Си Цзиньпин представил китайский мегапроект «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭППП), соединяющего торговые маршруты Азии и Европы, успешная реализация которого во многом зависит от региональной стабильности и безопасности. Кроме того, события, которые происходят как на глобальном, так и на региональном уровнях, стимулируют руководство Китая к усилению своего военного присутствия в регионе. Во-первых, это приход к власти в Афганистане талибов в 2021 г., который в высшей степени актуализировал процессы налаживания диалога с новыми афганскими властями с целью стабилизации ситуации и подключение страны к региональным инфраструктурным проектам. Во-вторых, специальная военная операция России на Украине в 2022 г. стала катали-

затором усиления китайской военной дипломатии в странах Центральной Азии.

ВОЕННАЯ МОЩЬ КИТАЯ

После прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 г. в Китае стартовал очередной этап модернизации армии. Была поставлена задача превратить Национальную освободительную армию Китая (НОАК) в первоклассную армию мирового уровня, отвечающую новым современным реалиями. Так, в январе 2015 г. Госсовет Китая опубликовал «Военную стратегию Китая», в которой прослеживалась установка на дальнейшее укрепление обороноспособности и создание вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу Китая и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны в новых условиях [1, с. 6–7]. Китай побил все рекорды по производству новых видов вооружений и военной техники. С 2013 г. Китай представил на обозрение общественности много новых видов китайских вооружений: совершен первый успешный полет транспортного самолета Юнь-20, несколько испытаний истребителя Цзянь-20, массовая поставка на службу военных вертолетов тип 10 и эсминцев тип 052С, начало серийного производства корветов тип 056 [2, с. 458]. Очередные новинки военной техники в широком ассортименте были представлены во время парада в честь 70-летия создания Китайской Народной республики, проходившем в Пекине [3]. Данный парад продемонстрировал, во-первых, тот факт, что стремительное развитие экономики Китая сопровождается ростом военной мощи страны. Во-вторых, стремительное военное развитие Поднебесной с учетом новых технологий. Реализация национальной стратегии Китая, направленной на превращение Поднебесной в сильное государство, на основе

военной, экономической и политической мощи, имеет свою проекцию и во внешний мир. В январе 2015 г. Си Цзиньпин, выступая на встрече с военными атташе, заявил о необходимости акцентировать больше внимания на военной дипломатии как инструменте внешней политики [4]. Для Китая важное значение имеет выстраивание военного и военно-технического сотрудничества со странами Центральной Азии в двустороннем формате. На фоне международной и региональной неопределенности и нестабильности сотрудничество в этом направлении становится приоритетом внешней политики Китая. Можно выделить ряд факторов, которые стимулировали руководство Китая к интенсификации военного взаимодействия со странами региона. Во-первых, геополитическая активность третьих сил в Центральной Азии, в первую очередь США, во-вторых, афганская проблема и поиск путей стабилизации внутривосточной ситуации в этой стране. Эти факторы могут оказать негативное влияние на развитие китайского проекта ЭППП, с которым Пекин связывает большие надежды в области торгово-экономического сотрудничества со странами, расположенными по пути следования этого трансконтинентального сухопутного маршрута. С целью купирования региональных вызовов и угроз Китай увеличивает поставки вооружений в страны региона, проводит совместные военные учения, осуществляет обучение военных из стран региона в своих учебных заведениях.

СИНЬЦЗЯН И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

После распада СССР руководство Китая настороженно следило за начавшимися процессами исламизации в странах Центральной Азии, опасаясь их деструк-

тивного влияния на свой западный район — Синьцзян, где преимущественно проживали уйгуры, исповедующие ислам. По религии и по языку уйгуры Синьцзяна были очень близки к тюркским народам стран Центральной Азии [5, с. 64]. Кроме того, политическая элита новых независимых государств поддерживала ренессанс ислама как фактор консолидации общества и укрепления своей власти [6, с. 110]. При этом в Китае рассматривали общественно-политические процессы в новых независимых государствах, столкнувшихся с серьезными политическими и экономическими трудностями, как катализатор сепаратистских настроений в Синьцзяне. Перед руководством Поднебесной вырисовывалась стратегическая задача изоляции Синьцзяна от влияния идей независимости, исламского фундаментализма и сепаратизма [7, с. 122]. Для того чтобы укрепить государственные границы Китай инициировал переговорный процесс с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном по вопросу спорных приграничных территорий, которые удалось урегулировать на рубеже XX — начала XXI вв. [8, с. 159]. Так появился «шанхайский формат» сотрудничества, который постепенно эволюционировал в полноценную региональную Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), став многосторонним механизмом борьбы с трансграничными вызовами и угрозами. Коллективная борьба с «тремя силами зла» в рамках ШОС — терроризм, экстремизм, сепаратизм — стала внешнеполитическим приоритетом Пекина в сфере региональной безопасности. В рамках ШОС было запланировано проведение впечатляющего количества военных учений, как на коллективной основе, так и включая двусторонние учения Китая и стран-участниц организации. В октябре 2002 г. прошли двусторонние военные уче-

ния на сопредельных территориях Казахстана и Китая, а также совместные киргизско-китайские учения [9]. В августе 2003 г. успешно стартовали первые антитеррористические учения стран-участниц ШОС «Взаимодействие — 2003». С тех пор такие учения стали краеугольным камнем военной многосторонней кооперации в регионе.

Постепенно Китай начал поставлять в страны региона свою военную продукцию на безвозмездной основе. Так, начиная с 1999–2000 гг., когда боевики Исламского движения Узбекистана (ИДУ) напали на территории Кыргызстана и Узбекистана, Китай начал оказывать военно-техническую поддержку странам Центральной Азии [10, с. 79]. В 2000 г. Китай заключил соглашение о военно-техническом сотрудничестве с Узбекистаном, предусматривающее, в частности, поставки китайского оружия и боеприпасов этой центральноазиатской стране [11, с.89]. В этом же году Китай пообещал поставить в Казахстан китайское материально-техническое оборудование на сумму 1 млн долларов [12]. В 2002 г. в Бишкеке было подписано соглашение, в соответствии с которым Китай обещал предоставить Киргизии военно-техническую помощь в размере 1,2 млн долл. [12].

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

На фоне специальной военной операции России на Украине руководство Китая опасается дестабилизации региональной обстановки, включая оживление сепаратистских тенденций в Синьцзяне. Катализатором этих тенденций могут стать внешние силы, заинтересованные в расшатывании внутривосточной обстановки в Китае и его ослаблении. Основания для подобных опасений у руководства Китая уже имеются. Так, в странах Центральной Азии США предпринимают попытки

повлиять на нейтральную позицию, которой придерживается национальная элита по украинскому вопросу и, тем самым, создать антироссийский фронт в регионе. Как известно, Китай с моральной точки зрения поддержал Россию в украинском кризисе. Кроме того, Китай видит основную причину украинского кризиса в антироссийской политике США, которую Вашингтон вместе со своими союзниками проводили на протяжении нескольких десятилетий. Так, посол Китая в России Ч. Ханьхуэй подчеркнул, что «США в свое время спровоцировали пять раундов расширения НАТО на восток, срежиссировали «цветную революцию» на Украине и максимально «загнали Россию в угол» в сфере безопасности, что в конечном итоге и привело к украинскому кризису» [13]. С целью «прозондировать почву» и выяснить характер настроений властвующих элит стран региона министр обороны Китая Вэй Фэнхэ 29 апреля 2022 г. прибыл с визитом в страны Центральной Азии. Первой страной визита стал Казахстан. На встрече с президентом Казахстана К.Ж. Токаевым министр обороны Китая, во-первых, выразил готовность расширять с Казахстаном сотрудничество в военной сфере, во-вторых, призвал проявлять осторожность в отношении вмешательства внешних сил в дела Центральной Азии [14]. В Центральной Азии Казахстан рассматривается руководством Китая как стратегический партнер в деле по поддержанию региональной стабильности и безопасности. До 2014 г. сотрудничество Китая с Казахстаном в военной и военно-технической сферах носило ограниченный характер. Однако после украинских событий 2014 г. и обострившихся геополитических противоречий между странами коллективного Запада и Россией, это сотрудничество стало динамично развиваться. Китай

увеличил поставки вооружений в Казахстан. В 2016 г. Китай продал Казахстану два беспилотника Wing Loong-1. В 2018 г. Казахстан стал первой страной на постсоветском пространстве, куда был поставлен самолет Y-8F200WA китайской компании AVIC Xi'an Aircraft Industry. 2018 г. стал поворотной вехой в двустороннем военно-техническом сотрудничестве, так как между двумя странами было принято межправительственное Соглашение в Пекине [15]. В соответствии с документом, стороны договорились осуществлять сотрудничество в следующих сферах: проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, в том числе в интересах совершенствования вооружения и военной техники; взаимодействие в области стандартизации вооружения и военной техники государств сторон; подготовка и обучение военно-технических кадров; оказание военно-технической помощи; проведение совместных испытаний образцов вооружения и военной техники.

Киргизия имеет общую границу с Китаем, протяженность которой составляет 1063 км. Это подталкивает Пекин к более активному сотрудничеству с Бишкеком в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Кроме того, в Киргизии проживает вторая после Казахстана по численности уйгурская диаспора, которая насчитывает 60 тыс. чел. Настоящим потрясением для Китая стал теракт у китайского посольства в Бишкеке, совершенный террористом-смертником в августе 2016 г. По официальной версии, теракт был совершен по заказу уйгурских террористических группировок, связанных с террористической организацией «Джабхат ан-Нусра» [16]. В борьбе с терроризмом Китай и Киргизия усиливают сотрудничество, что проявляется в создании новых

механизмов для эффективной борьбы. Так, в ноябре 2019 г. в Бишкеке прошло Первое заседание межведомственного межрегионального механизма сотрудничества «Диалог по вопросам безопасности между Киргизией и Китаем» [17]. Осознавая слабость вооруженных сил Киргизии, Китай в последнее время наращивает поставки военной помощи в эту страну. В 2021 г. Китай на безвозмездной основе передал Киргизии военные грузовики, гражданские машины и другое военное имущество [18]. Во время официального визита С. Жапарова в Китай в начале 2022 г. Китай пообещал выделить республике военную помощь в размере 50 млн юаней [19].

Узбекистан не имеет общей границы с Китаем, однако это нисколько не снижает уровень интереса обоих государств к двустороннему военно-техническому сотрудничеству. Узбекистан и Китай объединяет общее видение проблем, связанных с региональной безопасностью. Именно в Ташкенте, столице Узбекистана, расположилась Региональная антитеррористическая структура (РАТС), созданная в рамках ШОС в 2002 г. Первый президент Узбекистана И. Каримов неоднократно подчеркивал необходимости укрепления доверия в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом на региональном уровне. При И. Каримове китайское направление внешней политики Узбекистана считалось одним из приоритетных. Так, в 2014 г. во время визита И. Каримова в Китай стороны приняли Программу развития отношений стратегического партнерства на 2014-2018 гг. [20]. В том же году Узбекистан стал первой страной, получившей китайский беспилотник Wing Loong — 1. Между двумя странами достигнута договоренность о партнерстве между министерствами внутренних дел Узбекистана и общественной безо-

пасности Китая. Ежегодно организуются взаимные визиты представителей этих двух ведомств с целью повышения квалификации по линии уголовного розыска, борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и т. д. [21]. В 2017 г. Китай и Узбекистан подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере военного образования. В 2019 г. делегация из Министерства обороны Узбекистана посетила медиацентр НОАК с целью изучить китайский опыт работы военной прессы. В последние годы Узбекистан демонстрирует большой интерес к интенсификации сотрудничества с Китаем в военно-технической сферах, что обусловлено как усилением кризисных явлений в мировой политике, так и проводимыми в стране преобразованиями. Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев инициировал реформу модернизации национальной армии, которая включает ее оснащение современными видами вооружений и военной техники. Реализация с Китаем совместных проектов в этой сфере рассматривается Узбекистаном как хорошая возможность достичь целей реформы. Так, в 2021 г. во время посещения Узбекистана китайской делегацией Главного управления развития вооружения и военной техники Центрального военного совета КНР стороны обсудили проекты сотрудничества в области вооружений, военной техники и технологий [22].

Особенно стало заметным военное присутствие Китая в Таджикистане. Оба государства имеют общую границу, протяженность которой составляет 1344 км. Пекину и Душанбе удалось институционализировать взаимодействие в сфере безопасности, которое оформилось в виде нового многостороннего формата «Четырёхсторонний механизм по сотрудничеству и координации» (ЧМСК). Созданный в авгу-

сте 2016 г., новый формат сотрудничества помимо Китая и Таджикистана включает Афганистан и Пакистан. На первой четырехсторонней встрече, которая проходила в г. Урумчи, стороны единогласно пришли к выводу, что терроризм и экстремизм являются серьезными угрозами региональной безопасности. На встрече участники ЧМСК договорились координировать усилия в области борьбы с терроризмом, обмениваться разведывательной информацией, проводить совместные учения, готовить соответствующие кадры [23]. Выдвинуть инициативу по созданию нового многостороннего формата сотрудничества по вопросам региональной безопасности побудило стремление Китая активнее участвовать в поддержании мира и стабильности в Афганистане. Во-первых, для Китая афганское направление внешней политики имеет стратегическое значение, ввиду того, что через афганскую территорию проходит один из маршрутов китайского проекта ОПОП. Во-вторых, это возможность для Китая укрепить свои геополитические позиции в Южной Азии и уравновесить влияние Индии. В-третьих, Китай опасается деструктивного влияния террористов, базирующихся на территории Афганистана на свои северо-западные районы. Создание ЧМСК призвано купировать возможные угрозы китайской провинции СУАР. Данный механизм сотрудничества в китайских военно-политических изданиях негласно именуется военным союзом [24]. Существенный вклад вносит Китай в обеспечение безопасности таджикско-афганской границы. В октябре 2016 г. Китай выделил Таджикистану грант на модернизацию инфраструктуры в пограничных районах с Афганистаном, что предполагало строительство трех комендатур, пяти пограничных застав и постов, а также одного

учебного центра [25, с 262]. По сообщениям американских СМИ Китай разместил в Таджикистане в Мургабском районе свою первую в регионе военную базу [26]. Именно эта информация сподвигла Министерство обороны США включить Таджикистан в список стран, в которых НОАК «весьма вероятно, уже рассматривает и планирует дополнительные зарубежные объекты военной логистики с целью поддержки военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил» [27].

В Центральной Азии Туркменистан располагается на третьем месте в иерархии государств по военной мощи после Узбекистана и Казахстана. С Китаем Туркменистан не имеет общей границы, однако граничит с нестабильным Афганистаном (общая протяженность границы около 800 км). Для Туркменистана Китай является одним из главных поставщиков оружия. На долю Китая приходится около 27 % туркменского военного импорта [28]. В перечень продукции военного назначения, импортируемой Туркменистаном из Китая, входит зенитно ракетная система FD — 2000, обзорные радиолокационные станции большой дальности и др. [28]. Туркменистан закупает у Китая вооружение на доходы, полученные от продажи газа, основным покупателем которого является Китай. Начиная с декабря 2009 г. Китай экспортирует туркменский газ по газопроводу Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай, что, во-первых, существенно укрепило позиции Китая в Туркменистане и в регионе в целом, во-вторых, разрушила давнюю монополию России на приобретение туркменского газа [29, с. 148-149]. Также туркменские военные проходят обучение в Китае. В апреле 2022 г. во время посещения министром национальной безопасности Китая Вэй Фэнхэ Туркменистана, сто-

роны договорились вывести двусторонние военные и военно-технические отношения на более высокий уровень [30].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях формирования полицентричного мирового порядка Китай динамично наращивает свое военное и военно-техническое присутствие в странах Центральной Азии. Активность, которую демонстрирует Китай в вопросах региональной безопасности обусловлена следующими факторами: во-первых, не допустить влияния региональных деструктивных тенденций на обстановку в Синьцзяне, прилагая значительные усилия по созданию вокруг своих границ «пояса безопасности», во-вторых, создать безопасные условия для развития проекта ЭПШП. На фоне геополитического противостояния между Западом и Россией Китай стремится предотвратить возможное появление «очагов нестабильности» в Центральной Азии и с этой целью укрепляет с государствами региона двустороннее и многостороннее взаимодействие в военной сфере. Для России расширение военного присутствия Китая в регионе несет как преимущества, так и риски. К преимуществам относится вклад Китая в поддержание региональной стабильности во имя общего стратегического интереса. В то же время, размывается монополярная роль России как стабилизирующего фактора в регионе. Между тем страны Центральной Азии заинтересованы в сотрудничестве с Китаем в военно-технической области, усматривая в этом возможность диверсификации направлений импорта военной продукции. Обоюдная заинтересованность будет стимулировать дальнейшее расширение взаимодействия между Китаем и странами Центральной Азии в этой сфере.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Каменнов П.Б. КНР: военная политика в начале XXI в. Москва: ИДВ РАН; 2019. 248 с.
2. Чуньтао С. Как КПК изменила Китай. Москва: Международная издательская компания «Шанс»; 2021. 593 с.
3. Ермаков А. «Демонстрация силы». Китай представил новейшие виды вооружений. URL: <https://eurasia.expert/kitay-predstavil-noveyshie-vidy-vooruzheniy/> (дата обращения: 14.05.2022)
4. Shannon T. Three Goals of China's Military Diplomacy. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.048408db-62fe646b-319acfd-74722d776562/https/thediplomat.com/2015/01/3-goals-of-chinas-military-diplomacy/(дата обращения: 14.05.2022)
5. Лазарева Т.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район — проблема терроризма. *Доклады ИДВ РАН*. 2016:63-78.
6. Сяньюнь М. Анализ влияния исламского возрождения в государствах Центральной Азии на безопасность в Синьцзяне Китая. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1):108-115.
7. Маркова Е. А. Политика Китая в Центральной Азии (90-годы XX века-начало XXI века). *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(1):121-129.
8. Гарбузарова Е.Г. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития. *Центральная Азия и Кавказ*. 2021;24(4):52-66.
9. Савкович Е.В. Уйгурская проблема в рамках ШОС (Казахстан и Китай, 1990-е-начало 2000-х гг.). *Дневник алтайской школы политических исследований*. 2005;21:148-156.
10. Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ*. 2010;13(4):74-89.
11. Лицзюнь Г., Троицкий Е.Ф., Чуанья Ц. Становление центральноазиатской политики Китая (1992-2000). *Вестник томского государственного университета*. 2021;73:87-91.
12. Peyrouse S. Military Cooperation between China and Central Asia: Breakthrough, Limits, and Prospects. URL: <https://jamestown.org/program/military-cooperation-between-china-and-central-asia-breakthrough-limits-and-prospects/> (дата обращения: 19.05.2022)
13. Посол Китая в России объяснил, как Запад спровоцировал украинский кризис. URL: <https://eurasia.expert/posol-kitaya-v-rossii-obyasnil-kak-zapad-sprovotsiroval-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения: 19.05.2022)
14. Минобороны КНР: Китай выступает против внешних сил провоцирующих «цветную революцию» в Казахстане. URL: <https://www.kt.kz/rus/politics/1377932927.html> (дата обращения: 19.05.2022)
15. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о военно-техническом сотрудничестве от 22 ноября 2018. г. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=32854749#pos=0;0 (дата обращения: 23.05.2022)
16. Установлены организаторы и исполнители теракта в посольстве КНР в Бишкеке. URL: https://24.kg/kriminal/36573_ustanovleniyi_organizatoryi_i_ispolniteli_terakta_v_posolstve_knr_v_bishkeke/ (дата обращения: 19.05.2022)
17. Первое заседание межведомственного межрегионального механизма сотрудничества «Диалог по вопросам безопасности между Кыргызстаном и Китаем». URL: https://mfa.gov.kg/ru/main/page?page_id=4456 (дата обращения: 28.05.2022)
18. Китай подарил военные машины и технику Кыргызстану. URL: <https://for.kg/news-703536-ru.html> (дата обращения: 3.06.2022)
19. Китай окажет помощь Минобороны Кыргызстана на 50 млн юаней. URL: <https://>

- ru.sputnik.kg/20220727/kitay-voennaya-pomosch-ministerstvo-oborony-1066356315.html (дата обращения: 5.06.2022)
20. Ташкент и Пекин приняли программу развития отношений. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2014/08/19/visit/> (дата обращения: 6.06.2022)
 21. Полный порядок: как правоохранительные органы Узбекистана и Китая налаживают партнерство. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/polnyy-poryadok-kak-pravookhranitelnye-organy-uzbekistana/> (дата обращения: 19.05.2022)
 22. Узбекистан намерен привлечь Китай в проекты оборонпрома. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/19/china/> (дата обращения: 10.05.2022)
 23. Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan Form Anti-Terror Group. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/afghanistan-china-pakistan-tajikistan-form-anti-terror-group> (дата обращения: 12.05.2022)
 24. Кузнецов Р.А. О новом ирано-афганском транзитном маршруте в интересах китайского проекта «Один пояс, один путь». URL: <http://www.iimes.ru/?p=72808> (дата обращения: 14.05.2022)
 25. Майтдинова Г.М. Таджикско-китайские отношения в условиях формирования полицентричного мира. *Постсоветские исследования*. 2021;4(4):255-264.
 26. У Китая появилась военная база в Таджикистане. URL: <https://haqqin.az/news/145333> (дата обращения: 19.05.2022)
 27. Putz C. Why Did Tajikistan Make an Appearance in the China Military Power Report? URL: <https://thediplomat.com/2020/09/why-did-tajikistan-make-an-appearance-in-the-china-military-power-report> (дата обращения: 10.05.2022)
 28. Туркменистан оказался в тройке региональных лидеров по военной мощи. URL: <https://ia-centr.ru/publications/turkmenistan-okazalsya-v-troyke-regionalnykh-liderov-po-voennoy-moshchi> (дата обращения: 14.05.2022)
 29. Жильцов С.С. Трубопроводы в Центральной Азии и Каспийском регионе: новый этап борьбы. *Центральная Азия и Кавказ*. 2014;17(3):139-153.
 30. Китай и Туркменистан: расширение сотрудничества. URL: <https://anna-news.info/kitaj-i-turkmenistan-rasshirenie-sotrudnichestva/> (дата обращения: 15.05.2022)

REFERENCES:

1. Kamennov P.B. China: military policy at the beginning of the XXI century. Moscow, IDV RAS; 2019. 248 p. (In Russ.).
2. Chuntao S. How the CPC changed China. Moscow: LLC "International Publishing Company "Chance"; 2021. 593 p. (In Russ.).
3. Ermakov A. "Demonstration of force". China has presented the latest types of weapons. URL: <https://eurasia.expert/kitay-predstavil-noveyshie-vidy-vooruzheniy> [Accessed: 14.05.2022] (In Russ.).
4. Shannon T. Three Goals of China's Military Diplomacy. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.048408db-62fe646b-319acffd-74722d776562/https/thediplomat.com/2015/01/3-goals-of-chinas-military-diplomacy/ [Accessed: 14.05.2022] (In Eng.).
5. Lazareva T.V. Xinjiang-Uygur Autonomous Region — the problem of terrorism. *Reports of the IDV RAS*. 2016;63-78. (In Russ.).
6. Xianyun M. Analysis of the influence of the Islamic Renaissance in the Central Asian states on security in Xinjiang of China. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):108-115 (In Russ.).
7. Markova E. A. China's policy in Central Asia (the 90s of the XX century-the beginning of the XXI century). *Post-Soviet Issues*. 2022;9(1):121-129 (In Russ.).

8. Garbuzarova E.G. Foreign policy of Central Asian countries: results of 30-year development. *Central Asia and the Caucasus*. 2021;4:52-66 (In Russ.).
9. Savkovich E.V. The Uygur problem within the SCO (Kazakhstan and China, 1990s-early 2000s). *Diary of the Altai School of Political Studies*. 2005;21:148-156 (In Russ.).
10. Paramonov V., Stokov A., Stolpovsky O. China's foreign policy in *Central Asia*. *Central Asia and the Caucasus*. 2010;4:74-89 (In Russ.).
11. Lijun G., Troitsky E.F., Chuanya Ts. The Formation of China's Central Asian Policy (1992-2000). Bulletin of Toms State University. 2021;73:87-91 (In Russ.).
12. Peyrouse S. Military Cooperation between China and Central Asia: Breakthrough, Limits, and Prospects. URL: <https://jamestown.org/program/military-cooperation-between-china-and-central-asia-breakthrough-limits-and-prospects> [Accessed: 19.05.2022] (In Eng.).
13. The Chinese Ambassador to Russia explained how the West provoked the Ukrainian crisis. URL: <https://eurasia.expert/posol-kitaya-v-rossii-obyasnil-kak-zapad-sprovotsiroval-ukrainskiy-krizis> [Accessed: 19.05.2022] (In Russ.).
14. The Ministry of Defense of the People's Republic of China: China opposes external forces provoking a "color revolution" in Kazakhstan. URL: <https://www.kt.kz/rus/politics/1377932927.html> [Accessed: 19.05.2022] (In Russ.).
15. Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the People's Republic of China on military-technical cooperation dated November 22, 2018. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=32854749#pos=0 [Accessed: 23.05.2022] (In Russ.).
16. The organizers and perpetrators of the terrorist attack at the Chinese Embassy in Bishkek have been identified. URL: https://24.kg/kriminal/36573_ustanovlenyi_organizatory_i_ispolniteli_terakta_v_posolstve_knr_v_bishkeke [Accessed: 19.05.2022] (In Russ.).
17. The first meeting of the interdepartmental interregional cooperation mechanism "Dialogue on security issues between Kyrgyzstan and China". URL: https://mfa.gov.kg/ru/main/page?page_id=4456 [Accessed: 28.05.2022] (In Russ.).
18. China presented military vehicles and equipment to Kyrgyzstan. URL: <https://for.kg/news-703536-ru.html> [Accessed: 03.05.2022] (In Russ.).
19. China will provide assistance to the Ministry of Defense of Kyrgyzstan for 50 million yuan. URL: <https://ru.sputnik.kg/20220727/kitay-voennaya-pomosch-ministerstvo-oborony-1066356315.html> [Accessed: 05.05.2022] (In Russ.).
20. Tashkent and Beijing have adopted a program for the development of relations. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2014/08/19/visit> [Accessed: 06.05.2022] (In Russ.).
21. Full order: how law enforcement agencies of Uzbekistan and China establish partnership. URL: <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/polnyy-poryadok-kak-pravookhranitelnye-organy-uzbekistana> [Accessed: 19.05.2022] (In Russ.).
22. Uzbekistan intends to involve China in defense industry projects. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/19/china> [Accessed: 10.05.2022] (In Russ.).
23. Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan Form Anti-Terror Group. URL: <https://tolonews.com/afghanistan/afghanistan-china-pakistan-tajikistan-form-anti-terror-group> [Accessed: 12.05.2022] (In Eng.).
24. Kuznetsov R.A. On the new Iran-Afghanistan transit route in the interests of the Chinese project "One Belt, one Road". URL: <http://www.iimes.ru/?p=72808> [Accessed: 14.05.2022] (In Russ.).

25. Maitdinova G.M. Tajik-Chinese relations in the conditions of the formation of a polycentric world. *Post-Soviet studies*. 2021;4:255-264 (In Russ.).
26. China has a military base in Tajikistan. URL: <https://haqqin.az/news/145333> [Accessed: 19.05.2022] (In Russ.).
27. Putz C. Why Did Tajikistan Make an Appearance in the China Military Power Report? URL: <https://thediplomat.com/2020/09/why-did-tajikistan-make-an-appearance-in-the-china-military-power-report> [Accessed: 10.05.2022] (In Eng.).
28. Turkmenistan was among the top three regional leaders in military power. URL: <https://ia-centr.ru/publications/turkmenistan-okazalsya-v-troyke-regionalnykh-liderov-po-voennoy-moshchi> [Accessed: 14.05.2022] (In Russ.).
29. Zhiltsov S.S. Pipelines in Central Asia and the Caspian region: a new stage of struggle. *Central Asia and the Caucasus*. 2014;3:139-153 (In Russ.).
30. China and Turkmenistan: expanding cooperation. URL: <https://anna-news.info/kitaj-i-turkmenistan-rasshirenie-sotrudnichestva> [Accessed: 15.05.2022] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь Р. Томберг, доктор экономических наук, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; E-mail: itomberg@yandex.ru

Igor R. Tomberg, Doctor of Economic Sciences, The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russia; E-mail: itomberg@yandex.ru

Европейский вектор внешней политики Италии

Светлана М. Гаврилова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
smgavrilova@gmail.com

Аннотация: Внешняя политика Итальянской Республики реализуется в трех ключевых направлениях: европейском, атлантическом и средиземноморском. В данной статье рассматривается европейский вектор итальянской политики, характерные особенности данного направления и его эволюция в XX–XXI вв. Итальянская Республика играет значительную роль в процессе европейской интеграции, принимая деятельное участие во всех ключевых инициативах данного процесса, начиная с 1960-х гг. Во второй половине XX — начале XXI вв. европейская политика стала для Италии инструментом укрепления собственного статуса на международной арене, а активная позиция в процессах интеграции — способом встать в один ряд с лидерами европейского пространства. Именно европеизм наряду с атлантизмом становится основой внешнеполитической концепции Италии во второй половине XX века и определяет политический облик страны и ее положение на международной арене. В данном контексте особенно важно, что внешнеполитическое измерение итальянской политики тесно связано с внутривнутриполитической ситуацией в стране. В начале XXI наблюдается всплеск евроскептицизма в стране, связанные с проблемой миграции и недовольством наднациональными органами власти в периоды кризиса, такие как COVID-19. Европеизм, однако, остается ключевым измерением внешнеполитической деятельности страны.

Ключевые слова: Италия, Европа, Европейский союз, внешняя политика, интеграция, европеизм, евроскептицизм

Для цитирования: Гаврилова С.М. Европейский вектор внешней политики Италии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(3):301–318. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-301-318>

Статья поступила 25.07.2022

Принята в печать 22.08.2022

Опубликована 30.09.2022

The European Vector of Italy's Foreign Policy

Svetlana M. Gavrilova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

smgavrilova@gmail.com

Abstract: The foreign policy of the Italian Republic is implemented in three key areas: European, Atlantic and Mediterranean. This article examines the European vector of Italian politics, the characteristic features of this direction and its evolution in the XX–XXI centuries. The Italian Republic has played a significant role in the process of European integration, taking an active part in all key initiatives of this process since the 1960s. In the second half of the XX — early XXI centuries European policy has become a tool for Italy to strengthen its own status in the international arena, and an active position in the integration processes is a way to stand on a par with the leaders of the European space. It is Europeanism, along with Atlanticism, that became the basis of the foreign policy concept of Italy in the second half of the XX century and determines the political image of the country and its position in the international arena. In this context, it is especially important that the foreign policy dimension of Italian politics is closely linked to the domestic political situation in the country. At the beginning of the XXI century, there are outbursts of euroscepticism in the country associated with the problem of migration and dissatisfaction with supranational authorities in times of crisis, such as COVID-19. Europeanism, however, remains a key dimension of the country's foreign policy.

Keywords: Italy, Europe, the European Union, foreign policy, integration, europeism, Euroscepticism

For citation: Gavrilova S.M. The European vector of Italy's foreign policy. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):301–318. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-301-318>

Revised 22.08.2022

Received 25.07.2022

Published 30.09.2022

ВВЕДЕНИЕ

Итальянская Республика в XX–XXI веке — одно из ведущих государств Европы. Самопозиционирование страны «как средней державы» — балансирующей между интересами великих держав и центров силы современного мира, характерное для Италии после Второй мировой войны — предусматривает разноректорность итальянской внешней политики, принятие роли своеобразного связующего звена, «моста» между различными ак-

торами мировой политики. Во внешнеполитической доктрине страны в последние десятилетия утвердился определенный образ Италии на международной арене, определяемый как «протагонист мировой политики» и предусматривающий самостоятельность и определенную независимость страны во внешнеполитических вопросах, а также активность на определенных — ключевых для Италии — направлениях.

В силу ряда причин географического, экономического и исторического характера, Итальянская Республика традиционно отдает предпочтение определенным направлениям внешней политики, среди которых особенно выделяются европейский, атлантический и средиземноморский векторы. Европейский вектор особенно выделяется среди данных направлений в силу того, что именно интеграционные процессы стали определяющим фактором всей послевоенной истории европейского континента. Европейская политика Италии, как указано в официальных данных ресурса внешнеполитического ведомства страны, реализуется по двум трекам: политика в рамках Европейского союза и двусторонние отношения со странами Европейского континента. В данной статье предполагается рассмотрение первого из указанных направлений.

Ключевым моментом для новейшей истории Итальянской Республики становится подписание Римских соглашений 1957 г., положивших начало процессу политического объединения Европы. Следующей важнейшей вехой для эволюции европейской интеграции страны, как и для Европы в целом, было заключение Маастрихтского договора о создании Европейского союза в 1992 г. В обоих событиях Италия принимала непосредственное активное участие, демонстрируя высокую заинтересованность и значительную вовлеченность в европейские интеграционные процессы.

Итальянский МИД прямо заявляет, что «Италия была **одним из главных** участников пути, предпринятого вместе с другими странами-основателями для построения объединенной Европы»¹.

Европейское направление отвечало появившемуся во внешнеполитической доктрине Итальянской Республики стремлению к поиску своего места в мировой политике и системе международной безопасности для дальнейшего существования. Фактически, итальянское правительство после окончания Второй мировой войны взяло курс на «внешнеполитическую тактику (европейскую), которая, с одной стороны, надежно бы оберегала национальные интересы страны, а с другой — максимально содействовала бы формированию нового европейского пространства» [1]. В каком-то смысле, вся послевоенная политика Италии носит не атлантический, а именно «европейский» характер, поскольку включение страны в систему «атлантической солидарности» происходит именно посредством возрастающей включенности в общеевропейские процессы. Современная внешнеполитическая деятельность Италии, в том числе — такое важное изменение как средиземноморская политика, фактически, направлена именно на закрепление собственной роли в общеевропейских делах.

ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЕКТОРА ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ

Европейский вектор является одним из трех ключевых направлений внешней политики Италии в современной истории наряду с атлантическим и средиземноморским. Именно европеизм, наряду с атлантизмом, провозглашались «основными направлениями во внешней политике всех итальянских правительств, независимо от их политической окраски» [2]. Это обусловлено в первую очередь

¹ Il ruolo dell'Italia nel processo di Integrazione Europea // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: https://www.esteri.it/it/politica-estera-e-cooperazione-allo-sviluppo/politica_europea/italia_in_ue/il-ruolo-dellitalia-nel-processo-di-integrazione-europea/ (дата обращения: 18.07.2022)

исторической, экономической и географической включенностью страны в европейское пространство. Италия — одна из стран-основательниц Европейского союза — традиционна играла если не ключевую, то одну из самых значительных ролей на европейском континенте, оставаясь на лидерских позициях в решении общеевропейских вопросов на протяжении второй половины XX — начала XXI вв. Важно отметить, что европейское направление для Италии не ограничивается исключительно сферой Евросоюза, но включает также двусторонние отношения с европейскими государствами, в том числе — не членами ЕС, что, однако, уже выходит за рамки данного исследования. На официальном ресурсе итальянского МИД это определяется следующим образом: «В Европе внешняя политика Италии сочетает в себе компонент интеграции в ЕС и компонент двусторонних отношений, два измерения, которые неразрывно связаны. Отношения постоянного сотрудничества с государствами-членами в рамках институтов Сообщества по вопросам компетенции ЕС интегрированы с сотрудничеством в сферах национальной компетенции для наилучшего достижения общих целей безопасности и процветания граждан Европы. Прочные и активные двусторонние отношения, в свою очередь, питают чувство общей принадлежности к Союзу и способствуют защите интересов Италии в механизмах принятия решений ЕС»².

Важным фактором европейской политики Италии является то, что, с одной стороны будучи страной, стоявшей у истоков евроинтеграции и принимавшей активное участие во всех этапах фор-

мирования единого европейского пространства, с другой, Италия традиционно оказывалась «на вторых ролях» в виду постоянного отставания от лидеров интеграции в экономической сфере. При этом Италия стремилась оказывать влияние на внутривосточные процессы, пытаясь таким образом упрочить собственное положение на международной политической арене. Опыт Италии в данном направлении особенно примечателен тем, что страна в равной степени уделяла внимание процессу как экономической, так и политической интеграции. Последовательная европейская политика Италии способствовала укреплению положения страны на мировой политической арене, усилению ее роли и веса в международных делах, а также росту экономической мощи государства. Е.А. Маслова в данном контексте отмечает, что «можно констатировать, что внешняя политика Италии — это политика средней державы с глобальными интересами: являясь региональной державой, страна стремится активно участвовать в системе глобального управления (через многосторонние институты, а также миротворческую деятельность) [3]».

Европейская политика Италии базируется, фактически, на двух основах: осознании необходимости участия в европейской интеграции как отвечающей национальным интересам страны, и признания ограниченности собственных политических возможностей в рамках Европы [4]. При этом страна неизменно участвует во всех инициативах наднационального характера, как политического и экономического характера, так и в культурной, социальной и военной сферах. Деятельное участие

² Europa. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: https://www.esteri.it/it/politica-estera-e-cooperazione-allo-sviluppo/aree_geografiche/europa/ (дата обращения: 16.07.2022)

Италия принимает в военных и полицейских миссиях ЕС в ряде регионов мира [5].

Еще одним доводом в поддержку тезиса о приоритетности европейского направления для внешней политики Итальянской Республики выступает тот факт, что именно данный вектор становится ключевой составляющей внешнеполитического измерения, влияющей на внутренние процессы в стране. Если на протяжении пяти послевоенных десятилетий основной внешнеполитической проблемой, оказывающей воздействие на расстановку политических сил в Италии, являлось противостояние Восток — Запад, то к концу XX века на первый план выдвигаются более насущные проблемы, прочно занявшие место в риторике новых итальянских политических сил.

Важным фактором становится «проецирование» европейской политики на другие приоритетные для страны направления. Так, Италия, считая Средиземноморье зоной своей «особой ответственности» и проводя в регионе активную политику, распространяет на него модель «европейского мира» и стремится занять лидирующие позиции по решению средиземноморских проблем в Евросоюзе. Как отмечает Е.А. Маслова, «Реализация проекта европейской интеграции позволяет Италии надеяться, что наднациональность нивелирует чувство неполноценности» [3].

Еще одной ключевой особенностью данного вектора является то, что европейское измерение, фактически, стало не столько внешним для итальянской политики, сколько внутренним — в связи с высокой степенью интеграции страны в экономические, социальные, культурные процессы Европы.

Высокая степень включенности Италии в общеевропейские дела, однако, сочетается с наличием серьезных евроскептиче-

ских настроений среди политической элиты и граждан страны. Главным фактором итальянского евроскептицизма выступает миграционный вопрос. В силу особенностей географического положения страны, открытости ее морских границ потокам мигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока, Италия на протяжении долгого времени выступает форпостом нелегальной миграции в Европу, что вызывает серьезное недовольство как у населения страны, так и у ряда итальянских политиков, активно зарабатывающих политические очки на данной теме. Именно вопрос о квотах на принятие беженцев стал наиболее острым в дискуссиях Рима и Брюсселя в конце 2010-х годов. Другим серьезным испытанием для итальянского европеизма стали последствия пандемии коронавируса 2020-го года.

К ИСТОРИИ УЧАСТИЯ ИТАЛИИ В ПРОЦЕССАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Начало современной европейской политике Итальянской Республике было положено уже в 1940-е годы: страна, географически включенная в Западную Европу, оказалась вовлеченной в политические, экономические и интеграционные процессы послевоенной Европы. Несмотря на тот факт, что Италия вошла в число стран, на которые, согласно мирному договору, был наложен ряд обязательств, уже в начале 1950-х гг. она начинает принимать активное участие в развернувшихся на континенте новых по своему характеру и масштабу процессах. В 1951 г. Итальянская Республика в числе шести стран подписывает соглашение о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), в следующем году был заключен договор о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС). Таким образом, Италия

оказывается у истоков европейской интеграции. Как отмечает Н.П. Комолова, «сама идея европейского единства возникла... в период антифашистского движения Сопротивления в Италии — тогда ее сформулировали, находясь в ссылке на острове Вентотене, итальянские антифашисты Альтеро Спинелли и Эрнесто Росси. В 1941 г. ими был написан “Манифест за создание Соединенных Штатов Европы”» [6]. Подчеркнем, что премьер-министр Итальянской Республики А. Де Гаспери был одним из главных протагонистов европейского объединения с самого начала его зарождения, именно он стал одним из отцов-основателей современной интегрированной Европы. Политика Де Гаспери была направлена на повышение роли Италии в европейских делах и укрепление ее международного статуса. Важную роль в данном контексте играла экономическая составляющая: понесшей серьезный урон в годы войны Италии было необходимо включаться в набирающие обороты экономические процессы в послевоенной Европе и способствовать их интенсификации.

В 1950-е гг. находившиеся у власти центристские правительства продолжали начатый курс на включение страны в процессы евроинтеграции: в 1955 г. Италия входит в Западноевропейский союз. Важной вехой на данном этапе стало проведение Мессинской конференции 1955 г. и образование Комитета действия за создание Соединенных штатов Европы. Именно Мессинскую конференцию можно считать началом активной интеграции Италии в экономические структуры будущего Европейского союза, а также отправной точкой формирования экономических и политических основ интеграционного объединения. В ближайшие десятилетия экономическое измерение будет превалировать в европейских интересах Ита-

льянской Республики, и только с начала 1990-х гг., в контексте коренных изменений политической картины мира, экономический аспект евроинтеграции для Италии отойдет на второй план по сравнению с политическим. Как отмечает Е.С. Алексеенкова, «С 1950-х гг. основными “референтными” блоками для Италии были ЕС и НАТО» [7]. Фактически, в этот период окончательно сформировался внешнеполитический облик Итальянской Республики, который характерен для страны и в последнее время.

Италия неизменно играет заметную роль во всех интеграционных процессах, именно в период председательства страны в Совете министров в 1957 году был дан импульс созданию таможенного союза в рамках ЕЭС, который был образован в 1968 году, также в период итальянского председательства. Важной вехой европейской интеграции стало принятие решения о проведении выборов в Европарламент непосредственно гражданами стран-членов интеграционного объединения, принятое в 1975 г. при непосредственном участии Италии в проработке данного вопроса. Непосредственным предшественником Маастрихтского договора было принятие т.н. «отчета Карли» по вопросу Европейской валютной системе и подписание ряда документов о политическом объединении и валютном союзе, прошедшие при деятельном участии Итальянской Республики.

Как подчеркивает В.В. Данилов, «Италия предпринимала вполне успешные попытки в работе над созданием и совершенствованием европейских институтов. Тем не менее, меры и решения, принимаемые в европейских органах, зачастую не были эффективно реализованы итальянским правительством из-за внутривнутриполитической фрагментации, а также ввиду очевидной экономической и финансовой

отсталости страны от таких государств, как Великобритания, Германия и Франция» [8]. При этом, итальянские политические элиты, независимо от их положения в партийном спектре страны, осознавали необходимость двигаться по пути евроинтеграции. Таким образом, уже в последней четверти XX века становится очевидной высокая степень зависимости итальянской внешней политики от внутренней ситуации в стране.

Окончание холодной войны стало переломным этапом для итальянской внешней политики и «поставило перед Италией задачу переосмысления идеологических основ внешней политики и национальных интересов... основой стала идеология «мира протагонистов»... на основе которой происходило конструирование новой внешнеполитической идентичности Рима как активного деятельного участника мировой политики» [9]. Новые итальянские политические, выдвинувшиеся на первые роли в стране в 1990-е гг., начинают выстраивать свои внешнеполитические приоритеты на основе этой новой концепции.

В 1990-е годы европейское направление становится доминирующим во внешней политике Италии. Это связано с окончанием холодной войны и, как следствие, некоторым снижением зависимости от трансатлантического партнера. Относительно взаимозависимости внутри- и внешнеполитической ситуации, О.Н. Барабанов заявляет, что «важным фактором, повлиявшим на переосмысление итальянской внешней политики в начале 1990-х гг., стало коренное изменение расклада политических сил внутри страны... задача сдерживания коммунистов накладывала отпечаток и на внешнюю политику Италии, что наиболее отчетливо выражалось в подчеркнуто проамериканском стратегическом курсе страны. Окончание холодной

войны сделало сдерживание коммунистов как системную задачу уже не актуальным... все это поставило на повестку дня вопрос о том, что Италия должна заново (и самостоятельно) переосмыслить свои национальные интересы и строить свою внешнюю политику на их основе, а не на традиционных концепциях «стального ошейника» США и «средней державы» времен биполярного противостояния» [10].

Таким образом, изменение ситуации на мировой политической арене, крушение биполярной системы и прекращение блокового противостояния, оказало значительное воздействие как на внутреннюю, так и на внешнюю политику Итальянской Республики [11]. В 1990-е годы начинается иная — современный — этап европейской политики страны.

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ

В конце XX века, в период коренной перестройки итальянской политической системы, определяемой как переход ко «Второй Республике», европейский вектор политики Италии оказывается в непосредственной зависимости от состава сменяющих друг друга правительственных коалиций. Отношение Италии к процессам европейской интеграции в 1990-е годы отличалось «самобытностью», особенно в данном контексте отличились правоцентристы, категорически вступавшие против модели «Европы двух скоростей» [9]. При этом сменившие их левоцентристы главной задачей видели изменение имиджа страны в рамках Единой Европы, в первую очередь стремясь реализовать программу присоединения Италии к числу стран, переходящих на новую валюту.

Преобразование Европейского экономического союза в Евросоюз — полноценное политическое объединение —

с подписанием Маастрихтского договора в 1992 году стало важнейшей вехой европейской интеграции и ключевым событием внешнеполитического измерения для Италии. Как отмечает Т.В. Зонова, «присоединение к Маастрихту означало включение Италии в новую европейскую, а следовательно, и мировую экономическую и финансовую систему, формирующуюся под влиянием глобализации на основе неолиберальных принципов» [12]. Адаптация страны к новым требованиям интеграционного процесса была сопряжена с колоссальными трансформациями внутренней жизни, что заметно повлияло на политический облик Итальянской Республики в 1990-е годы. Следует отметить заметное влияние процессов евроинтеграции на различные области внутривнутриполитической жизни Италии, начиная от налоговой и банковской системы и заканчивая сельским хозяйством. Важной составляющей стало социальное измерение, так в 1996 г. Евробарометр установил, что «жители Италии... более всех готовы считать себя итальянцами и европейцами одновременно» [13]. Значительные изменения европейская политика Италии претерпевает с началом периода чередования правых и левых кабинетов у власти. С приходом в 1994 г. к власти правой коалиции в Италии наблюдается поворот к политике «евроскептицизма», что можно связать с ростом потоков нелегальной миграции в страну, однако приверженность интеграционным процессам прочно укореняется в итальянской политической повестке.

Важным этапом в развитии европейской интеграции в 1990-е гг. также стал Амстердамский договор 1997 г., который можно рассматривать как несомненную заслугу Италии, председательствовавшей в ЕС.

В 2000 г. Италия вновь становится председателем Совета Европы. Среди

приоритетных направлений ее деятельности на этом посту следует особо подчеркнуть активные попытки институционального реформирования организации, внимание к проблемам этнических меньшинств в Европе, а также развитию общеевропейской политики безопасности. В риторике итальянских политиков появляется тезис о том, что итальянская национальная идентичность немыслима без общеевропейской.

Приход к власти второго кабинета Сильвио Берлускони в 2001 году ознаменовался поворотом в сторону атлантизма, сближением с США и Россией в ущерб европейской линии: «Во времена второго и третьего правительства С. Берлускони (с 2001 по 2006 годы) его политика в наибольшей степени противоречила устоявшимся подходам ЕС. Второе правительство Романо Проди (с 2006 по 2008 годы), напротив, вновь старалось вернуть внешнеполитический курс в проевропейское русло» [9]. Европейский вектор при левых центристах вновь становится приоритетом итальянской внешней политики. Н.К. Арбатова пишет о том, что «разновекторность внешней политики Берлускони, попытки сочетать европейский выбор и особые отношения с Вашингтоном и Москвой не принесли Италии крупных дипломатических успехов, но явно способствовали маргинализации страны в ЕС... На практике правительство Берлускони чаще вносило раскол в ряды Евросоюза, отдавая предпочтение своим связям с США нежели целям формирования общих подходов в ЕС по вопросам европейской и международной безопасности. Наиболее наглядным примером этого явилась поддержка правительством Берлускони военной акции США в Ираке в 2003 г. вопреки позиции широкого общественного мнения» [14]. Таким образом, в начале XXI

века европейское направление оказывается особенно высоко зависимым от «маятника власти» итальянской политики.

В 2004 году Италия становится одной из стран, безоговорочно поддержавших принятие Конституции Европейского союза: «итальянский парламент стал первым из законодательных собраний крупнейших стран ЕС, одоббившим единую конституцию» [1]. При этом следует отметить, что данный вопрос не выносился на референдум, и мнение большинства итальянцев о единой Конституции выявлено не было.

Ратификация Лиссабонского договора в 2007 г., внесшего изменения в Договор о Европейском союзе (и, фактически, заменившего не вступившую в силу Конституцию ЕС) укрепила позиции Италии, неизменно выступающей за углубление европейской интеграции, на международной арене. Лиссабонскому договору посвящен отдельный раздел на сайте итальянского МИД, в котором подчеркивается важность данного документа: «Лиссабонский договор, подписанный 13 декабря 2007 г., вносит поправки в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества, внося существенные новшества в основное право ЕС. Договор о Европейском союзе содержит руководящие принципы и общие правила функционирования системы Союза, а также положения, касающиеся ОВПБ/ОПБО, а Договор о создании Европейского сообщества... регулирует отраслевую политику... и содержит подробные положения, касающиеся институтов и процедур. Изменение положения и переформулировка многих правил отвечает логике рационализации и большей ясности, что более

очевидно в «консолидированной» версии (от 9 мая 2008 г.), финальный эффект которого не слишком отличается от “Единого договора”, изначально предусмотренного в проекте Конституции для Европы, приостановленном в 2004–2005 гг.»³. Данный шаг стал одной из ключевых вех в евроинтеграции Италии: «вступление в силу Лиссабонского договора 1 декабря 2009 г. явилось несомненной победой итальянских европейцев и поражением евроскептиков» [2]. Таким образом, в конце XX — начале XXI политическое измерение европейской интеграции для Италии уже определенно превалирует над экономическим.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Рост взаимозависимости и взаимопроникновения европейского измерения и внутренней политики Италии становится особенно заметен в конце 2000-х — начал 2010-х годов, когда обострение экономических и социальных вопросов в стране стало восприниматься как следствие интегрированности в общеевропейские структуры. Итальянские евроскептики в этот период особенно усилили свою риторику, при этом реального влияния на внешнеполитическую линию страны они не оказывали.

В случае с Италией концепция Дж. Розенау о том, что внешняя политика есть логическое продолжение внутренней, находит яркое подтверждение. Нестабильность итальянских правительств в конце XX — начале XXI веков, т.н. «несовершенная двухпартийность», оказала непосредственное и весьма заметное воздействие на внешнеполитическую линию страны. Так, правоцентристские правительства

³ Il Trattato di Lisbona // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: https://www.esteri.it/it/politica-estera-e-cooperazione-allo-sviluppo/politica_europea/architettura-istituzionale-ue/il-trattato-di-lisbona/ (дата обращения: 16.07.2022)

С. Берлускони склонялись к атлантической линии во внешней деятельности, тогда как попеременно сменявшие их левоцентристские были более ярко выраженными европеистами. Берлускони надеялся, что тесные связи с США сделают Италию привилегированным партнером Соединенных Штатов Америки в Европе наравне с Великобританией [15].

Начиная с 2010-х годов европейский вектор, однако, уже неизменно стоит во главе угла итальянской внешней политики, несмотря на популистскую евроскептическую риторику отдельных политиков и политических объединений. Особенно заметным приоритет европейского направления стал уже в предвыборной программе левоцентристского объединения «Союз»⁴ в 2005 году, победившего с данной программой на выборах. Принятие Лиссабонского договора в 2007 году было встречено Италией с большим энтузиазмом, процедура ратификации состоялась быстро, что примечательно — уже в период нахождения у власти правоцентристов. Экономические сложности 2011–2012 годов в Италии спровоцировали всплеск евроскептицизма, однако, не повлияли существенно на европейский вектор политики страны. Так, в 2012 году по инициативе итальянской стороны была создана Рабочая группа по будущему Европы, сосредоточившаяся на выработке предложений по совершенствованию институтов ЕС, а в 2013 году в Италии был принят закон о повышении вовлеченности парламента страны в процесс разработки

общеевропейского законодательства и его интеграции в национальную законодательную систему.

Заметные подвижки на данном направлении произошли в 2014 году, когда правительство возглавил Маттео Ренци, давший новый импульс европейским устремлениям Италии. Новый премьер-министр декларировал полную солидарность с общеевропейской политикой и провозглашал ЕС «выходом из ситуации» для Италии⁵. В 2014 году на пост Высокого представителя ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности была избрана итальянка Федерика Могерини, что стало важной победой европейской политики Ренци. Данный шаг также стал подтверждением усиления роли Италии в рамках ЕС и его признания партнерами по объединению.

В рамках своего председательства в ЕС в 2014 году Италия представила программу «Европа. Новое начало»⁶, включавшую ряд предложений по экономическим реформам для Евросоюза, в том числе — предложения по углублению интеграции в рамках Экономического и валютного союза. Особое внимание также уделялось проблемам коррупции, занятости, прав человека и сотрудничеству ЕС и США. Отдельной важной темой, которой Италия уделяла внимание в период своего председательства, стало управление миграционными потоками с привлечением всех стран-членов Евросоюза. Права человека и основные свободы были на первом плане во время итальянского председательства: в декабре

⁴ Programma di Governo 2006–2011 “Per il bene dell’Italia”. URL: <https://digilander.libero.it/karmaproductions/politica/programma-unione.pdf> (дата обращения: 18.07.2022)

⁵ Канцлер ФРГ поддержала реформы итальянского премьера. Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/канцлер-фрг-поддержала-реформы-итальянского-премьера/a-17502668> (дата обращения: 20.07.2022)

⁶ EUROPA un Nuovo Inizio. URL: http://italia2014.eu/media/1350/programma_ita_def.pdf (дата обращения: 16.07.2022)

Совет достиг соглашения о начале ежегодного диалога между государствами-членами в Совете для поощрения и защиты правового государства в Союзе. Итальянскому председательству сопутствовала деятельность, направленная на более активное участие Европейского союза и других государств-членов в управлении миграционными потоками. Один из приоритетов касался реагирования на миграционное давление структурированным, устойчивым образом и с «европейским подходом», выходящим за рамки немедленных чрезвычайных мер. Таким образом, приверженность Италии привела к обновленному общему осознанию того, что все внешние границы государств-членов ЕС представляют собой общую границу. Приоритетной задачей Италии как председателя стало планирование бюджета для финансирования действующих и проектируемых программ ЕС. Благодаря соглашению о корректировке бюджета на 2014 г. и подготовке бюджета на 2015 г. председательство Италии обеспечило необходимые ресурсы и инструменты по реализации европейских приоритетов для работы следующих председательств [16]. По итогам этого периода Италия подтвердила свой статус одного из лидеров европейской интеграции. Важным результатом итальянского председательства в 2014 году стал вклад в институциональный переход без критических проблем и в установленные сроки: новый парламент начал работу с 1 июля, комиссия Юнкера — с 1 ноября, и председатель Европейского совета Дональд Туск — с 1 декабря.

Вопрос о членстве Великобритании в ЕС стало очередным вызовом для итальянской политики в рамках Союза: тесные

экономические связи двух стран обуславливали заинтересованность Италии в сохранении статус-кво. Итогом длительных консультаций стал британский референдум о выходе из ЕС, больно ударивший по самим основам евроинтеграции. Наряду с Брекзитом, провал конституционного референдума в 2016 году в самой Италии и последовавшая за ним отставка М. Ренци стали серьезной угрозой для дальнейшего существования ЕС в привычном формате. Это также ослабило позиции страны на европейской арене, продемонстрировав экономическую и политическую «ненадежность» Италии. Экономическая ситуация внутри страны способствовала росту евроскептических настроений самих итальянцев, что выразилось в расширении поддержки правых партий.

Следующее итальянское правительство под председательством Паоло Джентилони четко обозначило курс на преемственность приверженности европейским ценностям, отдавая приоритет углублению интеграции, защите верховенства закона в ЕС и большей гибкости в применении макроэкономического управления. Коалиционное правительство «Лиги», «Движения Пяти звезд» и «Братьев Италии», пришедшее к власти в 2018 году, также уделило немало внимания европейскому вектору в программном документе нового кабинета⁷, однако позитивной динамики в отношениях с Евросоюзом это не принесло. Особое внимание в документе уделялось требованиям пересмотра бюджета ЕС, реформированию системы рыночных отношений внутри объединения, подтверждению «особого» статуса Италии на внешнем форпосте Союза. Период нахождения у власти коалиции

⁷ Contratto per il governo del cambiamento. P. 53. URL: https://download.repubblica.it/pdf/2018/politica/contratto_governo.pdf (дата обращения: 19.07.2022)

ознаменовался беспрецедентным охлаждением отношений Италии и ЕС [19]. Для этого периода характерно сближение страны с восточноевропейскими государствами, однако, подобная политика заранее оказалась обреченной на провал ввиду отсутствия единой линии у этих стран внутри ЕС, а также противоположных итальянским позиций по миграционной проблеме.

Внутренние экономические проблемы Италии привели к тому, что в 2019 году ЕС пригрозил введением санкций в случае, если страна не предпримет меры по сокращению бюджетного дефицита. Санкции, однако, было заменены рядом макроэкономических условий, направленных на стабилизацию ситуации.

Самой серьезной проблемой в отношениях Итальянской Республики и Евросоюза остается миграционный вопрос. Точка зрения Италии на данную проблему базируется на постулате о необходимости первичного контроля над потоками мигрантов в Европу, тогда как европейский подход фокусируется на вторичном измерении — перераспределении беженцев в странах ЕС. Именно миграционный вопрос привел к распаду коалиционного правительства в 2019 году, выходу из него «Лиги» Маттео Сальвини и формированию второго коалиционного кабинета Джузеппе Конте из демократов и представителей «Движения Пяти звезд». Фактически, лидер «Лиги» спровоцировал правительственный кризис, стремясь добиться проведения новых парламентских выборов, чтобы, на волне антииммигрантской риторики

расширив собственную электоральную поддержку, сформировать однопартийное правительство, либо вступить в коалицию с более «удобными» партнерами. Этот ход М. Сальвини, однако, не получил поддержки ни со стороны избирателей, ни со стороны других политиков, рейтинги «Лиги» и личный рейтинг ее лидера заметно упали. Антиевропейская риторика Сальвини, фактически, потерпела крах.

Новое правительство полностью отмежевалось от антиевропейской риторики: «Конте подчеркнул, что Италия станет активным участником строительства внутренне сплоченного, близкого к гражданам, конкурентоспособного Европейского союза, членство в котором “открывает перспективы дальнейшего роста благосостояния итальянцев и дает возможность усилить позиции европейских стран в условиях глобальной конкуренции”»⁸. Программа нового правительства предусматривала пересмотр Дублинского регламента с целью решения проблемы урегулирования миграционных потоков, была декларирована цель на приобретение Италией ведущей роли в процессе обновления ЕС⁹. В настоящее время позиция страны по миграционной проблеме полностью развернулась в сторону общеевропейской линии: итальянский МИД заявляет о том, что страна «участвует в переговорах с целью полной реализации принципа солидарности и справедливого разделения ответственности между государствами-членами», а «спасение жизней мигрантов на море» декларируется как абсолютный приоритет¹⁰.

⁸ Зонова Т.В. Италия отказалась от евроскептицизма. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2019-09-15/10_7676_dip05.html (дата обращения: 15.07.2022)

⁹ Programma Governo Conte 2 (M5s-Pd) bozza integrale. URL: <https://www.fiscoetasse.com/upload/Programma%20Governo%20Conte%202.pdf> (дата обращения: 18.07.2022)

¹⁰ Flussi migratori verso l'UE // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: https://www.esteri.it/it/politica-estera-e-cooperazione-allo-sviluppo/politica_europea/dossier/migrazioni/ (дата обращения: 17.07.2022)

Поворот Италии в сторону Единой Европы был позитивно встречен со стороны ее партнеров по интеграционному объединению: подтверждением могут послужить визиты в Рим президентов Франции и Германии и их заявления о «нерушимой дружбе» с Италией. Визиты стали символом начала нового этапа в отношениях Рима и Брюсселя [17]. В данном контексте особенно важно, что общеевропейская политика напрямую зависит от взаимодействия трех лидеров интеграционного процесса — Франции, Германии и Италии.

Новым серьезным возовом европейской солидарности Италии стал коронакризис 2020 года. Итальянская Республика, больше других европейских стран пострадавшая от пандемии COVID-19, запрашивала помощь у Евросоюза, однако, фактически, не получила ее в тот момент: пакет помощи Италии был утвержден позже¹¹.

Несмотря на сложности в отношениях Италии с наднациональными институтами, частую смену правительств, всплески антиевропейских настроений, европейский вектор политики остается доминирующим для страны. Практически полный отказ от евроскептицизма демонстрирует стремление Итальянской Республики продолжить курс на укрепление своих позиций как одного из лидеров евроинтеграции, что в перспективе дает возможность повышению уровня благосостояния итальянцев и дальнейшему укреплению позиций страны на международной арене.

Позиции Итальянской Республики относительно дальнейшего расширения Евросоюза четко обозначены итальянским МИД: «Политика расширения направлена

на постепенное расширение Европейского союза за счет присоединения европейских государств, которые желают этого и разделяют его принципы и цели. Политика расширения является ключевым инструментом, доступным Союзу для содействия миру, стабильности, процветанию и безопасности в странах-кандидатах и потенциальных странах-кандидатах, находящихся в непосредственной близости от него в Европе. Это тем более верно в нынешнем историческом контексте, характеризующемся беспрецедентным миграционным кризисом, затяжным экономическим кризисом и сохраняющимися ситуациями нестабильности на границах Европы. Италия всегда была привержена поддержке стратегии расширения Союза; действия Италии направлены на обеспечение надлежащего признания прогресса, достигнутого странами-кандидатами и потенциальными странами, чтобы побудить эти государства продолжать свой путь к внутренним реформам, необходимым для соблюдения принципов демократии, защиты прав человека и закона, на которых основан Союз, и адаптировать свою правовую систему к *acquis communautaire*. Политика расширения включает в себя меры, направленные на институциональный рост западнобалканских стран, которые являются потенциальными кандидатами на вступление в Союз, и установление переговорного процесса, согласованного между ЕС и странами-кандидатами, которые имеют достаточный уровень подготовки для переговоров о членстве»¹². В свете данных заявлений становится очевидным, что Италия нацелена на расширение интеграции,

¹¹ Risposta al coronavirus. Commissione Europea. URL: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/health/coronavirus-response_it (дата обращения: 16.07.2022)

¹² Allargamento // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: https://www.esteri.it/it/politica-estera-e-cooperazione-allo-sviluppo/politica_europea/dimensione-esterna/allargamento/ (дата обращения: 19.07.2022)

причем ее собственная роль в данном процессе отвечает самопровозглашенной позиции «арбитра» в европейских делах.

Таким образом, очевидно, что параллельно с «маятником власти» в итальянской внутренней политике заметным колебаниям подвержен и европейский вектор внешнеполитической линии страны. При этом, независимо от того, какие политические силы находятся у власти, приверженность Италии европейскому и атлантическому курсу во внешнеполитической деятельности остается неизменной. «В концептуальных внешнеполитических документах Рим четко артикулировал понимание того, что без поддержки по линии ЕС и НАТО страна не обладает всей полнотой ресурсов, необходимых для реализации национальных интересов. Прежде всего, речь идет о поддержке в вопросах обороны, безопасности и противостоянии угрозам из Ближнего Востока и Северной Африки» [7].

Важно отметить, что в ситуациях, когда национальные интересы Италии вступают в конфронтацию с общеевропейской линией (как в случае с присоединением к китайской инициативе «Один пояс — один путь»), итальянская реакция напрямую зависит от позиций политического руководства страны. Публичное заявление Италии о сотрудничестве с КНР, выраженное в Меморандуме о взаимопонимании между двумя странами 2019 года, вызвало резко негативную реакцию со стороны Евросоюза, и со сменой правительства с правопопулистского на проатлантически настроенное произошел отход от сотрудничества с Китаем. Как отмечает М.О. Шибкова, «Неоднократ-

ные нарушения финансовой дисциплины, показательная демонстрация политической самостоятельности участием в операциях в Ираке и Ливии сходят Италии с рук, поскольку европейские партнеры всякий раз стремятся пойти на уступки и предотвратить “дрейф” Рима в сторону России, США или Китая. Таким образом, Италия сохраняет за собой статус в тройке (после Брекзита) лидеров ЕС, заставляя считаться с собственным мнением» [18].

Несомненным остается тот факт, что укрепление проевропейского курса Италии приносит ей определенные преференции. В настоящее время выгоды от европейского курса политики Италии проявляются в конкретных решениях: страна стала крупнейшим бенефициаром по итогам принятия плана «Следующее поколение ЕС» («Next Generation EU», NGEU¹³) как наиболее пострадавшая от последствий пандемии коронавируса. Средства, предназначенные для Италии, составляют в общей сложности 191,5 млрд. евро¹⁴. Очевидно, можно полностью согласиться с Е.А. Масловой в том, что «членство в ЕС и союзнические отношения с США выступают в качестве безальтернативных приоритетов Италии. Европейская интеграция обеспечивает экономическое благосостояние и региональное влияние» [9].

Активное участие в интеграционных процессах на европейском пространстве становится «визитной карточкой» итальянских левых и левоцентристских сил конце XX — начале XXI, тогда как правые отдавали предпочтение атлантическому вектору. Начиная с 2010-х годов, однако, европеизм становится главной составля-

¹³ Пакет мер Европейского союза (ЕС) по восстановлению экономики для оказания поддержки государствам-членам ЕС в восстановлении после пандемии COVID-19.

¹⁴ Italy's National Recovery and Resilience Plan. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698847/EPRS_BRI\(2021\)698847_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698847/EPRS_BRI(2021)698847_EN.pdf) (дата обращения: 21.07.2022)

ющей внешнеполитической линии страны. Евроскептические настроения усиливаются в стране исключительно в периоды внутренней нестабильности и связаны с определенными критическими проблемами Италии: миграция, спад экономики, пандемия COVID-19. Данные проблемы активно используются евроскептически настроенными политическими силами с целью приобретения более широкой поддержки избирателей. Европейская политика Италии оказывает непосредственное и очень существенное воздействие на внутриполитическую ситуацию в стране. Традиционная для Италии нестабильность правительственных кабинетов, негативно сказывающаяся на политическом процессе внутри страны, оказывает деструктивное воздействие и на внешнюю политику.

Таким образом, европейское измерение в условиях углубления интеграции уже, фактически, сливается с внутриполитическими процессами в Италии, однако первостепенное значение в данном контексте имеет тот факт, что внешнеполитическая линия итальянских кабинетов на данном направлении оказывает влияние на их политическую судьбу: так, отставка правительства М. Ренци в каком-то смысле стало итогом его чрезмерно активной европейской политики, на фоне экономических и миграционных вопросов не находившей позитивного отклика у итальянцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Позиции Итальянской Республики на международной арене в первой четверти XXI века заметно укрепились по сравнению с ситуацией во второй половине XX века: последовательная политика, направленная на вхождение в «высший эшелон» государств, принесла свои плоды. Страна проводит разноректорную внешнюю политику, участвует в целом ряде

международных организаций и форумов, доказала свою значимость в решении общеевропейских и региональных вопросов. Активность итальянской внешней политики с начала 2000-х годов связана со стремлением Италии окончательно отойти от статуса «средней державы», находящейся на перекрестках политики более сильных акторов мировой политики, и укрепиться в статусе «протагониста» — страны, оказывающей влияние на ключевые мирополитические процессы и играющей заметную роль в определенных значимых регионах — как, например, средиземноморском, так и европейском. При этом именно европеизм — наряду с атлантизмом — рассматривается Римом как наиболее отвечающий претензиям страны на международной арене вектор, с помощью которого Италия способна реализовать собственные устремления.

Европейская политика Италии — фактически, ключевое направление всей внешнеполитической деятельности страны. Деятельность Итальянской Республики на данном треке характеризуется высокой активностью на протяжении всей истории европейской интеграции. Европейский вектор тесно связан с другим важнейшим направлением — атлантической солидарностью. Высокая степень взаимозависимости этих двух направлений особенно четко просматривается во внешнеполитических решениях Италии в 2022 году.

Во всей своей внешнеполитической деятельности Италия преследует цель играть более заметную роль на международной арене, и европейская политика — наиболее оптимальный инструмент в данном контексте, поскольку позволяет стране выступать от лица несоизмеримо более мощного политически и экономически актора, чем она сама. Итальянская европейская политика оказывает влияние

на самопозиционирование Италии на международной арене, позволяя стране занимать более «выгодные» позиции. Это позволяет Италии играть более заметную роль в других направлениях внешнеполитической активности, в том числе, в таких значимых для страны регионах, как Средиземноморье.

К началу XXI века европейское направление внешней политики Итальянской Республики прочно укрепилось как приоритетное для страны. Важным фактором является то, что Европа для Италии выступает в двух измерениях: как интеграционное объединение и как регион, в который страна включена географически и исторически и в котором расположены ключевые партнеры Италии. Европейское измерение тесно связано с внутренней ситуацией в Италии, внутренней и внешней политика в данном направлении оказываются

в высокой степени взаимозависимы, особенно это заметно с 2010-х гг. Для Италии — страны с крайне нестабильной внутривнутриполитической ситуацией, частыми правительственными кризисами, широким спектром политических сил с разноректорной направленностью — подобная ситуация создает дополнительные сложности. Несомненный приоритет европейского вектора подвергается регулярным испытаниям в периоды кризисов, которые угрожают стране.

Важное значение имеет тот факт, что переход от приоритетности экономического измерения евроинтеграции к политическому, происходит для Италии одновременно с такими лидерами Единой Европы как Франция и Германия, что позволяет стране утвердиться в своем стремлении войти в число ключевых акторов интеграционного объединения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Питухина М.А. Европейский вектор внешней политики Италии в конце XX — начале XXI века: проблемы и перспективы. Автореф. Дисс. С-Пб., 2008. С. 14.
2. Арбатова Н.К. Европеизм и атлантизм как две опоры внешней политики Италии. *Мировая экономика и международные отношения*. 2010;3:28.
3. Маслова Е.А. Италия — Китай: выход за рамки дозволенного? Фактор Китая в Средиземноморье. Москва: Ин-т Европы РАН; 2022. 200 с.
4. Матвеева Е.А. Между Европой и политикой: европейская интеграция в идеологии и стратегиях политических партий Италии (1994–2006 гг.). Томск: Изд-во Томского университета; 2012. С. 26.
5. Гаврилова С.М. Военные и гражданские операции Евросоюза. *Дипломатическая служба*. 2017;4:46-53.
6. Комолова Н.П. Сто лет истории Италии. Москва: ИВИ РАН; 2009. 277 с.
7. Алексеенкова Е.С. Италия в тисках американо-китайского противостояния. *Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН»*. 2021;4:23.
8. Данилов В.В. Приоритетные направления внешней политики Италии (1991-2020 гг.) / Дисс. на соискание уч. степени канд. полит. наук. Москва: 2020. С. 67.
9. Маслова Е.А. Европеизм и атлантизм во внешней политике Италии. *Международные процессы*. 2016;4:106-107.
10. Барабанов О.Н. Эволюция современной итальянской внешнеполитической идеологии., На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века. Москва: Институт Европы РАН; 2011. С. 139-140.
11. Гаврилова С.М. Российские ученые о внешней политике Италии на рубеже XX–XXI

- вв. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2012;1(9):18.
12. Зонова Т.В. История внешней политики Италии. Москва: Аспект Пресс; 2016. С. 244-245.
13. Левин И.Б. Национальная идентичность между историей и политикой: опыт Италии. Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути». Москва: 2004. С. 101.
14. Арбатова Н.К. Италия и ОВПБ: в поисках «золотой середины». Европейский союз: в поисках общего пространства внешней безопасности. Москва: ИМЭМО РАН; 2007. 100 с.
15. Romano S. Italian foreign policy after the end of the Cold War. *Journal of Modern Italian Studies*. 2009;1:10.
16. Михайленко В.И., Табаринцева-Романова К.М. Итоги председательства Италии в ЕС: второй семестр 2014 г. *Современная Европа*. 2015;5(65):16.
17. Алексеенкова Е.С. Италия — ЕС: отказ от политики «суверенной изоляции»? *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2019;5:11.
18. Шибкова М.О. Альянсы ad hoc как доминанта внешнеполитического инструментария Италии. *Международные процессы*. 2021;1(64):147.

REFERENCES:

1. Pitukhina M.A. The European vector of Italy's foreign policy in the late XX — early XXI century: problems and prospects. Autoref. Diss. S-Pb., 2008. P. 14. (In Russ.).
2. Arbatova N.K. Europeanism and Atlanticism as two pillars of Italy's foreign policy. *World economy and international relations*. 2010;3:28. (In Russ.).
3. Maslova E.A. Italy — China: going out of bounds? The China Factor in the Mediterranean. Moscow: Institute of Europe RAS; 2022. 200 p. (In Russ.).
4. Matveeva E.A. Between “Europe” and Politics: European integration in ideology and strategies of political parties in Italy, 1994–2006 / Ed. by Prof. Valery Mikhailenko. Tomsk: TSU publishing house; 2012. 232 p. (In Russ.).
5. Gavrilova S.M. Military and Civil Actions of the European Union. *Diplomatic service*. 2017;4:46-53. (In Russ.).
6. Komolova N.P. One hundred years of the history of Italy. Moscow: IVI RAS; 2009. p. 223. (In Russ.).
7. Alekseenkova E. Italy grasped by US-China rivalry. *Electronic journal “Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences”*. 2021;4:23. (In Russ.).
8. Danilov V.V. Priority directions of Italy's foreign policy (1991-2020) / Diss. for the degree of Candidate of Political Sciences. Moscow: 2020. P. 67. (In Russ.).
9. Maslova E. Italian foreign policy between atlanticism and eurocentrism. *International processes*. 2016;4:106-107. (In Russ.).
10. Barabanov O.N. Evolution of modern Italian foreign policy ideology. At the crossroads of the Mediterranean: “Italian boot” before the challenges of the XXI century [monograph]. Moscow: Institute of Europe RAS; 2011. P. 139-140. (In Russ.).
11. Gavrilova S.M. Russian scientists on Italy's foreign policy at the turn of the XX–XXI centuries. *Electronic scientific and educational magazine “History”*. 2012;1(9):18. (In Russ.).
12. Zonova T.V. The History of Italy's foreign policy [monograph]. Moscow: Aspekt Press; 2016. P. 244-245. (In Russ.).
13. Levin I.B. National identity between history and politics: the experience of Italy. Search for national and civilizational identity and the concept of a “special path” [monograph]. Moscow: 2004. p. 101. (In Russ.).
14. Arbatova N.K. Italy and the OVPB: in search of the “golden mean”. The European Union: in

- search of a common external security space. Moscow: IMEMO RAS; 2007. 100 p. (In Russ.).
15. Romano S. Italian foreign policy after the end of the Cold War. *Journal of Modern Italian Studies*. 2009;1:10.
16. Michailenko V., Tabarintseva-Romanova K. Results of the Italian presidency in the EU: the second semester of 2014. *Contemporary Europe*. 65(5):14-20. (In Russ.).
17. Alekseenkova E. Italy's European Policy: back from "Sovereign Isolation"? *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. 2019;5:11. (In Russ.).
18. Shibkova M.O. Ad Hoc Alliances as Italian Key Statecraft Tool. *International processes*. 2021;1(64):147. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Светлана М. Гаврилова, кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1; smgavrilova@gmail.com

Svetlana M. Gavrilova, PhD in Historical Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; smgavrilova@gmail.com

Образовательная политика Турции в Центральной Азии

Акмалджон С. Эргашев¹, Олег Е. Гришин²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
ak.ergashev@mail.ru

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия,
grishin_oe@pfur.ru

Аннотация: В статье рассматривается влияние Турции в центральноазиатском регионе посредством образовательной политики в контексте концепции «мягкой силы». Продемонстрирована заинтересованность Турецкой Республики в развитии Центральноазиатского региона, что обусловлено проживанием турецких народов. Турция придает важное значение в выковывании отношений с постсоветскими странами, в том числе в сфере образования. Показан инструментарий влияния образовательной политики посредством создания лицеев и привлечения абитуриентов в турецкие университеты. Констатируется увеличение квот для иностранных студентов, договоров о двойных дипломах и межвузовских обменах. Представлены алгоритмизированные способы и методы улучшения имиджа и повышения авторитета турецкого образования посредством элементов туризма и культуры в целом. Указаны дальнейшие векторы развития Турции и сделаны выводы о потенциале ее влияния на страны постсоветского пространства.

Ключевые слова: образовательная политика, мягкая сила, Турция, Центральная Азия, постсоветское пространство, лицей, университет, имидж государства

Для цитирования: Эргашев А.С., Гришин О.Е. Образовательная политика Турции в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(3):319–326. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-319-326>

Статья поступила 16.06.2022

Принята в печать 23.08.2022

Опубликована 30.09.2022

Turkish educational policy in Central Asia

Akmaljon S. Ergashev¹, Oleg E. Grishin²

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia,
ak.ergashev@mail.ru

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia,
Russian State Social University, Moscow, Russia,
grishin_oe@pfur.ru

Abstract: The article examines Turkey's influence in the Central Asian region through educational policy in the context of the concept of "soft power". In addition, Turkey's interest in the development of the Central Asian region is demonstrated which is due to the fact of the Turkic peoples residing there. Turkey attaches great importance to forging relations with post-Soviet countries, in particularly in the field of education. The author addresses the usage of educational policy influence tools such as creation of lyceums and attracting applicants to Turkish universities. A major increase in quotas for foreign students, dual degree and exchange programs is stated. The author suggests algorithmic approaches to improve the image and increase Turkish education attractiveness through tourism and culture. As the result, the author determines the vectors of Turkey's future development and draws conclusions on Turkey's influence potential on the post-Soviet countries.

Keywords: educational policy, soft power, Turkey, Central Asia, post-Soviet space, lyceum, university, image of the state

For citation: Ergashev A.S., Grishin O.E. Turkish educational policy in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):319–326. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-319-326>

Received 16.06.2022

Revised 23.08.2022

Published 30.09.2022

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Турецкая Республика занимает выгодное географическое положение и считается естественным мостом между Европой и Азией. После окончания Холодной войны Турция взяла курс на воссоединение с Азией. Новый внешнеполитический вектор был укреплен националистической политикой внутри страны, расширением торговых отношений, усилением влияния за счет инструментов «мягко силы», в том числе образовательной политики.

Исследовательский акцент в статье сосредоточен на влиянии Турции на постсоветском пространстве посредством образовательной политики.

После распада СССР образовавшиеся страны выбрали свой вектор развития внешней политики и после чего был запущен процесс установления новых внешнеполитических отношений, предусматривающий установление дипломатических, социокультурных, экономических, торговых и других отношений на основе своих

предпочтений, исторической памяти и этнокультурной идентичности.

ТУРЕЦКИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ВЕКТОР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Одной из стран, которая видела для себя новые возможности для продвижения и реализации своих интересов, экспорта товаров и услуг, расширения своей культуры и языка является Турецкая Республика [1]. Турция заинтересована в развитии Центральноазиатского региона и это объясняется тем, что в Центральной Азии есть тюркские народы. Турция придает большое значение в развитии отношений с постсоветскими странами, она сотрудничает во многих сферах, и экономика страны практически зависит от того, как складываются её отношения с этими странами.

Установление новых отношений имеет и преследует ряд определенных целей. Для получения и достижения желаемых результатов в отношениях друг с другом страны используют «мягкую силу», в которую входит привлекательность культуры, ценностей и внешней политики [2]. Турция пользуется своей популярностью, доступностью и многообразием предлагаемых образовательных услуг. При этом, «Процесс «быть конкурентоспособным» для высшего образования во всех странах СНГ вот уже более двадцати лет сопровождается трудностями и проблемами экономического, политического, социального, культурного, религиозного характера» [3, с. 55].

В настоящее время в Турции проходят дебаты по ряду вопросов, связанных с историческим прошлым страны. С 1992 года османское прошлое реабилитируется и в историческом образовании, и в средствах массовой информации в контексте стратегии легитимации политических притязаний. Распад Советского Союза детерминировал увеличение пантюркистской

политической идентичности и усиление «культурных войн» [4].

Всё началось с того, что после распада СССР в некоторых странах началось строительство турецких лицеев [5], которые были знамениты и считались престижными, так как обучающиеся и выпускники выделялись великолепным складом ума, с высоким IQ, разносторонностью и они считались перспективными. Однако, не каждый мог там учиться, так как для поступления необходимо было пройти и сдать несколько вступительных испытаний.

Во время занятий, в организованных турецкими властями учебных заведениях, учеников знакомили с национальной культурой, ценностями и жизнью в Турции. Многие выпускники лицеев впоследствии продолжали своё обучение в высших учебных заведениях Турции.

После многих лет функционирования турецкие лицаи начали закрываться. К 2008 году в России закрыли все турецкие лицаи за исключением Татарстана после проверок Рособнадзора и прокуратуры. Данное решение было принято по причине того, что Турция начала и в настоящее время продолжает репрессии, направленные против возможных сторонников Гюленовского движения, который подозревается в попытке организации госпереворота в Турции. Главной частью его движения является сеть школ-лицеев, созданные по всему миру и по его же инициативе такие лицаи были открыты и в Российской Федерации.

Турецкие лицаи в Центральной Азии начали всё больше подвергаться критике и власти Центральноазиатских республик в лице Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана опасались, что лицаи насаждают религиозные и протюркские идеи, которые ставили под угрозу светский

режим [6]. Хотя в этих странах лицеи пользуются огромной популярностью так как уроки ведутся на нескольких языках (на государственном языке, в которой базируется лицей, английском и турецком). Первые такие лицеи в Центральной Азии были образованы в середине 1990-х гг. и были основаны движением «Гюлен». «С 1992 по 2000 гг. по всей Центральной Азии силами движения было открыто около сотни образовательных учреждений. В Кыргызстане имеется около 25 турецких школ, включая лицеи и два университета. В Казахстане 32 школы, лицеи и университет Ясеви. В Таджикистане таких учреждений шесть. Один лицей и один университет — в Туркменистане. Согласно сообщениям радио «Свобода» «только в одном Узбекистане ранее действовало более 65 турецких образовательных учреждений» [7, с.65].

После ухудшения отношений Ташкента и Анкары в 1999 году, турецкие лицеи в Узбекистане были закрыты. В соседней Республике, в Туркменистане турецкие лицеи закрыли в 2011 году и на тот момент осталась только одна школа имени Ата-тюрка в республике [8]. В Республике Таджикистан турецкие лицеи начали преобразовывать в школы для одаренных детей с 2015 года [9]. Спустя два года в 2017 году Фотех Кахрамон являющийся на тот момент первым секретарем посольства Турции в Таджикистане заявил журналистам, что Анкара просила правительство Таджикистана закрыть турецкие лицеи, после годовщины неудавшегося военного переворота в Турецкой Республике [10]. В итоге турецкие лицеи были закрыты, а вместо них появились лицеи для одаренных детей.

После закрытия лицеев Турция не перестала быть привлекательной, где можно получить высшее образование и работать. На нынешнем этапе глобализации

большинство стран предлагают квоты для получения образования за рубежом, например Россия предоставляет огромное количество квот для абитуриентов, поступающих на бакалавриат, магистратуру, аспирантуру и так далее. Турция не является исключением.

Правительство Турции финансирует международную стипендиальную программу, которая называется «Türkiye Bursları», в рамках которой иностранным студентам предоставляются стипендии (квоты) для обучения на бакалавриате, магистратуры и докторантуры. Турецкая Республика предоставляет квоты для обучения в ВУЗах страны и получать стипендию во время обучения более чем 100 странам мира [11].

После распада советского союза приграничные страны бывшего СССР и Турция видели новые возможности для развития. В частности, Турция после установления новых взаимоотношений уже с новыми и независимыми странами пыталась быстро наладить отношения в сфере торговли, энергетики и пыталась расширить тюркское языковое пространство.

Турция путем предоставления стипендий иностранным студентам говорит, что преследует цель «Воспитывать поколения, которые будут находить решения для мировых проблем и проблем своей родины» [12].

Турция входит в число участников Болонского процесса, что делает ее еще больше привлекательным для получения высшего образования. Иностранцам получение образования в Турецкой Республике кажется более доступным по сравнению с другими западными университетами, так иностранным студентам рекомендуется иметь несколько сотен долларов в месяц для покрытия базовых расходов, таких как: проживание, пита-

ние и развлечения. В Германии, например, иностранному студенту необходимо иметь как минимум 950 долл в месяц [13].

Турция становится образовательным центром для иностранных студентов. По данным Агентства «Анадолу» в январе 2020 года на территории Турции получали высшее образование около 178000 иностранных студентов. Обучение они получали в 203-х университетах по всей стране по 60000 программам подготовки. К 2023 году Турция планирует принять больше четверти миллиона иностранных студентов [14].

В феврале 2021 года на презентации Анатолийского проекта совета по высшему образованию Турции глава страны Р.Т. Эрдоган заявил, что Турецкая Республика входит в топ-10 стран по привлекательности для иностранных студентов. Турецкий лидер так же отметил, что количество учебных заведений с 2002 года увеличилось с 76 до 207, а общее количество учащихся с 1,6 млн до 8,4 млн [15].

С увеличением количества ВУЗов и учащихся возросли и государственные затраты на развитие и поддержку сферы высшего образования с 2,5 млрд до 36 млрд лир. В действительности Турецкая Республика увеличивает количество квот для иностранных студентов и руководство турецких учебных заведений договаривается о двойных дипломах и межвузовских обменах [16].

ТУРЕЦКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИМИДЖЕВЫЙ РЕСУРС

Целью Турецкой Республики является повышение авторитета, узнаваемости и качества образования, а также сделать её доступной для многих стран, которые находятся на различных уровнях развития. Турецкая Республика становится привлекательной не только по причине

того, что предоставляется скидки и квоты на обучение. Турция обращает внимание абитуриентов, что в стране есть красивые города, пейзажи, пляжи, горы и так далее. Здесь можно не только выбрать качественную программу для обучения, но и любоваться красотами и знакомиться с турецкой культурой.

Помимо вышеперечисленного, Турция может решить несколько других вопросов. Так, студенты, обучаясь в Турции получают деньги от родителей и тратят их жилье, на продукты питания, развлечения, отдых и так далее. Таким образом у Турции увеличиваются приток иностранной валюты и поступления с налога на покупку тех или иных вещей. С привлечением студентов в Турции рассчитывают развивать туризм. Студенты могут во время каникул путешествовать по стране, видеть и узнавать новое, отдыхать, делать покупки и это тоже положительно сказывается на экономике, поскольку необходимо будет оплачивать проживание в новом месте, платить за продукты питания и др. Впоследствии друзья и близкие этих же студентов могут захотеть побывать в Турции и получить новый опыт и впечатления. Привлекая студентов, Турция рассчитывает решить демографический вопрос. Турция предлагает большое количество образовательных программ, связанных с бизнесом и, в связи с этим выпускники университетов создают свой бизнес в стране и остаются жить там со своими семьями. В основном бизнес связан с трикотажными изделиями, которые экспортируются в разные страны, в том числе в страны Центральной Азии.

Несмотря на то, что турецкие лицеи были закрыты, Турция остается открытой страной для иностранных студентов, так как обучение в стране доступно практически для каждого. По крайней мере, Турция стремится к этому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государства с сильным глобальным и региональным влиянием более результативны в привлечении туристов, инвестиций, талантливых рабочих, экспорте продукции и продвижении своей внешней продукции. «Мягкая сила» реализуется через культуру, политические ценности, образование. Можно сказать, что речь идет о завоевании «умов и сердец». Турция как достаточно сильный геополитический актор желает закрепиться в Центральной Азии, а также предлагает центральноазиатским странам уйти от тенденций европоцентризма. Турецкое влияние предопределено устойчивым комплексом исторических, культурных и демографических и социально-экономических условий.

Напряженность, появившаяся на постсоветском пространстве после распада Советского Союза, поиск новых векторов развития и сотрудничества новых независимых государств детерминировали усиление влияния Турции в центральноазиатских странах. Образовательная политика стала одним из векторов ее воз-

действия. И в этом ключе важен анализ опыта понимания потенциала и рисков образовательной политики и реакции на культурные, этнические и религиозные отличия. В этом контексте важна корреляция между политической культурой и образовательной политикой. Констатируется, что различные страны по-разному реагируют на глобальные и региональные обмены политическими идеями, образовательные стандарты, а также новое государственное управление. В этом смысле Турции помогает осуществлять эффективное влияние на постсоветском пространстве тюркский языковой фактор. Она пытается сформировать свою высокоэффективную систему образования для подготовки своих граждан и иностранных студентов к потенциальным вызовам экономики будущего и ожидаемой неопределенности. Используя свой привлекательный имидж, Турецкая Республика, потенциально может решить ряд собственных проблем в сфере экономики, демографии и туризма посредством инструментария образовательной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Turkey's Asia Relations / Ed. O. Anas. Springer Nature Switzerland AG 2022 Palgrave Macmillan Cham, 325 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-93515-3>
2. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs; 2004. 209 p.
3. Нестерчук О.А. Тренды образовательной политики СНГ как показатель конкурентоспособности системы высшего образования. Проблемы эффективной интеграции инновационного потенциала современной науки и образования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Москва: Объединенная редакция; 2018. С.53-59.
4. Ersanlı B. Turkey. In: Cajani L., Lässig S., Repoussi M. (eds) The Palgrave Handbook of Conflict and History Education in the Post-Cold War Era. Palgrave Macmillan, Cham. 2019. P.3-5. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-05722-0_52 (дата обращения: 15.11.2021).
5. Постановление Совета Министров Республики Таджикистан от 19 августа 1994 года №413 «Вопросы таджикско-турецких лицев» (Утратило силу в редакции Закона РТ от 01.08.2015 №497).
6. Хасанов А. Турецкие лицеи в Таджикистане. *Евразийский союз ученых*. 2014;8(4):107-110.
7. Плотников Д.С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в

- Центральной Азии в сфере образования. *Ars Administrandi. Искусство управления*. 2016;1:160-177.
8. Журналисты узнали о закрытии турецких школ в Туркменинии. Российское новостное интернет-издание Lenta.ru. 15.08.2011. URL: <https://lenta.ru/news/2011/08/15/schools/> (дата обращения: 20.11.2021).
9. Турецкие лица в Таджикистане преобразуют в школы для одаренных детей. Sputnik Таджикистан. 21.05.2015. URL: доступа: <https://tj.sputniknews.ru/20150521/1015524994.html> (дата обращения: 21.11.2021).
10. Фотех Кахрамон: Турецкие лица в Таджикистане были закрыты по просьбе Анкары. 15.07.2017. URL: <https://tj.vesti.news/foteh-kahramon-turetskie-litsei-tadzhikistane-byli-zakryty-17071508093363.htm?ysclid=17t5waaipv766772120> (дата обращения: 21.11.2021).
11. Türkiye Bursları. Сайт международной стипендиальной программы, финансируемой правительством Турции. 22.11.2021. URL: <https://turkiyeburslari.gov.tr/> (дата обращения: 23.11.2021).
12. Türkiye Bursları Hakkımızda. Сайт международной стипендиальной программы, финансируемой правительством Турции. 22.11.2021. URL: <https://turkiyeburslari.gov.tr/tr/sayfa/hakimizda/turkiye-burslari> (дата обращения: 23.11.2021).
13. What Does It Cost to Study in Germany. Study in Germany. 23.11.2021. URL: <https://www.studying-in-germany.org/what-does-it-cost-to-study-in-germany/> (дата обращения: 24.11.2021).
14. Kasap. S. Turkey becomes education hub for international students. 09.01.2020. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/en/education/turkey-becomes-education-hub-for-international-students/1697646> (дата обращения: 23.11.2021).
15. Президент Турции подчеркнул значимость развития системы высшего образования страны. 04.02.2021. URL: <https://ru.haberler.com/russian-news-1560690/> (дата обращения: 24.11.2021).
16. Neden Türkiye Bursları? Сайт международной стипендиальной программы, финансируемой правительством Турции. 24.11.2021. URL: <https://turkiyeburslari.gov.tr/tr/sayfa/aday-ogrenciler/neden-turkiye-burslari> (дата обращения: 25.11.2021).

REFERENCES

1. Turkey's Asia Relations / Ed. O. Anas. Springer Nature Switzerland AG 2022 Palgrave Macmillan Cham, 325 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-93515-3>.
2. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 209 p.
3. Nesterchuk O.A. Trends in the educational policy of the CIS as an indicator of the competitiveness of the higher education system // Problems of effective integration of the innovative potential of modern science and education. Collection of materials of the International scientific-practical conference. Moscow: United edition; 2018. P.53-59. (In Russ.)
4. Ersanli B. Turkey. In: Cajani L., Lässig S., Repoussi M. (eds) The Palgrave Handbook of Conflict and History Education in the Post-Cold War Era. Palgrave Macmillan, Cham. 2019. P.3-5. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-05722-0_52 [Accessed: 20.11.2021]
5. Decree of the Council of Ministers of the Republic of Tajikistan dated August 19, 1994 № 413 «Issues of Tajik-Turkish lyceums» (№ 497 as amended by the Law of the Republic of Tajikistan dated August 01, 2015).
6. Khasanov A. Turkish lyceums in Tajikistan. *Eurasian Union of Scientists*. 2014;8(4):107-110. (In Russ.)

7. Plotnikov D.S. «Soft power» of the policy of China, Turkey, Iran, Russia and the USA in Central Asia in the field of education. *Ars Administrandi. The art of management*. 2016;1:160-177. (In Russ.)
8. Journalists learned about the closure of Turkish schools in Turkmenistan. Russian online news publication Lenta.ru. 15.08.2011. URL: <https://lenta.ru/news/2011/08/15/schools/> [Accessed: 20.11.2021] (In Russ.)
9. Turkish lyceums in Tajikistan will be converted into schools for gifted children. Sputnik Tajikistan. 21.05.2015 (updated: 02:35 07.12.2021). URL: accessed: <https://tj.sputniknews.ru/20150521/1015524994.html> [Accessed: 07.12.2021] (In Russ.)
10. Foteh Kahramon: Turkish lyceums in Tajikistan were closed at the request of Ankara. Radio Ozodi. 07.15.2017. URL: <https://tj.vesti.news/foteh-kahramon-turetskie-litsei-tadzhikistanе-byli-zakryty-17071508093363.htm?ysclid=17t5waaipv766772120> [Accessed: 20.11.2021] (In Russ.)
11. Türkiye Bursları. Website for an international scholarship program funded by the Turkish government. 22.11.2021. URL: <https://turkiyeburslari.gov.tr/> [Accessed: 23.11.2021] (In Turk.)
12. Türkiye Bursları Hakkımızda. Website for an international scholarship program funded by the Turkish government. 22.11.2021. URL: <https://turkiyeburslari.gov.tr/tr/sayfa/hakkimizda/turkiye-burslari> [Accessed: 23.11.2021] (In Turk.)
13. What Does It Cost to Study in Germany. Study in Germany. 23.11.2021. URL: <https://www.studying-in-germany.org/what-does-it-cost-to-study-in-germany/> [Accessed: 24.11.2021]
14. Kasap. S., Turkey becomes education hub for international students. Anadolu Ajansı. 09.01.2020. Access mode: <https://www.aa.com.tr/en/education/turkey-becomes-education-hub-for-international-students/1697646> [Accessed: 23.11.2021]
15. The President of Turkey stressed the importance of developing the country's higher education system. 04.02.2021. URL: <https://ru.haberler.com/russian-news-1560690/> [Accessed: 23.11.2021] (In Russ.)
16. Neden Türkiye Bursları? Website for an international scholarship program funded by the Turkish government. 24.11.2021. URL: <https://turkiyeburslari.gov.tr/tr/sayfa/aday-ogrenciler/neden-turkiye-burslari> [Accessed: 25.11.2021] (In Turk.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Акмалджон С. Эргашев, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;

ak.ergashev@mail.ru

Олег Е. Гришин, Кандидат политических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. В. Пика, 4, стр. 1.

grishin_oe@pfur.ru

Akmaljon S. Ergashev, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; 117198; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia;

ak.ergashev@mail.ru

Oleg E. Grishin, Ph.D. in Political Science, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia; Russian State Social University, Moscow, Russia; bld. 4, V. Pika str., Moscow, 129226, Russia;

grishin_oe@pfur.ru

Опыт и перспективы взаимодействия России и современной мир-системы

Петр И. Пашковский

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия,

petr.pash@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема позиционирования России в западно-центричной мир-системе. Показано, что константами для России являются положение полупериферии в рамках капиталистической мир-экономики, характеристики сухопутной и трансконтинентальной державы, а также империи, которой свойственны интеграционные императивы, определяющие территориальное расширение с учётом чередования периодов интеграции и дезинтеграции, которые в различных соотношениях взаимодействуют с процессами модернизации. Охарактеризованы внешне- и внутриполитические результаты циклов российской модернизации в контексте соотношения с влиянием мир-системы. Обосновано, что модернизация в России приводила к наиболее позитивным последствиям, когда государство находилось в наименьшей зависимости от западноцентричной капиталистической мир-экономики и стремилось к автаркии и преобразованиям на основе мобилизации внутренних ресурсов (консервативная модель модернизации), что способствовало достижению подлинного суверенитета, повышению уровня экономического развития, внутриполитической централизации и успешной интеграционной политике. Представлены соответствующие рекомендации и сценарии развития ситуации в ракурсе корреляции волн циклов Кондратьева с периодами реформ/контрреформ в России, а также циклов эволюции мировой политической и экономической системы с особенностями российской политической системы и внешней политики. В отношении перспектив взаимодействия России и капиталистической мир-экономики выделяются два основных сценария. Первый сценарий основывается на анализе соотношения циклов Кондратьева с периодами реформ/контрреформ в России, а второй — руководствуется логикой полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы, что представляется более обоснованным.

Ключевые слова: Россия, Запад, мир-система, капиталистическая мир-экономика, мировой порядок, позиционирование, циклы модернизации

Для цитирования: Пашковский П.И. Опыт и перспективы взаимодействия России и современной мир-системы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(3):327–337. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-327-337>

Статья поступила 27.05.2022

Принята в печать 17.07.2022

Опубликована 30.09.2022

Experience and Prospects of Interaction between Russia and the Modern World System

Petr I. Pashkovsky

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

petr.pash@yandex.ru

Abstract: The article considers the problem of Russia's positioning in the Western-centric world-system. The views of domestic and foreign researchers have been analyzed. It is shown that the constants for Russia are the position of the semi-periphery within the framework of the capitalist world-economy, the features of a land and transcontinental power, as well as an empire, which is characterized by integration imperatives that determine territorial expansion, taking into account the alternation of periods of integration and disintegration, which interact in various proportions with the processes of modernization. The external and internal political results of the cycles of Russian modernization in the context of correlation with the influence of the capitalist world-economy have been characterized. It is substantiated that modernization in Russia led to the most positive consequences when the state was least dependent on the Western-centric capitalist world-economy and strove for autarky and transformations based on the mobilization of internal resources (a conservative model of modernization), which contributed to the achievement of true sovereignty, raising the level of economic development, domestic political centralization and successful integration policy. Relevant recommendations and scenarios for the development of the situation in terms of the correlation of the waves of the Kondratiev cycles with the periods of reforms/counter-reforms in Russia, as well as the cycles of evolution of the world political and economic system with the peculiarities of the Russian political system and foreign policy have been presented. In this regard, two main scenarios for the prospects for interaction between Russia and the capitalist world-economy have been identified. The first scenario is based on the analysis of the correlation of Kondratiev cycles with periods of reforms/counter-reforms in Russia, and the second one is guided by the logic of complete cycles of evolution of the world political and economic system, which seems to be more reasonable.

Keywords: Russia, West, world-system, capitalist world-economy, world order, positioning, modernization cycles

For citation: Pashkovsky P.I. Experience and Prospects of Interaction between Russia and the Modern World System. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):327–337. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-327-337>

Received 27.05.2022

Revised 17.07.2022

Published 30.09.2022

ВВЕДЕНИЕ

Современное усиление конфронтации России с коллективным Западом [1] подвело своеобразную черту под тридцатилетним периодом трансформации системы международных отношений, возникшей после холодной войны. Формирование нового полицентричного мирового порядка, контуры которого вырисовываются всё отчетливее [2, 3, 4, 5], совпало с кризисом современной мир-системы, изначально характеризовавшейся западнцентричностью [6]. В связи с острой необходимостью решения ключевых проблем национальной безопасности России в условиях значительного увеличения внешнего давления актуализируются дискуссии о степени её зависимости от капиталистической мир-экономики [7, 8, 9, 10], ядром которой являются страны Запада, столетиями выстраивавшие эту систему за счёт государств полупериферии и периферии для удовлетворения собственных потребностей и обогащения. Отмечая значительную степень изученности отдельных аспектов позиционирования России в мир-системе, недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с анализом исторического опыта, обозначением основных тенденций, констант и прогнозов дальнейшего взаимодействия.

Подтверждая стратегическое значение отмеченной проблемы, в одном из своих выступлений в марте 2022 г. министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров заявил: «Что касается состояния экономики Российской Федерации — мы об этом сами позаботимся. <...> Мы будем делать все, чтобы никаким образом не зависеть от Запада в тех областях нашей жизни, которые имеют решающее

значение для нашего народа. <...> Мы решим эту проблему так, чтобы больше никогда никоим образом не зависеть от западных партнеров, будь то правительства или будь то компании, которые совсем не руководствуются интересами своего бизнеса, а стали инструментом политической агрессии, которую сейчас Россия испытывает со стороны Запада»¹.

Подобные ситуации уже имели место в многовековой истории отношений России с Западом, а также её позиционирования в западнцентричной мир-системе, следовательно, поиск адекватных ответов на современные вызовы, должен исходить из ретроспективного анализа проблемы и попыток построения на основе этого функциональных сценариев будущего, что является целью настоящей статьи. В связи с этим планируется решить такие задачи: охарактеризовать константы позиционирования России в капиталистической мир-экономике в соотношении с циклами российской модернизации; раскрыть специфику корреляции циклов эволюции мир-системы и периодов реформ/контрреформ в России; выявить особенности формирующегося мирового порядка и основные сценарии будущего России в контексте взаимодействия с мир-системой. Объектом исследования является позиционирование Российского государства в капиталистической мир-экономике. Предметом выступают особенности и перспективы взаимодействия России с западнцентричной мир-системой. Работа выполнена на базе мир-системного анализа и геополитического подхода, уместность применения которых объясняется тенденциями обновления научной методологии в рамках парадигмы неореализма.

¹ Лавров заявил, что Запад может в любой момент предать кого угодно. 2022. 10 марта. URL: https://tass.ru/politika/14022297?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 29.03.2022).

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РОССИИ В МИР-СИСТЕМЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИКЛОВ МОДЕРНИЗАЦИИ

В этом отношении принято считать, что Россия вошла в современную мир-систему (капиталистическую мир-экономику) в XVIII в. (в период между правлениями Петра I и Екатерины II) как полупериферия [6, с. 38–39], обладая характеристиками империи, проводившей активную внешнюю политику [11, с. 213]. Стремления империи преодолеть периферийные процессы, приблизившись к ядру мир-системы, обусловили «догоняющий» характер российской модернизации [4, с. 35]. Этот большой модернизационный цикл (около 1698–1811 гг.) осуществлялся в рамках имперской (консервативной) модели [12] и, учитывая внутренние преобразования, территориальные приобретения и победу в Отечественной войне 1812 г., его итоги считаются для России в целом успешными [9, с. 39–40]. При этом государство занимало положение полупериферии в границах мир-системы, находясь в определённой зависимости от неё, что привело к негативным последствиям.

В частности, под влиянием индустриальной революции в Европе к середине XIX в. наблюдается ухудшение условий обмена между Российской империей и странами ядра капиталистической мир-экономики. Это усиливает периферийные процессы внутри России, обуславливая необходимость разностороннего реформирования [8, с. 314–329]. Крымская война и её отрицательные последствия для Российской империи во многом способствовали началу в ней масштабной модернизации [9, с. 40; 13, с. 164].

Однако зависимость России от мир-системы проявилась в эффекте «наложения» происходившего в последней трети XIX в. циклического сжатия капиталисти-

ческой мир-экономики на внутренний российский социально-политический кризис, что усилило периферийные процессы в империи [7]. Впоследствии форсированная модернизация, сочетавшаяся с недостатком экономических ресурсов и бюрократически направляемой индустриализацией, оборачиваются трагическими для России событиями Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны [8; 9]. Таким был итог второго цикла модернизации (около 1859–1911 гг.), относимого к её либеральной модели, который осуществлялся в условиях полупериферийности Российской империи в рамках мир-системы [12, с. 18–19].

Дискуссии относительно взаимодействия СССР и капиталистической мир-экономики включают несколько точек зрения. Согласно одной из них, Советский Союз, несмотря на видимую замкнутость, являлся полупериферией мир-системы, а холодная война представлялась «контролируемым соперничеством-партнёрством» двух блоков [6, с. 40]. Другая точка зрения исходит из того, что СССР не входил в капиталистическую мир-экономику, поскольку был центром другой системы, где существовал «индустриально-политарный» строй. Эта система разрушилась отчасти под воздействием её главного соперника — западноцентричной мир-системы, зависимость от которой СССР и стран Восточной Европы постепенно увеличивалась [7]. Третья позиция, которая выглядит наиболее реалистичной, обосновывает идею о том, что Советский Союз пытался выйти из мир-системы, создав собственный международный порядок [8, с. 571–572]. Стремления к автаркии проявились в процессе индустриализации конца 1920–1930 гг. [14, с. 147], что относят к третьему циклу модернизации России (около 1929–1941 гг.) в форме

«нового издания» её консервативной модели [12].

Прерванный Второй мировой войной, этот цикл нашёл продолжение в послевоенном восстановлении промышленности и сельского хозяйства СССР, уровень которых к началу 1950-х гг. превысил довоенные показатели [15, р. 16–17]. Интенсивное развитие советской автаркической системы в условиях биполярной конфронтации продолжалось более двух десятилетий, характеризуя позитивный итог данного модернизационного цикла [12].

При этом к началу 1970-х гг. общественно-политическая и экономическая система Советского Союза нуждалась в комплексном обновлении, что было обусловлено переходом в этот период конкурирующей с ней капиталистической мир-экономики в постиндустриальную эпоху [9, с. 40]. Однако последовательной модернизации, учитывающей специфику автаркической системы, не случилось. Напротив, происходит «поворот» советской элиты к мир-системе, первоначально проявившийся в торговле сырьём с западными государствами в 1970-е гг., а затем в форсированном реформировании времён «перестройки» и либеральных реформах постсоветского периода [8, с. 571–572].

Четвёртый цикл модернизации России (около середины 1980-х–1990-х гг.), демонстрирующий её либеральную модель, характеризовался хаотичным открытием советской системы (с 1970-х гг. втягивающейся в зависимость от капиталистической мир-экономики) для западного влияния. Это сопровождалось ускорением периферийных процессов, дезинтеграцией СССР и кардинальным ослаблением международно-политических позиций и экономики постсоветской России, которой снова достаётся положение полупериферии в рамках мир-системы [12, с. 18–19].

ЦИКЛЫ ЭВОЛЮЦИИ МИР-СИСТЕМЫ И ПЕРИОДЫ РЕФОРМ/КОНТРРЕФОРМ В РОССИИ

Что касается корреляции между циклами развития капиталистической мир-экономики и спецификой внутреннего состояния нашего государства, то здесь уместно обратиться к наработкам отечественных учёных В.В. Лапкина и В.И. Пантина [16; 17], выявивших особенности соотношения волн циклов Н.Д. Кондратьева [18] и периодов реформ/контрреформ в России [17, с. 130]. Их исследования показывают, что российские либерально-рыночные реформы осуществлялись в периоды повышательных волн третьего и пятого циклов Кондратьева («реформы Витте — Столыпина»: с 1897 до 1910 г.; «реформы Горбачева — Ельцина»: с 1985 до 2000 г.), то есть во время высокой конъюнктуры, когда страны Запада развивались особенно динамично и могли оказывать сильное давление на занимавшую полупериферийное положение в мир-системе Россию, вынуждая её внедрять элементы западных институтов и ценностей. При этом российские контрреформы приходились на периоды понижательных волн кондратьевских циклов («утверждение тоталитаризма»: с 1917 до начала 1950-х гг.; «застой» Брежнев — Сухова: с 1968 до 1984 г.; «стабилизация» и «вертикаль власти»: с 2000 г.), когда западные государства и весь мировой рынок переживали серьёзные кризисы и потрясения, способствующие более критическому отношению российского общества и элит к либерализму и «саморегулируемому» рынку, что приводило к росту вмешательства государства в экономику и политику, а также к централизации власти [17, с. 129]. Вместе с тем, по мнению В.В. Лапкина и В.И. Пантина, каждый цикл Кондратьева представляет собой лишь половину полного цикла

эволюции мировой системы, а сам полный эволюционный цикл состоит из двух следующих друг за другом кондратьевских циклов — цикла рубежа веков и цикла середины века [19]. Эти выводы позволили исследователям выделить полные циклы эволюции мировой политической и экономической системы [20, с. 71–72].

Происходящее в настоящее время значительное увеличение конфликтности во взаимоотношениях России и стран Запада, открыто проводящих политику её изоляции и геополитического сдерживания, побуждает обратиться к историческому опыту «русского ответа» в подобных ситуациях. Он показывает целесообразность выбора нашим государством консервативной модели модернизации с целью построения автаркической системы, функциональный пример которой (с оговорками относительно известных «минусов») продемонстрировало существование Советского Союза в период до начала 1970-х гг. Это должно проявиться во внутренней мобилизации и многостороннем реформировании России в контексте курса на минимизацию её зависимости от находящейся в глубоком кризисе капиталистической мир-экономики, которая пытается решать проблемы своего ядра (центра) за счёт ресурсов полупериферии и периферии. В противном случае увеличивается вероятность того, что итогом глобальной геополитической конкуренции стран ядра мир-системы с нашим государством, занимающим в ней полупериферийное положение, станет поражение России.

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО РОССИИ

Прогнозируемые некоторыми экспертами изменения во внешнеполитических подходах США в сторону изоляционистских тенденций [2; 3], по-видимому, при-

ведут Вашингтон не к абсолютному отказу от глобальных обязательств, но к частичной их передаче региональным союзникам, по крайней мере, на какой-то период. В этом отношении Соединённые Штаты, скорее всего, реализуя стратегию «удалённого сдерживания» путём задействования стран-партнёров, попытаются обострить их противоречия с нашим государством. Однако в условиях грядущих десятилетий реалистичным представляется сценарий, когда несколько сильных держав будут формировать новый полицентричный мировой порядок. Поэтому лишь в случае обретения самодостаточности в результате проведения масштабной модернизации в рамках консервативной модели и последующего достижения независимости от западноцентричной мир-экономики, Россия сможет рассчитывать на достойное место в международной системе будущего.

Учитывая сказанное, можно выделить несколько сценариев развития внутренней ситуации в России в контексте её взаимодействия с мир-системой.

Первый сценарий обусловлен логикой соотношения циклов Кондратьева с периодами реформ/контрреформ в России. С начала XX в. трижды (исключая время реформ Хрущёва — Косыгина, когда СССР демонстрировал автаркическую модель, не находясь в определяющей зависимости от мир-системы) активизация представительных институтов, в том числе относительно возможностей влияния на внешнюю и внутреннюю политику государства, происходила в условиях повышательных волн (пример Государственной Думы Российской империи, Верховного Совета СССР, Верховного Совета Российской Федерации) на фоне динамично развивающегося и оказывающего давление Запада. Следовательно, увеличение субъектности представительных органов может про-

изойти в период новой повышательной волны, начало которой прогнозируется на первую половину 2020-х гг.

Второй сценарий руководствуется логикой полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы. Активизация возможностей участия российских представительных институтов в государственной политике приходилась на фазы технологической революции, последняя из которых закончилась примерно в 2005 г. При этом фазы революции мирового рынка — хронологические рамки последней из них приходится на 2017–2041 гг. — характеризовались умеренными реформами, освобождавшими часть общества от жёсткой власти государства («великие реформы» Александра II, «оттепель» и реформы Н.С. Хрущёва), свойственной предшествующей фазе великих потрясений, при незначительной субъектности представительных органов. Традиционно для России фазы революции мирового рынка являются весьма сложными, поскольку в это время происходят радикальные повороты в международном политическом и экономическом развитии, к которым российские государство и элита нередко оказываются неготовыми. Так, в рамках этой фазы в 1849–1873 гг. после смерти Николая I развернулась ожесточённая борьба в верхах относительно проведения реформ, а революционеры «открыли охоту» на Александра II. Фаза революции мирового рынка в 1945–1969 гг. характеризовалась борьбой за власть после смерти И.В. Сталина, победой Н.С. Хрущёва и его свержением в 1964 г. В международно-политическом контексте для фаз революции мирового рынка были характерны распад прежних и создание новых империй: в 1849–1873 гг. — распад Французской империи Наполеона III, кризис Австро-Венгерской империи и образова-

ние Германской империи при Бисмарке; в 1945–1969 гг. — крах «третьего рейха» в Германии и Японской империи, распад британской, французской, испанской, голландской, бельгийской колониальных империй, а также формирование американской глобальной империи (*Rex Americana*) и советской империи, включавшей множество сателлитов. Для аналогичной фазы 2017–2041 гг. исследователи прогнозируют новую геополитическую и геоэкономическую революцию, ослабление США, сдвиг центра мировой экономики с Запада на Восток, усиление стран Азии, возможное формирование неоимперских образований в Европе, Китае, Японии, Индии [17, с. 132-147]. В этом отношении продолжится становление полицентричной модели мироустройства, в рамках которой т.н. «институты либеральной демократии» во многих государствах будут сочетаться с «институтами управляемой демократии», элементами олигархии и авторитаризма [21, с. 562].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

В качестве констант позиционирования России на международной арене в разные исторические периоды выступали черты сухопутной, трансконтинентальной державы и империи с наличием интеграционных императивов, детерминирующих освоение окружающего пространства и соответствующее расширение государственной территории. Периоды усиления и ослабления интеграционной политики в различных соотношениях коррелировались с циклами модернизации в контексте взаимодействия государства с мир-системой. Всякий раз, когда Российское государство являлось частью западноцентричной капиталистической мир-экономики,

оно занимало в ней вторичное относительно стран ядра положение полупериферии, что обуславливало определённую степень зависимости от них. При этом, как показывает международно-политический опыт, государства, позиционирующиеся как периферии или полупериферии (даже обладающие характеристиками империи) мир-системы, не могут длительное время на равных конкурировать с государствами ядра, изначально находящимися в более выгодном экономическом положении и, как правило, имеющими перманентные преимущества в плане накопления капитала и высоких технологий. В российском случае выходом из сложившейся ситуации была, с одной стороны, модернизация, с другой — курс на автаркию.

Ретроспективный анализ примеров модернизации России демонстрирует, что наиболее положительными (расширение государственной территории, экономическое развитие, внутривнутриполитическая централизация) представляются результаты первого (около 1698–1811 гг.) и третьего (около 1929–1941 гг.) её циклов, которые относят к консервативной модели. Данные циклы отличались по внутренним составляющим и характеристикам внешней среды, в которой осуществлялись. Первый, самый продолжительный цикл, имел место в период, когда Россия занимала положение полупериферии в капиталистической мир-экономике, и протекал в форме «догоняющей» модернизации («вестернизации»). Внешние условия в это время характеризовались повышательными и понижательными волнами циклов Кондратьева, всеми фазами циклов эволюции мировой политической и экономической системы, а также постоянными геополитическими угрозами и конфликтами. В свою очередь, короткий третий цикл носил черты индустриализации в обстоятельствах автарки-

ческой системы в период понижательной фазы циклов Кондратьева, а также фазы великих потрясений циклов эволюции мировой политической и экономической системы, когда геополитические угрозы со стороны Запада планомерно нарастали.

На этом фоне отрицательными выглядят результаты второго (около 1859–1911 гг.) и четвёртого (около середины 1980–1990 гг.) циклов модернизации, демонстрирующих либеральную модель и обернувшихся социально-экономическими катаклизмами, внутривнутриполитической децентрализацией и дезинтеграцией государства. Второй цикл хронологически совпал с понижательной и повышательной волной циклов Кондратьева и фазами революции мирового рынка, структурного кризиса и технологической революции в рамках циклов эволюции мировой политической и экономической системы, а также с относительной международной стабильностью и назреванием внешней угрозы глобального масштаба. Четвёртый модернизационный цикл осуществлялся в период повышательной волны циклов Кондратьева, фазы технологической революции циклов эволюции мировой политической и экономической системы, что происходило в условиях ослабления внешних угроз. Характерно, что во время второго цикла Россия позиционировалась как полупериферия, а в годы четвёртого — быстро втягивалась в это положение в обстоятельствах форсированного разрушения прежней системы.

Таким образом, модернизация в России приводила к наиболее позитивным последствиям, когда государство находилось в наименьшей зависимости от западнотрицентричной капиталистической мир-экономики и стремилось к автаркии и преобразованиям на основе мобилизации внутренних ресурсов (консервативная модель модер-

низации), что способствовало достижению подлинного суверенитета, повышению уровня экономического развития, внутриполитической централизации и успешной интеграционной политике. Имеющиеся недостатки данной модели были связаны с отсутствием стратегии последовательного и продуманного «открытия» автаркической системы (частично и на определённое время) в целях её обновления в соответствии с мировыми тенденциями. В свою очередь, примеры негативных последствий российской модернизации были обусловлены полупериферийным положением государства в мир-системе и соответствующим наличием значительной зависимости от неё, характеризующейся реформированием по «западному образцу» (либеральная модель модернизации), приводя к социально-экономическим сложностям, внутриполитической децентрализации и, с учётом влияния совокупности внутренних и внешних факторов, готовя почву для государственной дезинтеграции.

Что касается перспектив взаимодействия России с капиталистической мир-

экономикой, то в этом плане выделяется два основных сценария: первый основывается на анализе соотношения циклов Кондратьева с периодами реформ/контрреформ в России, второй — исходит из логики полных циклов эволюции мировой политической и экономической системы. Представляется, что именно второй вариант выглядит наиболее обоснованным. Это позволяет предположить возможность возникновения такой ситуации, когда в рамках текущей фазы революции мирового рынка (под влиянием указанных международно-политических и экономических сдвигов, внешних и внутренних вызовов и угроз) в России установится коллективное руководство с авторитарными элементами, которое будет заинтересовано в легитимации власти и формировании социальной базы для проведения своего курса, который, в силу кризиса либеральных ценностей, ослабления Запада и угрозы социальных потрясений, будет носить в большей степени социально ориентированный характер в контексте национальной мобилизации и стремлений к автаркии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С.С. Политика Запада в отношении Украины: итоги и вызовы для России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(2):138–150. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-138-150>
2. Гаджиев К. Слово в защиту верховенства Вестфальских принципов. *Международная жизнь*. 2018;11:156–172.
3. Ефременко Д., Понамарева А. Трамп: начало. 2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Trump-nachalo-18575> (дата обращения: 29.03.2022).
4. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев: Интерсервис; 2012. 189 с.
5. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern. *Foreign Affairs*. 2016;3(95):2–9.
6. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010. *Свободная мысль*. 1996;5:30–42.
7. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна. 2005. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm (дата обращения: 29.03.2022).
8. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. Москва: Алгоритм, Эксмо; 2009. 576 с.
9. Ливен Д. Россия как империя и периферия. *Россия в глобальной политике*. 2008;6(6):36–46.

10. Пашковский П. И. Внешнеполитическая традиция России: основные характеристики. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология*. 2016;15(236):188–192.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; Пер. с англ. Москва: АСТ; 2005. 603 с.
12. Пашковский П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России. *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2016;1(13):14–20.
13. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917); Пер. с англ. Смоленск: Русич; 2001. 512 с.
14. Уткин А. И. Подъем и падение Запада. Москва: АСТ МОСКВА; 2008. 761 с.
15. Goldman M. F. *Global Studies: Russia, the Eurasian Republics, and Central/Eastern Europe*. 6th ed. Guilford: Dushkin/McGraw-Hill; 1996. 308 p.
16. Лапкин В.В., Пантин В.И. Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России. *Полис*. 2005;3:44–58.
17. Пантин В.И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы. Дубна: Феникс+; 2009. 432 с.
18. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Москва: Экономика; 2002. 765 с.
19. Пантин В.И. Период 2017–2025 гг.: перелом в мировом развитии. *История и современность*. 2017;1:3–37.
20. Пантин В.И., Лапкин В.В. Переходная эпоха 2020-х–2040-х гг.: циклы, сингулярность и альтернативы неожиданного будущего. *История и современность*. 2020;1:66–93.
21. Современная политическая наука: Методология: Научное издание. Отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство «Аспект Пресс»; 2019. 776 с.

REFERENCES:

1. Zhiltsov S.S. Western Policy toward Ukraine: Outcomes and Challenges for Russia. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(2):138–150. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-138-150> (In Russ.)
2. Gadzhiev K. A Word in Defense of the Supremacy of the Westphalian Principles. *International Life*. 2018;11:156–172. (In Russ.)
3. Efremenko D., Pomamareva A. Trump: Beginning. 2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Trump-nachalo-18575> [Accessed: 29.03.2022]. (In Russ.)
4. Pashkovsky P.I. *Integration Policy of Russia in the Post-Soviet Space (1991–2011)*. Kiev: Interservis; 2012. 189 p. (In Russ.)
5. Kotkin S. 2016. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern. *Foreign Affairs*. 2016;3(95):2–9.
6. Wallerstein I. Russia and the Capitalist World-Economy, 1500–2010. *Free Thought*. 1996;5:30–42. (In Russ.)
7. Zaval'ko G. World Capitalism through I. Wallerstein's Eyes. 2005. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm [Accessed: 29.03.2022]. (In Russ.)
8. Kagarlitsky B.Y. *Peripheral Empire: Cycles of Russian History*. Moscow: Algoritm, Eksmo; 2009. 576 p. (In Russ.)
9. Liven D. Russia as an Empire and a Periphery. *Russia in Global Affairs*. 2008;6(6):36–46. (In Russ.)
10. Pashkovsky P.I. Russian Foreign Policy Tradition: the Main Characteristics. *Scientific Statements of the Belgorod State University. History. Political Science*. 2016;15(236):188–192. (In Russ.)

11. Huntington S. The Clash of Civilizations. Moscow: AST; 2005. 603 p. (In Russ.)
12. Pashkovsky P.I. Cycles of Modernization and Problems of Russia's National Security. *National Security and Strategic Planning*. 2016;1(13):14–20. (In Russ.)
13. Hosking G. Russia: People and Empire (1552–1917). Smolensk: Rusich; 2001. 512 p. (In Russ.)
14. Utkin A. I. The Rise and Fall of the West. Moscow: AST MOSKVA; 2008. 761 p. (In Russ.)
15. Goldman M.F. Global Studies: Russia, the Eurasian Republics, and Central/Eastern Europe. 6th ed. Guilford: Dushkin/McGraw-Hill; 1996. 308 p.
16. Lapkin V.V., Pantin V.I. Rhythms of International Development as a Factor of Russia's Political Modernization. *Polis*. 2005;3:44–58. (In Russ.)
17. Pantin V.I. World Cycles and Prospects for Russia in the First Half of the XXI Century: Main Challenges and Possible Responses. Dubna: Feniks+; 2009. 432 p. (In Russ.)
18. Kondratiev N.D. Big Cycles of the Conjunction and the Theory of Foresight. Moscow: Economy; 2002. 765 p. (In Russ.)
19. Pantin V.I. The Period 2017–2025: A Turning Point in World Development. *History and Modernity*. 2017;1:3–37. (In Russ.)
20. Pantin V.I., Lapkin V.V. The Transitional Era of the 2020s–2040s: Cycles, the Singularity, and Alternatives for an Unexpected Future. *History and Modernity*. 2020;1:66–93. (In Russ.)
21. Modern Political Science: Methodology: Scientific Edition; Resp. Ed. O. V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. 2nd ed., Rev. and Add. Moscow: Aspect Press Publishing House; 2019. 776 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петр И. Пашковский, Доктор политических наук, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295007, Россия, Республика Крым, Симферополь, проспект академика Вернадского, д. 4;
petr.pash@yandex.ru

Petr I. Pashkovsky, Doctor of Political Science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia;
petr.pash@yandex.ru

Украинская кампания и развитие новых оперативных тенденций

Алексей А. Кривопапов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия,

krivopalov@centero.ru

Аннотация: открытое военное противостояние Киева и Москвы не просто опрокидывает привычный ход международных отношений на постсоветском пространстве, но вынуждает политическую науку осваивать смежные предметные области с целью лучше понять происходящее. Одной из таких тем является проблема установления на Украинском театре относительно стабильной линии фронта, внимательное изучение которой способно дать военным теоретикам богатую пищу для размышлений и скорректировать устоявшиеся представления о военном искусстве. Весьма вероятно, на постсоветском пространстве зарождаются и постепенно оттачиваются новые оперативные формы, осмысление которых пока ещё остаётся делом неопределённого будущего.

Ключевые слова: Россия, армия, Украина, внешняя политика, стратегия, международные отношения

Для цитирования: Кривопапов А.А. Украинская кампания и развитие новых оперативных тенденций. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(3):338–353. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-338-353>

Статья поступила 04.06.2022

Принята в печать 10.08.2022

Опубликована 30.09.2022

The Ukrainian Campaign and the Development of New Operational Trends

Alexey A. Krivopalov

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,*

krivopalov@centero.ru

Abstract: Ongoing hostilities between Kiev and Moscow overturns the usual course of international relations in the post-Soviet space. It also forces political science to master related subject

areas to figure out what is going on. A relatively stable frontline is one of this. This encourages discussing issues of military theory or recent military experiences. Highly likely new operational forms are emerging in the post-Soviet space, the comprehension of which is still a matter of an uncertain future.

Keywords: Russia, army, Ukraine, foreign policy, strategy, international relations

For citation: Krivopalov A.A. The Ukrainian Campaign and the Development of New Operational Trends. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):338–353. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-338-353>

Received 04.06.2022

Revised 10.08.2022

Published 30.09.2022

ВВЕДЕНИЕ

В сообществе отечественных политологов бессмертный афоризм К. фон Клаузевица «*Der Krieg ist eine bloße Fortsetzung der Politik mit anderen Mitteln*» в силу корпоративных предубеждений никогда не был особенно популярен. Тем сильнее оказался шок, пережитый экспертами, изучающими постсоветское пространство, когда в ночь на 24 февраля 2022 года Украина неожиданно перестала быть проблемой российской внешней политики. Затяжной конфликт достиг точки взрыва, после чего любые соображение, кроме оперативно-стратегических, на неопределённое время утратили всякое значение.

Восстановление связи с реальностью потребует от политической аналитики иного исследовательского ракурса, начинающегося с откровенного признания в том, что будущее постсоветского пространства будет напрямую определяться итогами Украинской кампании. Всякие рассуждения о «мягкой силе» и дипломатии, об институциональных рамках международных отношений сегодня, по сути, редуцируются до анализа конкретных фактов боевой обстановки.

Открытое военное противостояние Киева и Москвы породило не меньшее число

вопросов, чем предшествовавший период политико-дипломатического противостояния. Неожиданностью для многих стало как отсутствие молниеносной российской победы, так и установление на Украинском театре относительно стабильной линии фронта. Статичное позиционное равновесие более напоминало Первую мировую войну, Гражданскую войну в Испании и бесконечную сирийскую междоусобицу, нежели Вторую мировую войну или хронологически близкий американский блицкриг против Ирака весной 2003 г. Реинкарнация столь архаичных оперативных форм казалась невероятной при столкновении крупных регулярных армий XXI столетия.

Маневренная фаза, вопреки превосходству российских ВКС в воздухе, богатству технического оснащения «второй армии мира» и относительной малочисленности войск, задействованных на столь обширном театре, продлилась немногим более одной недели. Этот первоначальный маневренный период не дал окончательного решения и привел лишь к перемещению сторон в пространстве. Открытым остаётся вопрос, почему, несмотря на исправление ошибки первоначального развертывания,

прекращение осады Киева, Харькова и Николаева, уменьшение общей протяженности фронта и переключение основного внимания российского командования на Донбасс, наступательным операциям не удалось вернуть былой динамизм.

ПОЗИЦИОННЫЙ ТУПИК В XXI СТОЛЕТИИ

Бинарная оппозиция «позиционный — маневренный», подобно смысловому стержню, пронизывала военное искусство в эпоху тотальных конфликтов XX в. Позиционность не тождественна полной неподвижности на поле боя. Однако если ежедневное продвижение исчисляется в лучшем случае сотнями метров, глубокие прорывы становятся невозможными, противника сложно отрезать от линий снабжения или вынудить к беспорядочному отходу. Обозначившиеся на штабных картах окружения долгое время остаются незамкнутыми. Наступающий вынужден медленно крошить узлы обороны и постепенно выдавливать противника с занимаемой территории. Весенне-летняя битва за Донбасс изобиловала подобными примерами. Такая кампания ведётся методом не сокрушения, но измора [1]. Чаще всего поражение терпит тот, кто не может справиться с нарастающим материальным и морально-психологическим истощением.

Словосочетание «маневренная война» обычно вызывает ассоциации с глубокими операциями Красной армии 1944–1945 гг. Вбирая в себя миллионы человек, тысячи танков, самолётов и орудий, они сопровождались значительными пространственными колебаниями линии фронта. Успешные наступления в годы Второй мировой войны предусматривали продвижение со скоростью несколько десятков км в сутки.

Технологический прогресс последних десятилетий сделал возможным ещё более стремительные темпы наступления. К при-

меру, в ходе похода на Багдад весной 2003 г. американские войска преодолели 350 км менее чем за 40 часов. Только за первый день наступления передовые части 3-й механизированной дивизии прошли около 240 км. Средняя маршевая скорость подразделений временами достигала 38 км/ч [2, р. 116]. Всего лишь три недели потребовалось США для полного разгрома армии Саддама Хусейна и взятия 5-миллионной столицы. Неудивительно, что российские и зарубежные эксперты, предсказывавшие ВСУ столь же быстрое крушение, испытали недоумение, когда спустя всего неделю после перехода границы продвижение российской армии, по существу, приостановилось.

В Первую мировую войну образованию фронта способствовало ярко выраженное превосходство обороны над средствами наступления. Траншеи, колючая проволока и бетонированные огневые точки казались непреодолимым препятствием для атакующей пехоты. Лишь появление у Антанты танков и переход немцев к тактике штурмовых групп наметил выход из тупика окопной войны [3].

Дальнейшее развитие крупнейших армий мира шло по линии роста их моторизации. В годы Второй мировой войны самостоятельные мобильные соединения позволяли сокрушать фронт практически любой оборонительной плотности. Эпизодически возникавшие позиционные кризисы как правило объяснялись неспособностью артиллерии надежно подавить противотанковую оборону противника на участке атаки. Без поддержки бронетехники пехота могла действовать далеко не всегда.

По всей видимости, осмысление новых оперативных тенденций в перспективе потребует от военной науки иных описательных категорий и, подобно ситуации 1920–1930-е гг., породит принципиально новый понятийный аппарат. Пока же

мы вынуждены пользоваться определениями, сформулированными и кодифицированными без малого столетие назад [4, 5, 6, 7, 8].

Конечно, стратегический фронт на Украине сильно отличается от реалий обеих мировых войн. Он существует скорее в форме более или менее условной линии, с пересечением которой наступающий обнаруживается средствами технической разведки и оказывается в зоне эффективного огневого поражения. За исключением сектора в районе Донецка, где ВСУ окапывались с 2014 г., у противника отсутствуют долговременные оборонительные рубежи. Оборона опирается на отдельные очаги сопротивления вокруг крупных населённых пунктов, между которыми имеются значительные оперативные пустоты. Выставленные с обеих сторон тонкие завесы войск скорее наблюдают, чем прикрывают, эти обширные пространства. Тем не менее даже это препятствие эффективно блокирует дальнейшее продвижение вглубь украинской территории.

Военные корреспонденты отмечают, что в сражении на Донбассе плотность российских войск в среднем не превышает одной батальонной тактической группы на 5,5 км фронта. Это примерно в 15 раз ниже плотности, требовавшейся уставами Великой Отечественной войны. Наступление превращается в серию локальных ударов, всякий раз наносимых на ограниченную глубину. Если противнику, посредством ввода в бой резервов, удаётся стабилизировать положение, следующий удар наносится на сопредельном участке фронта. Последовательность дробящих ударов постепенно расшатывает неприятельский фронт, медленно сдвигая его на запад. Начиная с апреля, мы наблюдали это в ходе ожесточённых боёв за Попасную, Лиман,

Северодонецк, Лисичанск, Северск, Бахмут, Славянск и Краматорск.

Установившееся позиционное равновесие имеет под собой системные предпосылки и не продиктовано случайным стечением обстоятельств. Чтобы двигаться вперёд, даже слабую стену организованного огневого противодействия требуется ломать, для чего войска должны обладать достаточной пробивной силой удара. Однако в ожесточённых и кровопролитных боях на Левобережной Украине из раза в раз повторяется порочная схема Западного фронта Первой мировой войны. Наступающий, даже преодолев тактическую зону обороны, не успевает вырваться на оперативный простор до того, как обороняющийся запечатывает пробитую брешь и восстанавливает нарушенную на участке атаки систему огня.

Судя по многочисленным материалам, опубликованным в социальных сетях, объяснение происходящего чаще всего вращается вокруг одного из 4-х предположений. Во-первых, подчеркиваются ошибки, допущенные на этапе российского стратегического сосредоточения накануне 24 февраля и, следовательно, неоптимальное распределение сил между операционными направлениями. Развертывание войск в тонкую кордонную линию привело к быстрому исчерпанию резервов.

Во-вторых, западным аналитикам свойственно обвинять российскую армию в низкой тактической эффективности. Им хочется верить, что американская военная машина, гипотетически оказавшись на месте русских, легко и непринуждённо смешала бы противника с черноземом. Согласно этой версии, российская армия представляет из себя «мыльный пузырь».

В-третьих, нередко критикуется решение высшего кремлевского руководства действовать, не объявляя мобилизации, исключительно армией мирного времени

и без привлечения военнослужащих срочной службы. В результате операция была начата недостаточными силами и с недоразвёрнутыми тылами, а потому российское наступление забуксовало, едва начавшись.

В-четвертых, ряд экспертов предполагал, что современные принципы общевойскового боя не соответствуют условиям оперативной обстановки. Новомодная концепция батальонной тактической группы якобы девальвирует значение высших соединений, вызывает распыление огневых средств и создает на фронте винегрет из множества «микроармий», способных на серьезный фронтальный удар. В результате российские войска не могут преодолеть противопоставленный фронт и развить успех в глубину.

ОШИБКИ НА ЭТАПЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ

Российские военные приготовления накануне 24 февраля преследовали цель, скорее, эффектной демонстрации, нежели подготовки сокрушительного удара. Совершенно открытый, лишенный следов маскировки, характер стратегического сосредоточения свидетельствовал о том, что В.В. Путин до последнего надеялся на принятие Украиной и Западными державами минимального пакета российских внешнеполитических требований. Как можно предположить, военное решение готовилось исходя из расчёта на то, что ВСУ не окажут серьезного сопротивления, а украинские элиты примут условия Москвы.

Предположение о быстром коллапсе киевского режима не подтвердилось. Кордонная форма развертывания совершенно не соответствовала тому, с чем столкнулась российская армия на поле боя. Эксцентрическое движение одновременно по нескольким направлениям привело к быстрому исчерпанию резервов. Сумма тактических

успехов не переросла в прочный оперативно-стратегический результат. Таким образом, на первом этапе кампании Россия не сумела отправить ВСУ в нокдаун.

К началу марта российские войска растянулись от западных пригородов Киева до Николаева на разреженном фронте протяженностью 2 тыс. километров, нигде не имея соответствующего уплотнения боевых порядков, которое бы свидетельствовало о направлении главного удара. Развертывание в нитку могло быть оптимальным, прекратить организованное сопротивление в течение нескольких дней. Когда этого не случилось, стало очевидно, что российская армия не может одновременно осаждать крупные города у себя в тылу, охранять растянутые коммуникационные линии и продвигаться вглубь украинской территории.

Преждевременный выход к Николаеву и Киеву силами, которые были избыточны для наблюдения, но в то же время недостаточны для овладения городскими агломерациями, фактически исключил значительную часть полевых войск из борьбы на Донбасском направлении. Можно предположить, что именно этих 30-40 батальонных тактических групп не хватило российскому командованию для быстрого взятия Харькова и срезания Павлоградской дуги в начальной фазе операции, когда эффект внезапности был максимальным.

К исходу первой недели марта, осознав ошибку развертывания, военно-политическое руководство России принялось искать выход из положения. 30 марта начался отвод войск из-под Киева, Чернигова и Сум. Прекратились операции на Вознесенском и Криворожском направлениях в нижнем течении Днепра. Решение об отходе, хотя и было правильным, оказалось крайне болезненным с репутационной точки зрения.

Ещё в середине XIX в. Г. фон Мольке предупреждал о том, что «ошибка,

допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании» [9, с. 178]. К счастью, превосходство в воздухе и малая подвижность ВСУ позволили российскому командованию безнаказанно осуществить перегруппировку. Сокращение количества операционных направлений означало уплотнение боевых порядков российских войск на флангах так называемой Павлоградской дуги, но время оказалось безнадежно упущено. Маневренная война не возобновилась.

Ошибка развертывания, безусловно, повлияла на утрату темпов наступления, но вряд ли она объясняет весь последующий ход событий. Операции подобного размаха невозможно строить исключительно на эффекте внезапности и нокаутирующем импульсе первого удара. Даже если боевой дебют и был разыгран не лучшим образом, последующее образование относительно стабильной линии фронта и сложности на пути её сокрушения, должны иметь иное объяснение.

БОЕВОЕ МАСТЕРСТВО РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Военная репутация страны зачастую не имеет отношения к формальным рейтингам сборника «The Military Balance». Её магический ореол создается не только славой одержанных побед, но и преломлением лучей этой славы в зеркале общественного мнения. Например, военная репутация современной Индии не идёт на Западе ни в какое сравнение с израильской, хотя блистательная победа в Восточном Пакистане, одержанная в декабре 1971 г., и была беспрецедентной по числу военнопленных¹.

За исключением технического оснащения армии, то уважение, которое внушает аудитории военное могущество конкретной державы, сложно выразить в измеримых параметрах. Институционализация высшего военного управления, организация прохождения службы личным составом, квалификационные требования и методы тактической подготовки, эффективность мобилизационного аппарата, уровень военной теории и штабной культуры — всё это ровным счётом ничего не скажет обывателю. Сила образа оказывается сильнее образа силы...

На страницах истории стереотипное восприятие России в качестве азиатской орды, прикрывающейся хлипким фасадом европейского модерна, означало изображение её армии в виде «парового катка». Застарелые комплексы Европы по отношению к восточному соседу побуждали видеть в русском солдате биоробота — стойкого, но лишённого волевого начала, незнакомого с чувством ответственности и неспособного проявлять самостоятельность. Взлёты государственного могущества России, прогресс её материальной культуры, победоносные войны, в сущности, мало влияли на это предубеждение. Психологические комплексы, неважно личные или коллективные, относятся к области подсознательного, а потому эмпирика здесь бывает бессильна.

В годы холодной войны усвоенные американцами представления о негативных свойствах и качествах советской военной организации нередко повторяли оценки ветеранов германского вермахта². Для американской армии, переживавшей в 1970–1980-е гг. период глубоких

¹ После 1945 г. мир не видел единовременной капитуляции 90 тыс. чел.

² Американские офицеры, подобные полковнику Д. Гланцу, для которых изучение советских вооружённых сил было профессией, неизменно держались в стороне от этого идейного направления, однако их влияние редко выходило за пределы узких военно-исторических кругов.

структурных реформ, многократно подтвержденное на полях сражений профессиональное совершенство германской военной системы, неизменно служило вдохновляющим примером. Точка зрения бывших гитлеровских генералов была в целом созвучна тому, что американцы хотели услышать о потенциальном противнике.

Крупнейший американский специалист по теории стратегии Э. Люттвак предположил, что «представления об оцепенелости солдат, действующих как автоматы, может отражать всего лишь процесс дегуманизации врага, сопровождающий любой конфликт» [10, р. 194]. Однажды, в мае 1980 г. на конференции, посвящённой анализу германского боевого опыта, на вопрос американских генералов³ — имеют ли русские шанс преодолеть присущую им тактическую неповоротливость — престарелый Г. Балк, генерал танковых войск вермахта, коротко отчеканил: «это не изменится». Уточняющий вопрос — не улучшится ли качество русского человеческого материала в связи с прогрессом народного образования и ростом материальной культуры страны — генерал-майор Ф.В. фон Меллентин парировал фразой: «они — массы, мы — индивидуальности. В этом заключается отличие между русским и европейским солдатом»⁴.

Представляется, что в годы холодной войны тактическую тяжеловесность Советской армии на Западе переоценивали. Кроме того, причина предполагаемой недоразвитости определённых боевых навы-

ков зачастую интерпретировалась неверно. Опыт тотальной борьбы, в горниле которого ковались советские вооруженные силы, обладал ярко выраженной спецификой. Жертвой сопутствующих организационных деформаций чаще всего становилась индивидуальная выучка бойцов и подготовка малых подразделений.

Это легко проиллюстрировать следующим примером. В 1941 г. на километр советско-германского фронта в среднем приходилось менее одного батальона Красной армии, к концу 1942 г. плотность достигла уже 2–4 батальонов. К 1944–1945 гг. она возросла до 6–8 батальонов [11, р. 24–25]. В ходе Ясско-Кишиневской операции 1944 г. советская стрелковая дивизия в среднем атаковала на фронте 5–6 км. Однако на направлении главного удара на каждый километр фронта приходилась одна дивизия, 15–20 танков и 240 орудий [11, р. 25]. В ходе Висло-Одерской операции 1945 г. на решающих направлениях концентрация сил Красной армии возрастала до 8–10 батальонов на километр фронта. При столь плотных боевых порядках физически не оставалось места для проявления инициативы [11, р. 25]. В сражениях многомиллионных армий первостепенное значение приобретало организованное управление крупными войсковыми массами, умение безошибочно рассчитать и твердо направить к цели движение десятков дивизий и корпусов. Это до известной степени нивелировало значение мастерства отдельно взятого комбата. Навыки управления малыми

³ Наряду с заместителем начальника штаба Армии США генерал-лейтенантом Г. Отисом и представителем Объединённого комитета начальников штабов генерал-лейтенантом П. Горманом, на встрече присутствовал У. Дёпью — директор управления по разработке военной доктрины и ключевая фигура в «поствьетнамских» реформах.

⁴ Generals Balck and von Mellenthin on Tactics: Implications for NATO Military Doctrine by General William DePue (U.S. Army Ret.). BDM Corporation, December 1980. Reproduced and Edited by Reiner K. Huber Universität der Bundeswehr München, December 2004.

подразделениями и действия за пределами контроля вышестоящих штабов отрабатывались по остаточному принципу. Ориентация на тотальную войну сохранялась в советских вооруженных силах и после 1945 г.

Возможно, данная традиция стала частью коллективной психологии нашей армии, и в современных условиях её необходимо критически переосмыслить. Целевые установки военного строительства обычно подчиняются рациональным соображениям и ограничиваются в первую очередь возможностями национальной экономики, а потому на пути совершенствования армии крайне редко возникают экзогенные социокультурные препятствия. «Советская армия, — развивал свою мысль Э. Люттвак, — была укомплектована призывниками и резервистами, вполне способными рваться вперёд, но лишёнными тактического мастерства. (...) (Она) была поражена оцепенелостью, по крайней мере на нижних ступенях командования, где команды нужно исполнять независимо от того, разумны они или нет. Это не отражает ни врождённых культурных ограничений, ни официальной доктрины, которая, конечно же, призывает широко проявлять инициативу на всех уровнях. Скорее здесь сказывается фактический баланс институциональных поощрений: даже если успешная инициатива должным образом вознаграждается, наказание за ошибки, проистекающие вследствие действий, не разрешённых командованием, система-

тически строже, чем наказание за непродуктивное повиновение» [10, с. 192, 194].

Столкнувшись с близкими исходными условиями, американцы прибегли к таким оперативным формам, которые вполне перекликались с опытом Советской армии. Например, в 1991 г. в ходе войны в Персидском заливе действия подразделений допускались лишь в пределах установленных для них разграничительных линий. Вышестоящие штабы держали подчинённых под неусыпным мелочным контролем. В праве на инициативу было, по существу, отказано не только командирам батальонов, но также командирам бригад и дивизий. Все соединения управлялись централизованно и вместо смелых маневров наблюдалось последовательное движение от рубежа к рубежу. Свободное оперативное творчество начиналось с уровня штаба армейского корпуса [11, р. 35; 12, р. 269]. В этом «методическом сражении» отдельные американские батальоны были плотно стиснуты соседями слева и справа подобно гоплитам македонской фаланги. Обо всём этом не следует забывать в попытке противопоставить друг другу якобы отсталую советскую и передовую американскую традицию управления войсками в бою. Если вывести за скобки фактор общего технологического превосходства США, с точки зрения принципов, лежащих в основе боевого управления, американская армия похожа на российскую значительно сильнее, чем ей возможно хотелось бы о себе думать⁵.

⁵ В полевом уставе FM 100-5 в редакциях, соответственно, от 1976, 1986 и 1993 гг. условно германский принцип гибкого директивного управления прокладывал себе дорогу с большим трудом. Определение «Auftragstaktik» немцы использовали в качестве антитезы «Befehlstaktik». Его ближайшим американским аналогом было понятие «mission-type order». Лишь устав ADP 6-0 в редакции 2012 г. выражает основную идею этого метода с относительной полнотой [13, р. 50]. Система высшего военного управления и, соответственно, выработанные германской классической военной школой принципы воспитания и профессиональной подготовки были обусловлены комбинацией уникальных исторических условий. Американцы могли подражать внешней стороне дела, но искусственно воспроизвести интеллектуальную и культурную среду, породившую объект их восхищения, естественно, были бессильны.

Впервые за истекшие десятилетия в боях на Украине сошлись количественно и технологически сопоставимые противники. Российская сухопутная армия, относительно компактная по численности и ориентированная реформами 2010-х гг. на локальные операции в экспедиционном режиме, оказалась перед лицом полномасштабной войны с 40-миллионным государством. Совершенствование штабного управления войсками, улучшение их технического оснащения и тактической подготовки, поиск оптимальной организационно-штатной структуры подразделений — всё это потребует принципиальной работы над ошибками.

ВОПРОС МОБИЛИЗАЦИИ

Современная российская армия в организационном отношении отказалась от традиционного кадрово-резервного принципа и вот уже почти 15 лет существует в режиме постоянной боевой готовности. Кадрированные дивизии, в которые при развертывании их до полной штатной численности должны были вливаться поднимаемые в ружье резервисты, давно расформированы. Обученный запас номинально существует, но резервных соединений сокращённого состава, которые в случае мобилизации должны его абсорбировать, в российской армии нет [14, 15]. Однако, если вооруженный конфликт неожиданно выходит за определённый масштаб, относительно немногочисленная армия постоянной готовности рискует не справиться с возложенным на неё объемом боевых задач⁶. При этом в распоряжении военно-политического руководства страны нет механизма быстрого наращивания её численности. Именно это и происходит сейчас на Украине.

Относительное техническое превосходство не могло компенсировать количественную слабость российских сухопутных войск и ВДВ. Как известно, с началом войны российская авиация добилась превосходства в воздухе, но оно не переросло в тотальное господство, означающее полное прекращение боевой активности ВВС противника. В этом смысле ситуация напоминает не «Бурю в пустыне» или Иракскую кампанию США в 2003 г., но скорее положение израильской авиации на исходе войны Судного дня 1973 г. или ВВС Индии в конце войны 1971 г. на Пакистанском фронте. Тогда, даже проиграв войну в воздухе, побеждённая сторона сохраняла техническую способность поднимать в небо оставшиеся у неё самолёты и вертолёты.

Согласно оценочным данным, действительный предел интенсивности боевой работы составляет для российской авиации 200–300 самолётов/вылетов в сутки. Очевидно, это много ниже объективной потребности. Поскольку ПВО противника остается неподавленной, невозможно обеспечить и полную изоляцию театра боевых действий. Иногда это вынуждает расходовать дорогостоящие крылатые ракеты для ударов по явно второстепенным целям. Насколько можно судить, украинская оборона держится главным образом на силе артиллерийского огня. Нехватка беспилотных летательных аппаратов значительно сокращает возможности тактической разведки и снижает эффективность контрбатарейной борьбы.

По мнению И. Топчего, в интернет-сообществе существует расхожее заблуждение, что на Украине 150 тыс. российских войск якобы сражается против 600 тыс. украинских. К началу войны ВСУ насчи-

⁶ Кашин В.Б. Первая большая война XXI века // Россия в глобальной политике. 22.06.2022. <https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-bolshaya-vojna-xxi-veka/?ysclid=15wbk0taeg759731441> (дата обращения: 10.07.22)

тывали 209 тыс. чел. Помимо них, в составе сил территориальной обороны имелось ещё 102 тыс. чел., в национальной гвардии и прочих военизированных формированиях — до 130 тыс. чел. Всего 430–440 тыс. чел., из которых около 100 тыс. чел. относились к гражданскому персоналу. Если судить по официальным данным Киева, до конца апреля 2022 г. тремя последовательными волнами мобилизации в ряды вооруженных сил было влито 190 тыс. чел. При этом потери, согласно различным оценкам, составляли примерно 40–50 тыс. чел., не считая 20–30 тыс. дезертиров. Таким образом, по результатам всех мобилизационных мероприятий к началу мая в строю должно было оказаться примерно 550 тыс. чел. С 15 мая предполагалась 4-я волна мобилизации, в ходе которой украинское командование рассчитывало призвать от 70 до 100 тыс. чел. К лету, таким образом, численность людей в строю ориентировочно должна была составлять 620–650 тыс. чел. Активных штыков среди них было примерно 150 тыс. чел. или 25 %, в том числе в составе хорошо слаженных подразделений не более 60–70 тыс. чел или 10 % общего состава сил на бумаге⁷.

До тех пор, пока официальные документы военного планирования не станут доступны исследователям, мы не сможем в деталях реконструировать процесс боевого развертывания российской армии в преддверии событий 24 февраля. Опираясь на косвенные данные, известные главным образом по социальным сетям, а потому принципиально не верифицируемые, ряд экспертов предполагает, что скрытый

призыв резервистов и набор контрактников начались ещё в начале года.

Как полагает И. Топчий, к началу войны Россия сосредоточила на границе 190–200 тыс. чел., включая резервистов. Тыловые подразделения, где после перевода этих служб на внешний контракт преобладал гражданский персонал, насчитывали 170–200 тыс. чел. В рядах флота и ВКС имелось ещё 70–80 тыс. чел. Росгвардия без тылов насчитывала 60–70 тыс. чел. Войска ЛДНР после мобилизации могли выставить несколько десятков тысяч человек вместе с тыловыми подразделениями. В совокупности, вместе с тылами и гражданским персоналом, это давало примерно 700–800 тыс. чел. Однако количество активных штыков среди них вряд ли превышало 120–150 тыс. чел., из которых примерно половина приходилась на войска ЛДНР. Дополнительные мобилизационные мероприятия, проводимые с февраля по май, вызвав сопутствующий рост тылов, позволили довести численность российских войск и народной милиции ЛДНР почти до миллиона, хотя число активных штыков едва ли превысило 150–200 тыс. чел⁸.

По всей видимости, дальнейшее количественное наращивание российской группировки будет осуществляться не за счёт крайне затратного по времени формирования новых частей и соединений с нуля, но посредством насыщения активными штыками действующих организационных структур. По его мнению, речь идёт об увеличении отделений с 6–7 до 11–13 чел. и добавлении четвертых отделений во взводы. С учётом имевшегося к началу войны некомплекта, это способно удвоить

⁷ Топчий И. Мобилизация в России и на Украине. Вопросы реального потенциала сторон. 10 мая 2022 г. <https://boevojlistok.ru/34550-mobilizacija-v-rossii-i-na-ukraine-voprosy-realnogo-potenciala-storon.html>. (дата обращения: 10.07.2022).

⁸ Там же

количество активных штыков по сравнению с исходным значением. Добавление четвертых взводов в роты с учётом четвертых отделений во взводах гипотетически доводит их численность до 200–250 тыс. чел. Ввод четвертой роты в батальон увеличивает последний до тысячи чел. Расформирование батальонных тактических групп, возврат артиллерии и танков обратно в подчинение полков, бригад и дивизий, а также ввод третьих батальонов непосредственно в соединения, действующие на театре войны, добавляет ещё 70–80 тыс. активных штыков. При этом бригады и дивизии получают численность, соответственно, 5–6 и 15–25 тыс. чел. С учетом привлечения вспомогательного гражданского персонала появится возможность нарастить боевой потенциал до 1,5 млн чел., в том числе 400–500 тыс. активных штыков. В перспективе это обеспечит подавляющее превосходство в силах над ВСУ⁹.

В отличие от обеих мировых войн, стратегическое развертывание российских войск накануне 24 февраля не было связано с взрывной одноактной мобилизацией. Соответственно, дальнейшее увеличение боевых сил по ходу развития вооруженного конфликта также будет иметь мало общего с «перманентной мобилизацией», описанной в трудах А.А. Свечина [1, с. 131–134].

Проблема недостатка сил не имеет какого-то волшебного решения. Наиболее реальной перспективой остается сильно растянутая во времени «паллиативная мобилизация», общую схему которой описал в своей статье И. Топчий. Поскольку «вооруженные народы» и социальная концепция «гражданина-воина» принадлежат иной эпохе, маловероятно, что Украина станет ареной противостояния двух массовых армий. Однако,

приспосабливаясь к условиям театра, изначально компактные по численности полевые армии, будут вынуждены постепенно расширять свои ряды.

О БАТАЛЬОННЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ГРУППАХ

На войне руководство боем требует от командных инстанций гармоничного сочетания гибкости и централизации. Излишняя централизация способна парализовать управление войсками, тогда как чрезмерная гибкость перерождается в тактическое бессилие по причине дефицита ударной мощи. Концепция батальонной тактической группы (БТГ) в теории придавала подразделениям неограниченную пластичность, но она же была чревата распылением огневых средств и уменьшением силы фронтального удара, необходимого для преодоления устойчивой обороны. Иными словами, в избыточных дозах даже хорошее лекарство может стать ядом.

Скептики подчеркивают, что, слепо придерживаясь ложной концепции БТГ, российская армия, вместо стального молота, пытается оглушить противника игрушечной поролоновой кувалдой. Ситуация ещё более усугубляется вследствие технической слабостью разведки и систем боевого управления. В этой связи необходимо рассмотреть два вопроса: 1) имеются ли в концепции БТГ некие принципиально неустранимые недостатки, которые может быть не проявлялись в прошлом, но дали о себе знать в настоящее время и 2) способна ли российская армия следовать данной концепции или же она просто не доросла до неё, так как организация эффективных БТГ требует качества, доступного лишь западным армиям.

Ретроспективный анализ показывает, что уже в эпоху Второй мировой войны об-

⁹ Там же

щевойсковой бой носил преимущественно комбинированный характер. Знаменитые кампфгруппы германских танковых дивизий на протяжении всей войны строились по смешанному принципу. В различных комбинациях в зависимости от требований обстановки танковые, мотопехотные и разведывательные батальоны, а также артиллерийские дивизионы, распределялись между боевыми управлениями полков. Близкими по структуре на втором этапе войны были и советские механизированные корпуса, состоявшие из бригад. Батальоны выступали в качестве универсальных строительных кирпичиков, из которых собирались боевые группы. Сами батальоны в германской и советской армии старались не дробить, хотя из любых правил, естественно, делались исключения.

Если говорить об американской армии, то в её пехотных дивизиях полковые боевые группы также собирались из гомогенных батальонов. Однако в организации танковых дивизий уже с 1942 г. проступали ростки будущей концепции БТГ. В годы Второй мировой войны основная масса американских танковых дивизий имела по 3 танковых и 3 механизированных батальона, которые в зависимости от требований обстановки наряду с артиллерией и вспомогательными подразделениями в различных пропорциях распределялись между 3 боевыми группами (combat command) [2, р. 48]¹⁰. В свою очередь эти боевые группы распадались на две батальонные группы (task force), роты внутри которых были перемешаны [2, р. 49]. Таким образом, предметом выбора оставалось лишь то иерархическое звено в командной цепочке, на котором подразделение из гомогенного должно

было превратиться в смешанное: батальон или полк/бригада.

В масштабе всей американской армии принцип батальонных тактических групп распространился в результате реформы 1963 г. и внедрения «реорганизованных общевойсковых дивизий новой структуры»¹¹. Бригады нового типа отныне переставали быть постоянными соединениями и превращались в штабные управления, которым в различной комбинации придавалось от 2 до 5 батальонов дивизии [2, р. 61].

Внутри американской бригады «battalion task forces» представляла собой танковый или механизированный батальон с одной или несколькими ротами, прикреплёнными к эквивалентному батальону другого подразделения [2, р. 62]. Таким образом батальонная группа состояла из смеси танковых и механизированных рот. Основываясь на том же принципе, отдельные роты внутри сформированной батальонной тактической группы могли объединять танковые и механизированные взводы, в результате чего подразделение получало название ротной тактической группы или «company team» [2, р. 62]. Концепция ротной тактической группы в американской армии не прижилась, в середине 1980-х гг. от неё официально отказались [2, р. 82]. БТГ же с тех пор сделалась основой боевой организации, благополучно пережив как реформу 1986 г., так и волны последующих преобразований.

Итак, в сухом остатке сам по себе принцип БТГ не плох и не хорош. Смешанные боевые группы, собранные из гомогенных батальонов внутри полков и бригад, или же смешанные батальонные группы, собранные из гомогенных рот, воплощают один и тот же организационный принцип.

¹⁰ По сути, это были прообразы будущих бригадных боевых групп.

¹¹ Сокращенно: ROAD (Reorganization Objective Army Divisions).

Концепт БТГ превращает линейный батальон в «микроармию» из танков, мотопехоты, артиллерии, разведывательных и вспомогательных подразделений.

Появление батальонных тактических групп в российской армии было продиктовано, во-первых, опытом локальных конфликтов, во-вторых, многократным сокращением количества высших соединений и, в-третьих, хронической проблемой некомплекта людей в строю. Судя по штабной документации, захваченной ВСУ и впоследствии опубликованной в украинских социальных сетях, российские БТГ, пересекавшие границу 24 февраля, в ряде случаев создавались формально-механически и без учета потребности тесного взаимодействия в бою. Настоящим бедствием оказалась общая несбалансированность их состава. Этот организационный порок, очевидно, не был связан с качеством технического оснащения.

Например, разбитая противником в начале марта БТГ 1-го танкового полка 2-й Таманской мотострелковой дивизии состояла из трёх танковых рот, четырёх буксируемых гаубиц и единственного мотострелкового взвода. При этом опыт локальных конфликтов однозначно доказывал, что оптимальная пропорция танковых и мотострелковых рот¹² в БТГ достигается при соотношении 1:1. В этой связи отмеченная наблюдателями тенденция к скученному расположению российской техники, приводившая к тяжёлым потерям от артиллерийского огня, получает вполне конкретное объяснение. Если на 31 танк приходилась неполная гаубичная батарея и всего лишь 25 чел. пехотного сопровождения, этого не могло хватить даже для охраны техники на привалах, не говоря про обеспечение танков в бою. Естествен-

но, на пересеченной местности лишённые прикрытия танкисты инстинктивно жались друг к другу и становились легкой мишенью для артиллерии и противотанковых комплексов противника. Называя вещи своими именами, командование загнало в сумские леса, по сути, гомогенный танковый батальон, и его обозначение в качестве БТГ было простой канцелярской формальностью. Последовавшая неудача вполне закономерна.

Сравним злополучную БТГ Таманской дивизии с типичной американской, которая в ходе Иракской кампании находилась на острие наступления 3-й механизированной дивизии и 2 апреля 2003 г. первой форсировала Евфрат. БТГ была образована вокруг 3-го батальона 69-го танкового полка под командованием подполковника Э. Марконе. В неё входили две танковые роты на M1A1 «Абрамс», две механизированные роты на БМП M2A2 «Брэдли», инженерная рота, разведывательный взвод и взвод из четырёх 120-мм самоходных миномётов. Кроме того, в ходе боя БТГ 3–69 поддерживал полнокровный артиллерийский дивизион, то есть три 6-орудийные батареи САУ M109A6 «Палладин» [16, р 289]. В данном случае, это действительно «микроармия», снабжённая мощным артиллерийским кулаком, имеющая собственные глаза и уши, способная не только энергично наступать, но и упорно оборонять захваченное.

Практику формирования заведомо небоеспособных БТГ, конечно, легче всего списать на вредительство и преступную некомпетентность, но, как мне представляется, здесь можно выдвинуть минимум два рациональных объяснения. Во-первых, наши устаревшие уставы и тактические наставления, написанные для многомиллионной

¹² Считая в этом качестве также разведывательные подразделения.

армии, как было отмечено выше, затрудняют гибкое применение подразделений ротного-батальонного звена. Во-вторых, многое упирается в острый некомплект людей в строю армии «нового облика». Её содержание в режиме постоянной готовности, то есть близко к полному штату военного времени, с учётом новых дивизий, образованных после 2014 г., потребовало бы развернуть в рядах сухопутных войск и ВДВ не 350 тыс. чел., а 500–600 тыс. чел. На такую нагрузку российский военный бюджет не был рассчитан. Некомплект создавал затруднения, в чём-то напоминавшие ситуацию в израильском цахале на рубеже 1960–1970-х гг. На фоне перегруженности армии танками в ней остро не хватало мотопехоты, которая, ввиду ограниченности демографических ресурсов страны, комплектовалась личным составом по остаточному принципу. Отсутствие политического решения о мобилизации не имеет прямого отношения к подобным дефектам военного строительства.

Итак, неудачна не столько концепция БТГ, сколько её практическая реализация российской армией. Но даже в том случае, если бы тактические группы создавались разумно и целесообразно, они бы вряд ли предотвратили установление позиционного тупика. На любой войне организационная форма так или иначе всегда приспособляется к тактическим условиям. Превращение батальонов в «микроармии» обусловлено главным образом низкой оперативной плотностью фронта. Вновь сделать войну маневренной без значительного увеличения боевых сил, по всей видимости, невозможно. Вооруженный фронт врага не может рухнуть «по шучьему веленью». Если завтра волевым решением расформировать БТГ, плотность боевых порядков от этого не изменится. Следовательно, практической альтернативой БТГ

остаётся лишь образование полноценных дивизий и бригад, что позволит централизовать управление огнём и увеличить пробивную силу удара.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев гипотезы, сформулированные во Введении, можно убедиться в том, что установившийся на фронтах позиционный тупик не имеет какого-то одного универсального объяснения. Хотя ракетно-ядерный маятник по-прежнему не даёт спирали эскалации раскрутиться, перспектива затяжной войны становится всё более реальной.

С самого начала эта кампания оказалась разбавлена изрядной долей контртеррористических действий с элементами операции по освобождению заложников. Насколько можно судить, оперативные расчёты по-прежнему содержат в себе примесь посторонних соображений. К сожалению, погрешность исходных политических вводных вызвала к жизни неадекватные оперативно-стратегические решения. Ошибки развёртывания ослабили силу первого удара, и не позволили извлечь из него всех потенциально возможных преимуществ, но эти недостатки едва ли повинны в низких темпах наступления на последующих этапах операции.

Погоня за дешёвыми PR-эффектами, имитационные моменты в боевой учёбе и, как следствие, общая тактическая запущенность российских войск, естественно, не делают чести высшему армейскому руководству. Однако все истинные и мнимые ошибки, допущенные в ходе военного строительства последних 15 лет, опять же лишь косвенно влияли на цементирование линии фронта и установление позиционного тупика.

Обвинять же во всех бедах концепцию батальонной тактической группы не приходится, поскольку БТГ — это всего лишь

форма организационной адаптации армии к существующим оперативно-тактическим условиям. Гипотетическое удвоение числа батальонов восстановит значение высших соединений и покончит с наиболее болезненными недостатками БТГ.

Достаточно неожиданным открытием в области военной теории является то, что относительно стабильный фронт возникает как вследствие перенасыщения театра войсками, так и в результате обратной крайности. Однако, в отличие от Первой мировой войны, сегодня на пути восстановления манёвренности нет непреодолимых технологических преград. Проблема позиционного фронта пока ещё допускает экстенсивное, то есть чисто количественное решение.

В связи с устоявшимся на линии фронта относительным позиционным равновесием прогноз дальнейшего развития боевых операций, а также принципиальный ответ на вопрос о границах возможного в конечном итоге зависит от темпов формирования частей и соединений второй линии. Очевидно, тема накопления резервов является в России одним из наиболее тщательно охраняемых секретов. До тех пор, пока «паллиативная мобилизация» не склонит чашу весов в пользу Москвы, высшее военно-политическое руководство вынуждено строить прогрессию локальных тактических успехов, конструируя тем самым благоприятный информационный и стратегический фон затянувшемуся ожиданию решительной победы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Свечин А.А. Стратегия. Москва: Военный вестник; 1927. 265 с.
2. McGrath J.J. The Brigade: A History. Its Organization and Employment in the US Army. Fort Leavenworth. Kansas: Combat Studies Institute Press; 2004. 240 p.
3. Lupfer T.T. The Dynamics of Doctrine. The Changes in German Tactical Doctrine during the First World War. *Leavenworth Papers*. 1984;7:73.
4. Иссерсон Г.С. Эволюция оперативного искусства. Москва: Госвоениздат; 1934. 71 с.
5. Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. Москва: Воениздат; 1940. 76 с.
6. Триандафиллов В.К. Характер операций современных армий. Изд. 3. Москва: Госвоениздат; 1936. 259 с.
7. Варфоломеев Н.Е. Ударная армия. Москва: Госвоениздат; 1933. 203 с.
8. Вольпе А.М. Фронтальный удар. Москва: Госвоениздат; 1931. 389 с.
9. Стратегия в трудах военных классиков. Т.2. Москва: Высший военно-редакционный совет; 1926. 288 с.
10. Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. Москва; Университет Дмитрия Пожарского; 2012. 390 с.
11. Eisel IV G.W. Befehlstaktik and the Red Army Experience: Are There Lessons for Us? School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas: First Term AY; 1992. 51 p.
12. Leonhardt R. The Art of Maneuver. Maneuver Warfare Theory and AirLand Battle. Navato, CA: Pressido Press; 1991. 315 p.
13. Gunther M.J. Auftragstaktik: The Basis for Modern Military Command? Unites States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas: AY; 2012. 61 p.
14. Новая армия России. Москва: Центра анализа стратегий и технологий; 2010. 168 с.
15. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Военная реформа России: состояние и перспективы. Москва: Московский Центр Карнеги; 2013. 79 с.
16. Fontenot G., Degen E., Tohn D. On Point. The United States Army in operation Iraqi

Freedom. Washington DC. Office of the Chief of Staff US Army, Fort Leavenworth,

Kansas: Combat Studies Institute Press; 2004. 540 p.

REFERENCES:

1. Svechin A.A. Strategy. Moscow: Military Bulletin; 1927. 265 p.
2. McGrath J.J. The Brigade: A History. Its Organization and Employment in the US Army. Fort Leavenworth. Kansas: Combat Studies Institute Press; 2004. 240 p.
3. Lupfer T.T. The Dynamics of Doctrine. The Changes in German Tactical Doctrine during the First World War. *Leavenworth Papers*. 1984;7:73.
4. Isserson G.S. Evolution of Operational Art. Moscow: Gosvoenizdat; 1934. 71 p.
5. Isserson G.S. New Forms of Struggle. Moscow: Voenizdat; 1940. 76 p.
6. Triandafillov V.K. The Nature of Operations of Modern Armies. Ed. 3. Moscow: Gosvoenizdat; 1936. 259 p.
7. Varfolomeev N.E. Shock Army. Moscow: Gosvoenizdat; 1933. 203 p.
8. Volpe A.M. Frontal Assault. Moscow: Gosvoenizdat; 1931. 389 p.
9. Strategy in the works of military classics. Vol. 2. Moscow: Supreme Military Editorial Council; 1926. 288 p.
10. Luttwak E. Strategy. The Logic of War and Peace. Moscow; Dmitry Pozharsky University; 2012. 390 p.
11. Eisel IV G.W. Befehlstaktik and the Red Army Experience: Are There Lessons for Us? School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas: First Term AY; 1992. 51 p.
12. Leonhardt R. The Art of Maneuver. Maneuver-Warfare Theory and AirLand Battle. Nava-to, CA: Pressido Press; 1991. 315 p.
13. Gunther M.J. Auftragstaktik: The Basis for Modern Military Command? Unites States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth, Kansas: AY; 2012. 61 p.
14. The New Army of Russia. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies; 2010. 168 p.
15. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. Military Reform of Russia: Status and Prospects. Moscow: Carnegie Moscow Center; 2013. 79 p.
16. Fontenot G., Degen E., Tohn D. On Point. The United States Army in operation Iraqi Freedom. Washington DC. Office of the Chief of Staff US Army, Fort Leavenworth, Kansas: Combat Studies Institute Press; 2004. 540 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей А. Кривопапов, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23;

krivopalov@centero.ru

Alexey A. Krivopalov, PhD in History Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation;

krivopalov@centero.ru

Особенности системной истории международных отношений и мировой политики

Ирина В. Колосова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

tenagadalam@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются особенности системного подхода к изучению истории международных отношений и мировой политики. Международные отношения исследуются как единый сложный организм, свойства которого не сводимы к сумме свойств его частей. Свобода действий государств ограничивается рамками системы международных отношений, частью которой они являются. Каждая из систем имеет свои временные и пространственные характеристики. В период раннего Нового времени происходит процесс формирования национальных государств. В XVII веке крупнейшим событием международной жизни стала Тридцатилетняя война, по итогам которой формируется Вестфальская система международных отношений. В XIX в. после победы над Наполеоном складывается Венская система международных отношений. Вестфальская и Венская системы являются европейскими региональными системами. По итогам Первой Мировой войны складывается Версальско-Вашингтонская система, которая представляет собой первую в истории попытку формирования глобальной системы международных отношений. После победы антигитлеровской коалиции во Второй Мировой войне складывается глобальная биполярная Ялтинско-Потсдамская система, просуществовавшая вплоть до распада СССР. В настоящее время формируется новая система международных отношений, характерными чертами которой являются полицентричность и многообразие акторов.

Ключевые слова: система международных отношений, Вестфальская система, Венская система, Версальско-Вашингтонская система, Ялтинско-Потсдамская система, баланс сил, однополярность, биполярность, полицентричность

Для цитирования: Колосова И.В. Особенности системной истории международных отношений и мировой политики. *Проблемы постсоветского пространства*. 2022;9(3):354–366. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-354-366>

Статья поступила 27.07.2022

Принята в печать 19.08.2022

Опубликована 30.09.2022

The Specific Features of the System History of the International Relations and World Politics

Irina V. Kolosova

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia,*

tenagadalam@yandex.ru

Abstract: The article considers the specific features of the system approach to the history of international relations and world politics. International relations are viewed as a single complex organism, which is greater than the sum of its parts. The freedom of actions of the states is limited by the frames of the system of international relations, the part of which they are. Each system has its spatial and temporal characteristics. In the period of the Early Modern Age the process of formation of the national states unrolls. In the XVII century The Thirty Years' War became the largest event of the international life, at the end of which the Westphalian system of the international relations was born. In the XIX century after the victory over Napoleon the Vienna system of international relations develops. Both Westphalian and Vienna systems are European regional systems. The end of the World War I war resulted in formation of the Versailles-Washington world order, which was the first attempt to build the global system of the international relations. After the victory of the anti-Hitler coalition in the World War II the global bipolar Yalta-Potsdam system was built, which existed till the dissolution of the USSR. At the present moment the new system of international relation is developing, with polycentrism and diversity of actors as its' specific features.

Keywords: System of international relations, Westphalian system, Vienna system, Versailles-Washington system, Yalta-Potsdam system, balance of power, unipolarity, bipolarity, polycentricism

For citation: Kolosova I.V. The Specific Features of the System History of the International Relations and World Politics. *Post-Soviet Issues*. 2022;9(3):354–366. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-354-366>

Received 27.07.2022

Revised 19.08.2022

Published 30.09.2022

ВВЕДЕНИЕ

Системный подход исходит из представления о международных отношениях и мировом политическом процессе как о самостоятельной реальности, имеющей собственную логику развития [1]. Международные отношения представляют собой специфическую форму общественных отношений, которая выражается в совокупности политических, дипломатических, торгово-экономических, военных, культурных и прочих взаимодействий между субъектами, действующими на мировой арене. Основными акторами международных отношений традиционно выступают государства и их союзы. Система между-

народных отношений является формой их политической организации, закреплённой в договорах, и основанной на соотношении сил входящих в нее государств.

ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

В рамках системного подхода международные отношения исследуются как единый сложный организм, свойства которого не сводимы к сумме свойств его частей. Свобода действий каждого государства ограничивается рамками системы международных отношений, частью которой оно является [2:76–83]. Изменение поведения одного или нескольких акторов системы способны

вызвать изменение во всей системе [3:3–25]. Поэтому внешнюю политику любого государства невозможно понять вне контекста системы международных отношений [1].

Каждой системе международных отношений присущи свои временные и пространственные характеристики. В ходе всемирно-исторического процесса последовательно сменялись геополитические эпохи или силовые поля: каждая эпоха представлена своим балансом сил, зонами влияния и границами. Международные отношения развивались в рамках региональных систем, каждая из которых обладает особенностями политико-экономического и культурного развития. Классический пример — европейские региональные системы международных отношений — Вестфальская и Венская. Как указывает автор четырехтомного труда по системной истории международных отношений российский исследователь А.Д. Богатуров, «вся история международных отношений протекала под знаком борьбы за гегемонию, то есть за бесспорно преобладающие позиции в мире, точнее, в той его части, которая в конкретный момент исторического времени считалась миром-вселенной или ойкуменой» [1].

По мере складывания мирового рынка и нарастания интеграционных тенденций в мире происходит формирование глобальной системы международных отношений, примерами которой стали Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская системы в XX в. Региональные системы являются автономными составляющими единой сложной структуры глобальной системы международных отношений, при этом они подчиняются внутренней логике ее развития [4:5–11].

Ведущее место в системе международных отношений принадлежит великим, или мировым державам. На каждом исто-

рическом этапе великодержавный статус определялся рядом факторов: территориальным, военным, экономическим потенциалом, уровнем политического, культурного развития страны, степенью влияния на общемировые процессы. Интересы великой державы, как правило, выходят за региональные рамки и приобретают мировой характер [4:5–11]. Однако статус великой державы не является постоянной величиной. Так в середине XIX в. Османская империя утратила свой великодержавный статус, а объединившаяся в 1871 г. Германия приобрела; после Первой мировой войны рухнули Австро-Венгерская, Германская, Российская и Османская империи, а в число мировых держав выдвинулись США.

Великие державы представляют собой системообразующий элемент, а соотношение сил между ними предопределяет общий баланс сил в каждой конкретной системе. При этом средние и малые государства также влияют на общий баланс сил. Динамическое равновесие представляет собой частный случай баланса сил, который соответствует как минимум балансу интересов великих держав. Система чутко реагирует на действия той или иной державы или группы стран, направленные на нарушение равновесия, и стремится их блокировать — так проявляется закон равновесия системы, действие которого обеспечивает международную безопасность [4:8–10].

Национальная безопасность каждой страны представляет производную величину от международной безопасности. Взаимоотношения государств внутри системы определяются их отношением к существующему балансу сил. Некоторые акторы стремятся его закрепить (т.н. государства-балансиры), другие трансформировать, а третьи — разрушить. В зависимости от этого государства строят свои отношения друг с другом как союзники, партнеры или со-

перники [4:9]. Когда новые явления всемирно-исторического процесса входят в противоречие со сложившейся системой международных отношений, меняется устоявшийся баланс сил. В результате система либо эволюционирует, либо рушится. Так возникновение новых явлений в экономике, массовых идеологий, подъем национальных движений способны вызывать крушение многонациональных империй и нарушить сложившийся баланс сил. Распад прежней системы международных отношений и зарождение новой сопровождается крупными международными конфликтами и войнами, победа в которых увеличивает мощь тех или иных государств и закрепляет новый баланс сил.

Системная история международных отношений начинается исследование европейских систем международных отношений с периода раннего Нового времени, когда происходит процесс формирования национальных государств. Рубеж средневековья и раннего Нового времени был эпохой великих географических открытий и колониальных захватов. Географические открытия, первые кругосветные путешествия сформировали новое представление европейцев о мире в целом, и привели к изменению геополитических интересов европейских держав. Объем колониальных богатств, и как их следствие рост финансового благосостояния, стал определять место государства в международных отношениях. Накопление капитала способствовало большей свободе и независимости европейских стран, где повсеместно происходит рост национального самосознания. Постепенно формируются централизованные государства на национальной основе по преимуществу в форме абсолютной монархии — Англия, Франция, Испания, Португалия, Дания, Швеция, Республика Соединенных Провинций и другие.

ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

На протяжении всего периода Средневековья значительную роль в жизни общества играла Католическая Церковь. Являясь крупным феодалом, церковь в разных государствах Западной Европы владела до 1/3 количества пахотных земель. Она формировала идеологию феодального общества, обосновывая его справедливость и богоугодность. Европейские монархи шли на любые затраты, дабы получить санкцию от Римских пап на свое господство.

Главным содержанием стадии позднего феодализма является процесс зарождения в его недрах капиталистического способа производства. С конца XV в. в Европе началось формирование класса буржуазии, постепенно захватывавшего в свои руки экономику, а затем устремившегося и к политической гегемонии. В ходе религиозно-политического движения Реформации в Европе в первой половине XVI века произошла повсеместная секуляризация церковных земель. Реформация привела к отпадению от католического мира значительной части германских земель, Англии, Дании, Норвегии, Нидерландов, Швейцарии и Швеции. Формирование национальных государств и постепенное утверждение их суверенитета находилось в явном противоречии со средневековым принципом универсальной христианской империи и власти императора как светского главы католического мира, на что продолжала претендовать династия Габсбургов. В политике впервые в истории появляется принцип государственного интереса, а само государство перестает восприниматься как собственность монарха.

Основным узлом напряжения системы международных отношений в XVII в. становится распад некогда мощной державы — Священной Римской империи во главе с династией Габсбургов. Крупнейшим

событием международной жизни стала Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., которая стала одним из самых тяжелых и кровопролитных общеевропейских конфликтов, затронув практически все страны региона [5]. Война началась как религиозное столкновение между протестантами и католиками Германии, но затем переросла в борьбу против гегемонии габсбургов в Европе. С одной стороны, выступал габсбургский блок, католические князья Германии и Римский папа, а с другой — антигабсбургская коалиция в лице протестантских князей Германии, а также Дании, Швеции, Нидерландов и Франции. Многолетняя война стала ведущим фактором в определении внешнеполитических приоритетов большинства европейских стран.

ВЕСТФАЛЬСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

24 октября 1648 г. на территории исторической области Вестфалия в католическом епископстве Мюнстер и протестантском Оснабрюке был заключен мир, вошедший в историю как Вестфальский. Целью мирного конгресса было урегулирование конфликта на международном, межконфессиональном и внутриимперском уровнях. Вестфальский мир ознаменовал собой завершение эпохи преобладания Габсбургов в Европе.

Подписание мирного договора не только зафиксировало конкретные территориальные и политико-правовые договоренности, подвело итог многолетнему конфессиональному противостоянию в Европе, но и утвердило новую расстановку сил на континенте. Франция значительно усилила свое политическое могущество. В число великих держав вошла Швеция, получив важнейшие гавани на побережье Северного и Балтийского морей. Была закреплена политическая раздробленность

Германии, что фактически обеспечило суверенитет немецких князей. Международное признание государственного суверенитета получил Швейцарский союз и Республика Соединенных провинций.

Если ранее конфессиональный принцип лежал в основе формирования межгосударственных союзов, то на завершающем этапе Тридцатилетней войны, с объявлением католической Франции войны Испании, этот принцип более не соблюдался. Для формировавшейся региональной системы международных отношений была характерна деидеологизация и секуляризация, межгосударственные союзы в новых условиях становились более гибкими и ситуативными.

В основе Вестфальской системы международных отношений лежит принцип баланса сил. Ключевым фактором новой системы становится признание национального суверенитета. Как указывает исследователь Ю.Н.Саямов, под «вестфальским суверенитетом» понимается политическая система недопущения внешнего влияния на внутреннюю политику независимых государств [6:95–105]. Признание равноправия европейских государств и обязательство следовать положениям вестфальских договоренностей заложили основы формирования международного права. В вестфальскую эпоху значительное развитие получает и дипломатическая практика. В частности, создается система постоянно действующих посольств при иностранных дворах, устанавливается дипломатическая иерархия, развивается дипломатический протокол, формируется представление о дипломатической неприкосновенности. С точки зрения политологии Вестфальская система как система, основанная на балансе сил суверенных государств, существует и поныне.

Крупнейшим событием европейской истории в XVIII веке становится трансфор-

мация социальной и политической системы — Франции — Великая Французская революция, приведшая к уничтожению в стране абсолютной монархии. С приходом к власти Наполеона Бонапарта Франция превратилась в серьезную угрозу стабильности и безопасности в Европе. Наполеоновские войны 1799–1815 гг. против антифранцузских коалиций европейских государств имели целью установление военно-политического и экономического господства в Франции в Европе, присоединения к ней новых территорий и лишения Англии великодержавного статуса [7:230–261].

После длительного победоносного шествия французских войск и перекройки карты Европы Наполеон вторгается в Россию, где его армия терпит сокрушительное поражение. В период шестой антифранцузской коалиции наступает переломный момент в войне с наполеоновскими войсками, в ходе которого происходит рост национально-освободительного движения в Европе [8:]. В ходе кампании 1813–1814 гг. Россия стала главным оплотом сил союзников, приняв непосредственное участие в освобождении германских земель и Нидерландов, после чего союзническая армия двинулась на Париж. Капитуляция французской армии привела к первому отречению Наполеона от престола. На французский престол вернулась свергнутая революцией династия Бурбонов в лице Людовика XVIII — брата казненного в период Французской революции короля Людовика XVI. Так завершился период непрерывных кровопролитных войн в Европе.

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

30 мая 1814 г. в Вене был созван конгресс, который подвел итоги наполеоновских войн [9]. Однако работа конгресса была нелегкой из-за сохранявшихся противоречий между интересами стран-победительниц.

Дипломатические интриги возникали одна за другой. Во время проведения Конгресса 1 марта 1815 года Наполеон совершил триумфальное возвращение во Францию. В кабинете короля Людовика XVIII, бежавшего из Парижа, он обнаружил копию тайного соглашения Австрии, Англии и Франции, направленного против России и Пруссии. Наполеон приказал отправить документ в Вену на конгресс и передать его лично российскому императору Александру I, вероятно надеясь на его поддержку. Однако российский император остался непреклонен. Войска седьмой антифранцузской коалиции начали подготовку похода против Наполеона. Поражение в битве при Ватерлоо привело Бонапарта к повторному отречению от престола.

Венский конгресс 1814–1815 гг. определил новую расстановку сил в Европе, обозначив ведущую роль стран-победительниц: России, Австрии и Великобритании в новой системе международных отношений. Во многом инициатором и творцом Венской системы стал Александр I. Для организационного закрепления решений Конгресса по его инициативе создается Священный союз европейских монархов, целью которого являлось поддержание установленного Венским конгрессом международного порядка, сохранение власти правящих династий и недопущение распространения революционного движения в Европе. Священный союз стал первой международной организацией в Европе.

Венская система международных отношений именуется системой Европейского Концерта — баланса сил между европейскими государствами. В рамках этой системы было впервые сформулировано понятие «великой державы». Европейский концерт базировался на общем согласии великих держав: России, Австрии, Пруссии, Вели-

кобритании и Франции. Россия укрепила свой великодержавный статус, заняв ведущую роль в международной политике.

В основу системы был заложен принцип контроля географического пространства в пределах колониальных империй. Все спорные вопросы должны были решаться не военными средствами, а дипломатическими — путем созыва международных конференций. Среди таких конференций важное значение имел Парижский конгресс 1856 г., Лондонская конференция 1871 г., Берлинская конференция 1878 г. и другие [10:25–33]. Время существования европейского концерта стало периодом расцвета дипломатии. В Европе были систематизированы и унифицированы дипломатические ранги, закреплены типы консульских учреждений, введено понятие дипломатического иммунитета.

Венская система стала примером обеспечения коллективной безопасности в Европе и позволила на длительный период избежать крупных международных конфликтов. Устойчивость Венской системы была связана с тем, что принципы, которые разделяли правящие элиты ведущих государств, отличались схожестью в видении международных ситуаций. Ведущие державы стремились сохранить status quo международной системы, решая возникавшие проблемы путем компромиссов и коалиционных соглашений. Несмотря на войны, революции и международные кризисы система оставалась стабильной. Гомогенность акторов и их заинтересованность в сохранении сложившегося баланса сил придавали системе устойчивость. С момента Венского конгресса и до начала Первой Мировой войны перечень великих держав оставался прежним.

В начале XIX века начали складываться новые исторические условия, приведшие к постепенному крушению Венской систе-

мы международных отношений. Перед лицом острого внутривнутриполитического кризиса оказалась Османская империя, что значительно поколебало ее вес в международной расстановке сил. В связи с этим на политическую арену в отношении Османской империи выходит так называемый «Восточный вопрос», обозначивший международные противоречия, обусловленные борьбой великих держав за раздел турецких владений и национально-освободительным движением подвластных империи народов.

Образовавшаяся после франко-прусской войны в 1871 году Германская империя, активно включилась в борьбу за колонии и стремилась к переделу владений Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Португалии. В 1882 году складывается Тройственный союз Германии, Австрии и Италии. Создание этого военно-политического блока стало первым шагом на пути к Первой Мировой войне. Англо-германское соперничество во многих регионах, включая Африку, Азию и Ближний Восток, привело на рубеже веков к созданию коалиции трех держав — Англии, Франции и России (Антанта), целью которой было противостояние Тройственному союзу.

В связи с возросшей угрозой международной безопасности, усилением гонки вооружений и появлением новых видов оружия, возникла идея созыва первой в истории международной конференции по ограничению вооружений. Конференция состоялась в Гааге мае — июле 1899 г. по инициативе России. В ней приняли участие представители двадцати шести стран. На конференции были приняты конвенции о мирном решении международных споров и о законах и обычаях сухопутной войны. В 1907 г. по инициативе российского императора Николая II в Гааге была проведена вторая мирная конференция, в которой приняли участие сорок три государства.

Тем не менее, перейдя порог века, мир оказался перед лицом назревавшего глобального конфликта. Непосредственным поводом для начала Первой Мировой войны послужило убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 года. В войне участвовали две коалиции: Антанта, в составе России, Франции, Великобритании, Канады, Австралии, Бельгии, Сербии, Италии, Японии, США (с 1917 года), и «Центральные державы», в составе Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии.

НА ПУТИ К НОВОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Война завершилась победой стран Антанты. 18 января 1919 г. в Париже открылась мирная конференция держав-победительниц и союзных с ними государств. Задачей Парижской (Версальской) конференции была выработка условий мирных договоров со странами Четверного блока и юридическое оформление окончания Первой Мировой войны.

Результатом глобального конфликта стал распад четырех империй, на развалинах которых возникли девять молодых независимых государств и сформировался новый баланс сил в международных отношениях. На конференции был одобрен устав Лиги Наций — первой в истории глобальной организации, созданной по инициативе американского президента Вудро Вильсона и ставший прообразом ООН [11]. Лига Наций как постоянно действующая организация была призвана стать гарантом нового мирового порядка и не допустить возникновения глобальных конфликтов.

Между тем, американский сенат отказался от ратификации Версальского договора и тем самым заблокировал вступление США в Лигу Наций. Америка дистан-

цировалась от европейских проблем, сосредоточив свои интересы исключительно в зоне Западного полушария. Однако для стабильности европейской подсистемы веса Англии и Франции как основных балансиров системы было недостаточно.

Во время проведения Парижской мирной конференции Россия несла тяжелые потери от продолжавшейся иностранной интервенции и Гражданской войны. Не получив приглашение в Версаль, молодое советское государство оказалось аутсайдером европейской и мировой политики. В дальнейшем советской дипломатии пришлось приложить немало усилий для вывода страны из международной изоляции [12:104–107].

Таким образом, две великие державы — США и Россия были свободны от выполнения Версальских договоренностей, а Германия видела главную задачу своей внешней политики в борьбе с унижительными для нее условиями Версальского договора. Сложившаяся расстановка сил сделала Версальскую систему неравновесной, неуниверсальной и нестабильной.

В 1921–1922 гг. по инициативе США состоялась международная конференция в Вашингтоне, которая была посвящена вопросам ограничения морских вооружений и проблемам Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. В отличие от европейской Версальской подсистемы, Вашингтонская подсистема, распространившаяся на Азиатско-Тихоокеанский регион, была более устойчивой, однако также не являлась универсальной, поскольку в ней не участвовали такие крупные державы, как Россия и Китай.

Сложившуюся по итогам Первой Мировой войны систему международных отношений принято именовать Версальско-Вашингтонской. Она стала первой в мировой истории попыткой формирования глобальной системы международных отношений.

Однако, в отличие от предыдущих региональных систем, она оказалась крайне неустойчивой в виду асинхронности трансформационных процессов в обеих подсистемах, и самой непродолжительной по времени.

Версальский мир создал предпосылки для роста реваншистских идей в Германии и крайней нестабильности внутри страны, особенно после начала мирового экономического кризиса в 1929 г. В Германии вызрело стремление к перекройке европейской карты, которое способствовало возникновению ультраправых сил и приходу к власти нацистов в 1933 г. В этот период Германия игнорирует все ограничения Версальского договора, восстанавливает призыв в армию, наращивает производство вооружений и военной техники приступает к реализации плана по установлению гегемонии в Европе.

Европейские великие державы выбрали выжидательную позицию в отношении Германии. Непосредственный крах Версальско-Вашингтонской системы был засвидетельствован Мюнхенскими соглашениями Великобритании, Франции, Германии и Италии в 1938 году. Мюнхенский сговор стал кульминацией британо-французской политики умиротворения агрессора. Последующий аншлюс Чехословакии в 1939 году ознаменовал собой провал этой политики. Экспансионистские планы Гитлера стали явными, поставив Европу и мир перед неизбежностью войны. Вторая мировая война 1939–1945 гг., взорвавшая хрупкое равновесие Версальско-Вашингтонской системы, стала крупнейшим глобальным конфликтом в истории человечества [13: 211–230].

КОНТУРЫ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Впервые вопрос о послевоенном урегулировании был поставлен на Тегеранской конференции трех крупнейших держав

антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании в 1943 году. Контуры будущего биполярного мира начали вырисовываться на Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль-август 1945 года) конференциях «большой тройки», когда отчетливо проявилось усиление влияния СССР и США на мировой политический процесс [14:18].

Германия была разделена на оккупационные зоны, что предопределило раскол страны на десятилетия вперед. Япония капитулировала, Италия утратила свое международное влияние. Союзники по коалиции осознавали, что после исчезновения общего врага вынужденное объединение стран Запада и СССР потеряет смысл, поэтому следовало создать процедуры, гарантирующие неизменность новых границ на карте мира и недопустимость возникновения новых глобальных конфликтов.

Одним из центральных элементов Ялтинско-Потсдамской системы стало создание ООН как краеугольного камня системы международной безопасности. ООН основана на принципе суверенного равенства всех государств-членов, принявших на себя обязательства разрешать международные споры мирными средствами. При решении вопросов по обеспечению мира и международной безопасности в основу деятельности ООН был положен принцип единогласия великих держав. Страны-победительницы в войне, ядерные державы: СССР, США, Великобритания, Франция и Китай, стали постоянными членами Совета Безопасности ООН, обладающими правом вето.

В послевоенном мире усилилась взаимозависимость стран и регионов. Ялтинско-Потсдамская система является первой в истории всемирной и всеобъемлющей глобальной системой международных отношений. При этом особенностью фор-

мирования нового мирового порядка был его конфронтационный характер. 4 апреля 1949 года начинается политическое оформление западного блока созданием Организации Североатлантического договора, а 14 мая 1955 года оформляется социалистический блок созданием Организацией Варшавского договора [15:29–38].

Характерным явлением послевоенной системы международных отношений была «холодная война», выражавшаяся в блоковом мышлении, неизменном политико-идеологическом противостоянии, гонке вооружений, равновесии страха и угрозы ядерной войны [16:3–21]. Ядерное оружие становится инструментом сдерживания, поскольку ни одна из двух сверхдержав не могла пойти на риск широкомасштабного конфликта перед угрозой ответного удара, способного нанести неприемлемый ущерб. Поэтому Ялтинско-Потсдамская система оставалась устойчивой и стабильной вплоть до распада СССР и формирования нового баланса сил и мирового политического порядка [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С 1991 г. наступает однополярный момент в системе международных отношений, когда баланс сил резко изменяется в пользу США и стран Запада. В этот период правопреемник СССР — Россия была сосредоточена на сохранении собственной идентичности, оказавшись в зоне экономической турбулентности в силу крушения единого советского хозяйственного комплекса и необходимости поиска оптимальной модели дальнейшего политического и экономического развития. Бывшие союзники по соцлагерю стали осознавать неопределенность политического и экономического веса России в регионе и в мире, в связи с чем страна начала терять пояс добрососедства по периметру своих границ.

Возникший вакуум силы США и страны Запада стремились использовать для реализации своих геополитических интересов.

После стабилизации ситуации в стране, произошло упрочение позиции России как одного из влиятельных центров силы в новой формирующейся системе международных отношений [18]. Также на мировой арене укрепились новые центры силы, такие как Китай, Индия, страны арабского мира и другие государства. Сокращаются возможности доминирования стран Запада, поскольку происходит рассредоточение мирового потенциала силы и его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион [18]. Начала вырисовываться полицентрическая архитектура нового миропорядка [19].

Вместе с тем, в международных отношениях сохраняется инерция конфронтационного мышления времен «холодной войны». Россия продолжает восприниматься Западом как потенциальный агрессор, которого необходимо сдерживать любыми средствами. В условиях усиления нестабильности мировой политической и экономической системы, происходит наращивание силового потенциала на международной арене, что подрывает устойчивость формирующегося баланса сил. Одним из дестабилизирующих факторов современного мира является усиление угрозы международного терроризма. Современные международные отношения характеризуются сложным многообразием акторов, среди которых, важное значение приобретают негосударственные структуры и организации [20]. В связи с усложнением среды мировой политики и международных отношений можно говорить об эрозии Вестфальской системы, которая базировалась на балансе сил государств и их союзов [21].

Таким образом, начиная с периода раннего Нового времени были сформированы

четыре системы международных отношений, каждая из которых внесла свою лепту в формирование современного мирополитического процесса. Вестфальская система привнесла понятие национального суверенитета, Венская система европейского концерта способствовала развитию международного права и дипломатии. Версальско-Вашингтонская система наметила контуры формирующегося глобального миропорядка, а Ялтинско-Потсдамская система заложила краеугольный камень международной безопасности в лице ООН.

Каждая из систем базировалась на принципе баланса сил и проходила в своем развитии несколько фаз от становления до распада [22:47–54]. Стабильность систем международных отношений зависела от их способности противодействовать деструктивным внутренним и внешним факторам [17]. Крах старой системы сопровождался длительными региональными или глобальными военными конфликтами, в результате которых формировался новый баланс сил и складывалась новая система международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Системная история международных отношений в четырех томах, под ред. Богатурова А.Д. Москва: Московский рабочий; 2000 Т.1. URL: <http://www.obraforum.ru/lib/book1/index.htm> (дата обращения: 17.07.2022).
2. Ланко Д.А. Аналитический и системный подходы в исследовании международных отношений. *Вестник СПбГУ. Серия 6*. 2011;4:76-83.
3. Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2013;5:3-25.
4. Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития. Москва: МГИМО; 1995. С.5-11.
5. Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618-1648) в событиях и коллективной памяти Европы / науч. ред., сост. Ю.Е.Ивонин, Л.И.Ивонина. Москва: Транслит; 2015. 564 с.
6. Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его границы вчера и сегодня. *Век глобализации*. 2018;3:95-105.
7. Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка. *Безопасность Евразии*. 2007;4:230-261.
8. Тарле Е.В. Наполеон. Москва: Юрайт; 2021. 359 с.
9. Мартенс Ф.Ф. современное международное право цивилизованных народов (по изданию 1905 г.), т.2, Москва: Юрид. Колледж МГУ; 1996. 369 с.
10. Фархутдинов И.З. Война и мир в контексте международного права. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права. *Евразийский юридический журнал*. 2020;2:25-33.
11. Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. Москва: Международные отношения; 1989. 322 с.
12. Хахалкина Е.В. и др. Версальско-Вашингтонская система международных отношений глазами российских историков. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020;63:104-107.
13. Космач В.А. Причины и начало Второй Мировой войны: некоторые уточнения и переоценки. *Метаморфозы истории*. 2016;8:211-230.
14. Нарочницкая Н.А. Геополитические итоги Ялтинской конференции и их роль в истории XX века //Ялта: 1945. Прошлое, настоя-

- щее, будущее. Материалы международной конференции / сост Е.А.Бондарева. Москва: Астрей; 2015. С.18.
15. Назаров В.П. Ялтинско-Потсдамские соглашения и новый миропорядок. *Обозреватель*. 2020;5:29-38.
 16. Сетов Р.А. «Холодная война»: современные трактовки в теории международных отношений. *Вестник Московского Университета. Серия: История*. 2008;2:3-21.
 17. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А. Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. Москва: Мысль; 2002. 380 с.
 18. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.). Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 17.07.2022).
 19. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ, отв. Ред. Кокошин А.А., Богатуров А.Д. Москва: КомКнига; 2005. 432 С.
 20. Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. — Cambridge MA: Blackwell; 1996. P.230.
 21. Keohane R.O., Nye J.S. Introduction / Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press; 1972. P.329-349.
 22. Лебедева М.М. Акторы в международных отношениях и мировой политике. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/> (дата обращения: 17.07.2022).
 23. Крайнов Г.Н. Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе. *Ученые записки Художанского государственного университета имени академика Б.Гафурова*. 2015;1:47-54.

REFERENCES:

1. A systemic history of international relations in four volumes, ed. Bogaturova A.D. Moscow: Moscow worker; 2000. Vol.1. URL: <http://www.obraforum.ru/lib/book1/index.htm> [Accessed: 17.07.2022] (in Russ.).
2. Lanko D.A. Analytical and systematic approaches in the study of international relations. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6*. 2011;4:76-83. (in Russ.)
3. Tsygankov P.A. System approach in the theory of international relations. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*. 2013;5:3-25. (in Russ.)
4. Kleimenova N.E., Sidorov A.Yu. Versailles-Washington system of international relations: problems of formation and development. Moscow: MGIMO; 1995. P.5-11. (in Russ.)
5. Crisis and tragedy of the continent. Thirty Years' War (1618-1648) in the events and collective memory of Europe / scientific. ed., comp. Yu.E.Ivonin, L.I.Ivonina. Moscow: Trans-Lit; 2015. 564 p. (in Russ.)
6. Sayamov Yu.N. Peace of Westphalia and its borders yesterday and today. *Age of globalization*. 2018;3:95-105. (in Russ.)
7. Kortunov S.V. The collapse of the Westphalian system and the formation of a new world order. *Eurasian security*. 2007;4:230-261. (in Russ.)
8. Tarle E.V. Napoleon. Moscow: Yurait; 2021. 359 p.
9. Martens F.F. modern international law of civilized peoples (according to the edition of 1905), v.2, Moscow: Jurid. College of Moscow State University; 1996. 369 p. (in Russ.)

10. Farkhutdinov I.Z. War and peace in the context of international law. Experience of doctrinal study of the problems of formation of a modern model of international relations in the context of the development of international law. *Eurasian legal journal*. 2020;2:25-33. (in Russ.)
11. Utkin A.I. Diplomacy of Woodrow Wilson. Moscow: International relations; 1989. 322 p. (in Russ.)
12. Khakhalkina E.V. and others. The Versailles-Washington system of international relations through the eyes of Russian historians. *Bulletin of Tomsk State University. Story*. 2020;63:104-107. (in Russ.)
13. Kosmach V.A. Causes and the beginning of the Second World War: some clarifications and reassessments. *Metamorphoses of history*. 2016;8:211-230. (in Russ.)
14. Narochitskaya N.A. Geopolitical results of the Yalta Conference and their role in the history of the XX century // Yalta: 1945. Past, present, future. Proceedings of the international conference / compiled by E.A. Bondareva. Moscow: Astrea; 2015. P.18. (in Russ.)
15. Nazarov V.P. Yalta-Potsdam agreements and the new world order. *Reviewer*. 2020;5:29-38. (in Russ.)
16. ISubst. Setov R.A. "Cold War": modern interpretations in the theory of international relations. *Bulletin of Moscow University. Series: History*. 2008;2:3-21. (in Russ.)
17. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A. Khrustalev M.A. Essays on the theory and political analysis of international relations. Moscow: Thought; 2002. 380 p. (in Russ.)
18. The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on November 30, 2016). Electronic resource. Access mode: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ [Accessed: 17.07.2022].
19. World politics: theory, methodology, applied analysis, otv. Ed. Kokoshin A.A., Bogaturov A.D. Moscow: KomKniga; 2005. 432 p. (in Russ.)
20. Castells M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge MA: Blackwell; 1996. P.230.
21. Keohane R.O., Nye J.S. Introduction / Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press; 1972. P.329-349. (in Russ.)
22. Lebedeva M.M. Actors in international relations and world politics. Electronic resource. Access mode: <https://rus-siancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhdunarodnykh-ot-nosheniyakh-i-mirovoy-politike/> [Accessed: 17.07.2022]. (in Russ.)
23. Krainov G.N. The evolution of the system of international relations and its features at the present stage. Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. 2015;1:47-54. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина В. Колосова, Кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; tenagadalam@yandex.ru

Irina V. Kolosova, PhD in Historical Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; Russian Orthodox University of St. John the Divine, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; tenagadalam@yandex.ru

